

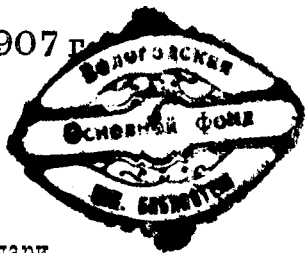
0120-4
1-11

„КЛАДЪ“

Журналъ
политики, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

Книга 11-я—1907 г.

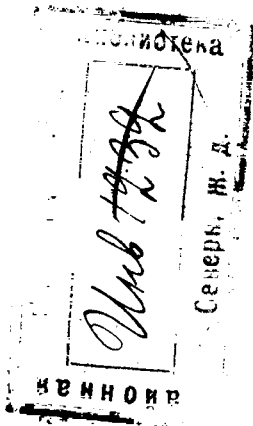

Издание А. А. Каспари.

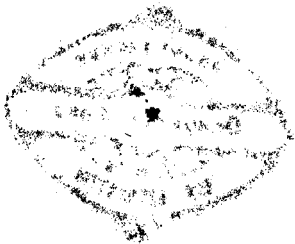
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издательство А. А. Каспари, Лиговская ул., соб. д., 114

Ж 15944

Графическое заведение «Родины» (А. А. Каспара).
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Б Ъ Л Ы Я Н О Ч И

(Иллюстрація момента.)

Май, весна, соловей, бѣлыя ночи, проклятыя бѣлыя ночи! Ни день, ни ночь—неизвѣстно, что такое виситъ надъ несчастной землей. Понятенъ яркій солнечный день, понятенъ день сумрачный, тусклый, понятны ненастье, сумерки, ночь, но эта ненавистная полумгла, это снятое молоко, разлитое въ воздухъ, и не понятны, и противны. Даже самый голосистый соловей, сыплющій въ такія ночи свои трели и колѣнца, не чаруетъ, а невольно думается, что въ этой молочной полумглѣ такой пѣвецъ совсѣмъ излишенъ и его чудныя пѣсни только нервятъ, нагоняютъ тоску, будятъ томленія и заставляютъ невѣдомою тревогою сжиматься бѣдное, изстрадавшееся сердце...

Бѣлыя ночи въ воздухѣ, ненавистныя бѣлыя ночи въ жизни!

Словно что-то ползущее, давящее, щемящее, томящее навалилось на Россію. Мелькнулъ лучъ, жданный лучъ желаннаго солнца, прорѣзалъ кромѣшную тьму, разсѣялъ ее на мгновение, но тьма надвинулась снова и, не будучи въ силахъ окончательно поглотить теплый лучъ, обратилась въ борьбу съ нимъ въ молочно-бѣлесоватую мглу и застряла надъ Россіей.

Мозглость какая-то чувствуется въ жизни, какое-то гнетущее ни то, ни се. Дума, подававшая надежды на близкое счастье, тоже виситъ въ воздухѣ: не умолкаютъ толки объ ея разгонѣ.

Такое явленіе вполне понятно. До сихъ поръ, мы, русскіе люди, шикнуть не смѣли, даже когда насъ били уполномоченные правителями низшіе агенты только лишь по тому случаю, что у нихъ, этихъ агентовъ, кулаки чесались да много дѣла въ эти моменты у нихъ не было. Попробуй-ка избиваемый городовымъ крикнуть „караулъ“ — сейчасъ ст. 38-я, да не думская, а устава о наказаніяхъ, карающая „нарушеніе тишины“, и въ результатѣ кутузка; а тотъ наивный, кто попытался-бы уговаривать избивающаго остановиться, былъ-бы высланъ за вмѣшательство „въ законныя дѣйствія и распоряженія“ администраціи. И вдругъ послѣ всего этого трахъ! Не только городовымъ, но и самимъ министрамъ то и дѣло „влетаетъ на орѣхи“! Конечно, такое положеніе совершенно необычно для недавняго

раба и ему кажется, что все это—дѣянiя преступныя, подлежащiя карѣ; новая жизнь еще не настолько виѣдрилась въ существо русскаго человѣка, чтобы онъ привыкъ къ ея формамъ. Эти формы еще только вырисовываются въ полумгль, туманъ, бѣлой ночи русской свободы.

Эта общая неопредѣленность, эти мыканья отъ одного берега къ другому, это шатанье изъ стороны въ сторону и есть бѣлая ночь русскихъ свободъ и новой общественности. Все подъ ея покровомъ смутно, все неопредѣленно, витають призраки, уродливые призраки и пугають воображенiе.

Въ бѣлесоватомъ туманѣ, подъ покровомъ его клубовъ творятся невозможныя дѣла. Кровопролитiе не унимается. Смѣлость разбойниковъ достигла геркулесовыхъ столбовъ—именно разбойниковъ, а не фанатиковъ политики. Кто-же сочтетъ всѣ эти современныя экспроприацiи, подстрѣливанiя изъ-за угла за хотя преступныя, но тѣмъ не менѣе все-же политическiе акты?

Люди, подъ влiянiемъ почти непрерывной реакцiи, выродились, если не тѣломъ и физической силой, то духомъ. Ихъ отучили разсуждать и приучили только повиноваться всякому, у кого въ рукахъ палка. Вотъ и достаточно идиотскаго окрика „руки вверхъ“, чтобы десятки здоровыхъ людей повиновались этой командѣ двухъ-трехъ молокососовъ.

Рабство еще не выдохлось и не могло еще выдохнуться. Недавно еще обыватели должны были исполнять всякую команду, какъ-бы она бессмысленна ни была. И теперь они исполняютъ ее уже по привычкѣ. Призраки, витающiе въ полумгль бѣлой ночи, пугають ихъ и обезпечивають ихъ подчиненiе всякому, кто умѣетъ или научился командовать.

Удивительно было-бы, чтобы такiе субъекты не воспользовались своимъ преимуществомъ. Въдѣ, этотъ перiодъ общественной запуганности не вѣченъ. Солнцеворотъ не за горами и послѣ бѣлыхъ ночей весны пойдуть здоровыя, но не бѣлыя, лѣтнiя ночи. Тогда всѣ призраки исчезнутъ сами собой и тогда, въ отвѣтъ на наглое: „руки вверхъ“, послышится столыпинское „не запугаете“, да еще, быть можетъ, сопровождаемое револьвернымъ выстрѣломъ.

Вѣдѣ, всѣ современные герои: максималисты, бомбисты, экспроприаторы—въ сущности подлые трусы, и если противъ ихъ наглости будетъ выставлена дѣйствительная сила, они разбѣгутся. Только-бы скорѣе наступилъ солнцеворотъ, проходила весна, сгинули бѣлыя ночи съ ихъ призраками и на смѣну имъ явилось красное лѣто.

О К О П О Д У М Ы .

Статья А. И. Лаврова.

Въ маѣ вторая государственная дума перешла своего рода „Рубиконъ“: благополучно миновала сорокъ третье засѣданіе, бывшее для первой думы роковымъ. Кое-что уже можно сказать теперь про думу. Мало того, что можно—должно.

Кажется, въ отношеніи думы „сколько головъ—столько умовъ“, т. е., мнѣній. И всѣ-то мнѣнія о ней различныя, но большинство склоняется въ сторону того, что вторая дума—идеаль парламентской безтолковости.

Старѣйшій изъ петербургскихъ журналистовъ, такъ сказать, Мафусаилъ петербургской журналистики, А. С. Суворинъ безъ церемоній зоветь вторую государственную думу—„пьяной думой“. Вотъ его слова:

„Мнѣ глубоко противно поведеніе думы, которая съ упорствомъ, достойнымъ лучшихъ цѣлей, продолжастъ съ благосклонной улыбкой смотрѣть на терроръ, какъ пьяный смотритъ на выставленные мерзавчики въ кабацѣ, чтобъ добратся до нихъ и напиться.

„Это—пьяная революція въ пьяномъ вырождающемся обществѣ, изъ котораго я не исключаю, разумѣется, и администраціи, статской, военной и духовной, и въ представительствѣ этого общества, пьяной думѣ. Кровавый бредъ пьяницъ и вырожденцевъ, анархія пьяныхъ тупицъ, кровавый угаръ отъ алкоголя, наслѣдственность лѣни и безволія, тупое упрямство и безсліе съ похмелья и юмористическое отношеніе къ убійству и анархіи. Все это пьяное—и въ прямомъ, и въ переносномъ значеніи этого убожескаго состоянія, выписывающаго мыслете и потерявшаго путь“.

Мы держимся убѣжденія, что журналистъ долженъ быть свободенъ и его мнѣніе такъ-же свободно, какъ вѣтеръ, приносящій то прохладу въ зной, то живительный дождь, то изъ одного мѣста въ другое заразу. Но несомнѣнно, что десятки лѣтъ, прожитыхъ на свѣтѣ маститымъ журналистомъ, сказываются въ этомъ лепетѣ дѣтства, и поэтому мы считаемъ удобнымъ привести здѣсь отцовѣдъ на вышеприведенное мнѣніе, которую мы нашли въ газетѣ старшаго сына именно этого самаго журналиста-Мафусаила.

Соглашаясь съ тѣмъ, что въ нашей политической жизни выступаютъ „пьяные“, „Русь“ спрашиваетъ: „Кто они?“—и отвѣчаетъ:

„О, конечно, не народъ, не его интеллигенція, которая своего пути не потеряла и не потеряетъ, а вотъ тѣ, кто вопилъ и подстрекалъ воевать съ Японіей съ голыми руками и безъ кораблей уничтожить ея флотъ. Пьяны были тѣ, кто постыдно бросалъ обвиненія въ отсутствіи мужества и патріотизма противъ всѣхъ призывавшихъ тогда къ разуму, напоминавшихъ объ отвѣтственности предъ народомъ и требовавшихъ обновленія народныхъ силъ вмѣсто этой ужасной гекатомбы ихъ. Пьяны были тѣ, которые послѣ національнаго позора въ Портсмутѣ оказались способны искать себѣ оправданіе въ словахъ: „Мы только хотѣли побѣды своему народу, ибо любили его“. Это—любовь пьянаго, такъ какъ трезвый и отвѣтственный человѣкъ такъ не любитъ!

„Пьяны лакействомъ тѣ, кто ругаетъ, ругаетъ лично, отставленныхъ министровъ, покорливо превознося ихъ несуществующіе таланты въ моментъ принятія ими власти.

„Люди „любятъ“ народъ и рядъ „бездарностей“ и „безвольностей“, смѣняющихся въ роли министровъ, имъ не кажется оскорбленіемъ живой талантливости самого народа, ими „любимаго“.

„Когда дума домогается отвѣтственности министровъ, то, конечно, только сквозь пьяный угаръ въ этомъ можно увидѣть что-либо ее унижающее! А есть газеты, которыя утверждаютъ это.

„Пьяны безстыдствомъ тѣ, кто послѣ величайшихъ страданій и жгучихъ мукъ, вынесенныхъ народомъ вслѣдствіе его безгласія, смѣютъ взывать къ новымъ расправамъ надъ печатью, добываясь еще пушгаго молчанія народа въ еще важнѣйшій моментъ его бытія.

„Пьяны тѣ, которые достойнымъ закона текстомъ считаютъ фразу: „преступленіе подлежитъ преслѣдованію, а что такое преступленіе—это для гражданъ будутъ опредѣлять старшіе чиновники судебного приказа“.

„Пьяны тѣ, кто крикъ страданія народа принимаютъ за икоту пьянаго, а судорожное пошатываніе его тѣла, напрягающагося въ усиліяхъ въ борьбѣ за жизнь—за „мыслете“ подвыпившаго гуляки...

„Пьяны тѣ, кто о народѣ и его грядущемъ смѣютъ писать съ злорадствомъ и злобными проклятіями и укорами его бездѣятельности, когда пишущіе не хуже насъ съ вами знаютъ, что силы этого народа окованы тысяченудовыми капдалами и, именно, къ работѣ надъ своею жизнью его тщательнѣйше не допускаютъ, расходуя на это его-же скудные запасы силъ.

„Да, все это—пьяное прислужничество минутъ, все это—оголтелое и стыдъ потерявшее пьянство мысли и языка“...

Мы привели здѣсь два противоположныхъ мнѣнія; могли-бы привести ихъ и еще болѣе—десятки такихъ противоположностей, сотни, потому что ими ежедневно полны номера выходящихъ газетъ. Но зачѣмъ приводить ихъ? Вторая дума показала себя.

Несомнѣнно, дума работоспособна. Это ничего, если видимыхъ результатовъ пока мало. Все-таки кое-что есть. Нельзя, вѣдь, о дѣятельности думы судить по тому, что происходитъ въ залѣ Таврическаго дворца. Тамъ показное дѣло, такъ сказать, „для увеселенія и развлеченія почтеннѣйшей публики“. Настоящая работа думы сосредоточена вся въ комиссіяхъ. И вотъ, когда эти комиссіи вынесутъ эту работу и покажутъ ее всему народу, тогда только и можно будетъ говорить, что такое дума. А по скандаламъ, устраниваемымъ г.г. Пуришкевичемъ и К^о, Зурабовымъ и Алексинскимъ съ товарищами, ни о чемъ еще судить нельзя. Подождемъ еще немного и все увидимъ. Это съ одной стороны.

Съ другой стороны, для насъ ясно воспитательное значеніе думы. Сравните невозможную и неприличную по тону рѣчь бывшего предсѣдателя совѣта министровъ г. Горемыкина въ первой думѣ съ рѣчами г. Столыпина во второй. Между ними громадная разница. Министры выучились говорить съ народнымъ представительствомъ. Въ думѣ это—не прежніе олимпійцы, недосягаемые не только для критики, но даже для взоровъ обыкновенныхъ смертныхъ, а люди, которые такъ или иначе, хорошо или дурно, но несомнѣнно съ желаніемъ, чтобы все было хорошо, дѣлаютъ свое дѣло,—то дѣло, за которое они взялись, къ которому они приставлены. Это—большой шагъ впередъ и дума въ этомъ отношеніи въ выигрышѣ.

Говорятъ,—конечно, печатно,—что „ка-деты“ будто-бы, оставивъ всякія попопзновенія на „стремительный штурмъ“ власти, ведутъ „правильную осаду“ власти; но мы этого, признаться сказать, не видимъ. „Ка-деты“, единственные въ думѣ, работаютъ сами и заставляютъ работать своихъ антиподовъ на министерскихъ скамьяхъ. Октябристы окончателно ступевались послѣ своего сѣзда и потеряли въ думѣ всякое значеніе. „Это—не партія, а скука“,—сказалъ про октябристовъ А. С. Суворинъ, побывавъ у нихъ на сѣздѣ. Крайніе правые избрали своей спеціальностью въ думѣ устройство скандаловъ, правые-умѣренные безцвѣтны; всѣ, кто влѣво за „ка-детами“,—силошь невѣжды, способны только къ митинговому задору да повизгиванію, похрюкиванію и крику; стало быть, работниками въ думѣ являются одни лишь „ка-деты“ да еще польское коло, въ составѣ котораго подобрались дѣйствительно сознательные и просвѣщенные парламентаристы.

Кромѣ того, нужно помнить, кто зачѣмъ явился въ думу.

Крайніе правые не признаютъ думы, настаиваютъ на возвращеніи къ прежнему порядку, при которомъ такъ хорошо жилось всѣмъ, у кого спина обладала гибкостью, кто хотѣлъ пановать за счетъ своего народа, и поэтому они, эти г.г. Пуришкевичи, Келеповскіе

Шульгини, Бобринскіе, Крупенскіе, явились въ думу, чтобы показать налицо непригодность такого рода правительственныхъ учреждений.

Крайніе лѣвые, до „энь-эсовъ“ включительно, явились въ думу, чтобы обратить ее въ орудіе своихъ замысловъ, подготовить путемъ ея переходъ къ совершенно иному строю. Имъ дума не дорога, разгонять ее—будетъ третья, которую они такъ-же будутъ эксплуатировать, какъ вторую и первую. Трудовики и крестьянскій союзъ слишкомъ невѣжественны, чтобы думать о всенародномъ дѣлѣ: они стремятся только при посредствѣ думы урвать, что можно, и дальше хоть трава не расти.

Остается центръ. И центръ сознаетъ, что такое конституціонализмъ, и своимъ лозунгомъ принялъ: „Берегите думу!“ И центръ бережетъ думу, понимая, что дума, какаѣ-бы то ни была, все-таки есть нѣчто, а если думы не станетъ, то будетъ ничто... Нѣчто-же неизмѣряемо больше, чѣмъ ничто, а потому обязанность каждаго русскаго, искренне любящаго свое отечество, это нѣчто беречь, какъ зѣницу ока, и не поддаваться на провокаторскіе вопли, приглашающіе признать думу и „пьяной“, и „безтолковой“, и пр.

Благодаря тому, что въ думѣ все-таки есть истинные конституціоналисты, понимающіе истинный смыслъ этого учрежденія, умѣющіе разобраться въ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ нему, второй думѣ удастся обходить такія „скалы и тайныя мели“, какія грозили ей несомнѣннымъ крушеніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не опаснѣйшей подводной скалой для второй думы было сужденіе о порицаніи террору? И дума умѣла обойти его съ полнымъ благополучіемъ для себя. Вы не думайте, чтобы этотъ вопросъ былъ такъ простъ. Уже то, что въ немъ такъ мало словъ, свидѣтельствуетъ о безпредѣльной широтѣ его. Намъ кажется, что, если-бы предложеніе правыхъ было сформулировано примѣрно такъ: „Предлагается думѣ выразить свое порицаніе всѣмъ бомбометателямъ, всѣмъ револьверщикамъ, кинжалщикамъ, всѣмъ вообще убійцамъ, проливающимъ кровь, прикрываясь политическими цѣлями“,—большинство думы было-бы за порицаніе кровавой дѣятельности всѣхъ этихъ преступниковъ. Но думѣ предлагалось выразить порицаніе террору вообще, т. е., другими словами, и правительству, которое дѣйствовало, да и теперь дѣйствуетъ устрашающими мѣрами: карательными экспедиціями, смертными казнями и т. д.; развѣ можно поручиться, что, какъ только дума выразила-бы свое порицаніе всякому террору, ея не подцѣпили-бы? Подцѣпили-бы! Дума, дескать, порицаетъ правительство, стало быть, вмѣстѣ съ нимъ и Верховную Власть, которая это правительство поставила... Тутъ и былъ-бы копецъ и не только второй думѣ, но и русскому едва наро-

давшемуся парламентаризму, и съ нимъ заодно и всѣмъ поворожденнымъ русскимъ свободамъ.

Дума ловкимъ маневромъ сумѣла уклониться отъ разставленной ей западни и спасла себя. Неужели за это можно винить думу?

Точно такъ-же и то засѣданіе, въ которомъ было выслушано сообщеніе премьеръ-министра. о раскрытомъ злодѣйскомъ покушеніи. Извѣстная резолюція была принята единогласно; количество членовъ думы, необходимое для законности ея засѣданія, было налицо. По установившемуся обычаю, тѣ, кто не присутствуютъ, считаются присоединившимися къ большинству. Стало быть, въ принятіи извѣстной резолюціи думы участвовали и „эсъ-эры“, и „эсъ-деки“, и „энь-эсы“, и трудовики. Былъ-бы грандіозный скандалъ, если-бы всѣ эти господа остались въ засѣданіи и баллотировали противъ предложенной думѣ резолюціи. Вотъ тогда дума не уцѣлѣла-бы и правительство было-бы въ правѣ разогнать ее. Но и въ этомъ случаѣ Богъ не попустилъ думы потерпѣть крушеніе на подводной скалѣ, куда ее пытались кинуть т. наз. правые.

Послѣдствіемъ этого все-таки былъ скандалъ. Нѣсколько священниковъ-думцевъ не участвовало въ баллотировкѣ, за что „батьюшки“ и угодили подъ духовный судъ.

Не будемъ говорить здѣсь, какъ они поступили, эти „батьюшки“; скажемъ коротко, что, по нашему мнѣнію, они не должны были такъ поступать. Но вотъ какія мысли посѣтили насъ при извѣстіи о судѣ надъ священниками-думцами. По нашему мнѣнію, духовнымъ лицамъ совсѣмъ не мѣсто въ такомъ учрежденіи, какъ дума: ни епископамъ, ни попамъ. По самому существу своей службы эти люди не свободны и находятся въ полной зависимости отъ своего начальства. Идя въ думу, они тѣмъ самымъ начинаютъ служить двумъ господамъ. А развѣ это возможно? Народный представитель долженъ быть свободенъ. А въ томъ положеніи, въ какомъ очутились государственные выборные духовнаго званія, всѣ попы-думцы, да и епископы-думцы,—не болѣе, какъ маріонетки. Доказательство этого: приказъ перемѣнить въ три дня свои убѣжденія. Вѣдь, въ отношеніи всякаго другого лица такой приказъ былъ-бы абсурдомъ. А тутъ онъ отдается съ увѣренностью, что такъ именно и будетъ.

Чиновникъ, избранный въ думу, долженъ выдти въ отставку, военные, состоящіе на дѣйствительной службѣ, избираемы въ думу быть не могутъ, а попомъ, зависящій непосредственно не только отъ своего епископа, а и отъ какого-нибудь консисторскаго прощальги, отъ такого-же попа съ наклееннымъ ярлыкомъ „благочинный“, не выходя изъ подчиненности всѣмъ имъ, идетъ на служеніе цѣлому народу, и, какъ только онъ поступаетъ не такъ, какъ угодно его начальству, сейчасъ-же выходитъ скандалъ, въ корень подрывающій

и безъ того-то уже подорванное уваженіе къ церкви и ея пастырямъ.

Правительство, когда хлопотало о „батюшкахъ“ въ думѣ, надѣялось получить именно маріонетокъ, но практическая жизнь показала иное. Уже въ первой думѣ были священники, отказывавшіеся дѣйствовать по указкѣ извнѣ, во второй думѣ ихъ еще больше. Первыхъ заточили въ монастыри, разстригли; то-же, вѣроятно, будетъ и съ этими. Въ результатѣ для своей пасты, для своихъ духовныхъ дѣтей все они являются мучениками, за народъ пострадавшими, а консисторскіе отцы?..

Кстати о смиренныхъ инокахъ, отказавшихся отъ всякаго стяжанія, давшихъ обѣты, воздержанія и даже нищенства.

Газета „Слово Правды“ приводитъ слѣдующія данныя о доходахъ нѣкоторыхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ: 1) московскій митрополитъ получаетъ жалованья 6.000 р., столовыхъ 4.000 р., доходовъ отъ архіерейскаго дома 8.000 р., отъ Чудова монастыря 6.000 р., отъ Сергіевской лавры 12.000 р. и отъ Иверской часовни 45.000 р., а всего 76.000 р.; 2) петербургскій митрополитъ получаетъ жалованья 5.000 р., столовыхъ 4.000 р., доходовъ отъ Невской лавры 250.000 р., а всего 259.000 р.; 3) кievскій митрополитъ получаетъ жалованья 5.000 р., столовыхъ 4.000 р., доходовъ отъ архіерейскаго дома 10.000 р. и отъ Печерской лавры 65.000 р., а всего 84.000 р.; 4) новгородской архіепископъ получаетъ жалованья 1.500 р., доходовъ отъ архіерейскаго дома 2.000 р., съ Новгородскаго подворья 300.000 р., а всего 307.500 р.; 5) владимірскій и казанскій получаютъ каждый 50.000 р. и т. д.

Хороши, однако, „нищіе“! есть изъ чего „дѣтишкамъ на молочишко прикопить“. Рѣдкое предпріятіе въ наше время даетъ такіе барыши, какъ подобное „нищенство“; стараться во всякомъ случаѣ есть изъ-за чего... И это въ такое время, когда пол-Россіи мретъ съ голода, когда всюду слышатся жалобныя напоминанія о томъ, что на полтора рубля въ мѣсяцъ, т. е., за 18 рублей въ годъ можно кормить голоднаго человѣка. Простѣйшій ариѳметическій расчетъ показываетъ, что на тѣ суммы, которыя отходятъ къ давшимъ обѣты нищенства смиреннымъ инокамъ, можно было-бы прокормить цѣлый годъ безъ малаго 46.000 голодающихъ „поильцевъ и кормильцевъ“ земли русской—мужиковъ.

Говоря о голодающихъ „кормильцахъ и поильцахъ“, нельзя не вспомнить и фельдмаршальскаго сына г. Гурко. Живъ фурилка! Этому господину мало, что о его подвигахъ взялъ на себя обязанность напоминать Россіи первый департаментъ правительствующаго сената, онъ самъ о себѣ тоже не прочь время отъ времени напомнить. Въ думѣ въ своей рѣчи вспомнить о немъ нашелъ нужнымъ—

конечно, не въ тонѣ восхваленія—тверской депутатъ г. Родичевъ. И вотъ храбрый г. Гурко поспѣшилъ вызвать Родичева на дуэль. Родичевъ отвѣтилъ, какъ и нужно было отвѣтить: дескать, до оправданія дѣяній г. Гурко судомъ дуэль невозможна. Храбрый г. Гурко называлъ тогда печатно Родичева трусомъ, но въ отвѣтъ получилъ одно только презрительное молчаніе. Тогда—здравствуйте, честныя жены, кромѣ измѣнницы!—выскочилъ государственный выборный г. Шульгинъ—пашыпокъ кievскаго Пихно, „пихенокъ“—и тоже предложилъ г. Родичеву дуэль... Но и онъ въ отвѣтъ получилъ одно только молчаніе.

Все это было-бы очень грустно, если-бы не было такъ смѣшно. Развѣ возможна дуэль съ г. Гурко въ данномъ положеніи? Вѣдь, это значило-бы подвергать первый департаментъ правительствующаго сената риску произнесенія справедливаго приговора. Г. Гурко, дѣйствительно, лучше было немного подождать. Зачѣмъ торопиться? Рѣшимость, отвага, храбрость сослужать ему великолѣпную службу и въ будущемъ, преждевременно растрчивать запасы ихъ нечего, а г. Шульгину тоже надобно себя поберечь; союзъ русскаго народа что-то шатается и осиротѣть ему въ такое время совсѣмъ не подстать: въ пресловутомъ союзѣ теперь и такъ хоругвей, и знаменъ стало больше, чѣмъ участниковъ, о чемъ свидѣлствуютъ и телеграммы „Спб. телеграфнаго агентства“; кромѣ того, и въ думѣ его „рати“ становится какъ-будто меньше. Проникшій въ печать слухъ объ опалѣ, объявленной гос. думѣ депутатомъ Крушеваномъ, по словамъ „Рѣчи“, подтверждается. Онъ заявилъ, что крамольная дума ему надоѣла и что онъ не видитъ возможности продуктивно въ ней работать. Это тѣмъ болѣе понятно, что планъ объединенія, подъ руководствомъ г. Крушевана, всѣхъ „патріотовъ“ въ думѣ для сокрушенія крамолы не встрѣтилъ энтузіазма со стороны „патріотовъ“, не желающихъ подчиниться г. Крушевану. Г. Крушеванъ удаляется въ родныя палестины, чтобы возобновить въ „Другѣ“ травлю противъ евреевъ, такъ какъ его намѣстники, по мнѣнію г. Крушевана, облѣнились, и кишиневскіе евреи стали дышать свободнѣе.

Закончимъ эти строки цитатой изъ впечатлѣнній извѣстнаго журналиста Г. С. Петрова (священника), только что вернушагося въ думу изъ Черемнецкаго монастыря. Эти впечатлѣнія представляютъ нѣкоторый интересъ, какъ впечатлѣнія совершенно свѣжаго человѣка.

„Когда я разъ и два побывалъ въ государственной думѣ на депутатскомъ мѣстѣ,—разсказываетъ г. Петровъ газетѣ „Свободныя Мысли“,—когда я оглядѣлся среди членовъ думы и присмотрѣлся къ правительственнымъ чиновникамъ, выступавшимъ предъ избранными народа со своими объясненіями, — я понялъ, почему наши верхи бюрократіи не любятъ думы и пугливо чураются. Тутъ не

одинъ грубый эгоизмъ, не одна болѣзнь потерять власть и соединенное съ нею благополучіе. Было-бы грубою клеветою нравственно чернить всю бюрократію. Есть и въ бюрократіи честные и порядочные люди. Но и они могутъ быть не меньше противники думы. Дума имъ непонятна, дума имъ чужда по духу. Дума и бюрократія—это двѣ совершенно различныя, несомвѣстимыя стихіи. Здѣсь различныя психологіи, различныя языки, различныя формы бытія.

„Бюрократія—это уже остывшая, окаменѣвшая масса. Здѣсь все закристаллизовалось. И канцелярскій языкъ отлился разъ навсегда, и канцелярское мышленіе представляетъ собою уже одну, давно очерченную, неизмѣненную форму. Самый разумъ бюрократіи, совѣтъ ея являются какими-то геологическими отложеніями. Лежитъ пластъ породы—и берите его такимъ, каковъ онъ есть. Ни теплѣе, ни холоднѣе; ни легче, ни жестче онъ быть не можетъ. Говорить-ли представитель бюрократіи о пыткахъ, которымъ подвергаютъ заключенныхъ по тюрьмамъ; говорить-ли о субсидіи дальневосточному товариществу пароходства, говорить-ли о смертныхъ казняхъ, или о карѣ газетъ,—онъ говоритъ одинаково равнодушно, тихо, равномѣрно. Ему кричатъ со скамей депутатовъ: „Громче, громче!“—онъ спокойно продолжаетъ рѣчь такъ-же тихо. „Громче!“—кричатъ съ новой силой. Онъ все тотъ-же. И депутаты должны спускаться внизъ, къ кафедрамъ бюрократа.

„Бюрократъ—окаменѣлая порода, залегающая на всю страну гранитнымъ пластомъ, гряда возвышенностей.

„Депутаты во время засѣданій думы то и дѣло переходятъ другъ отъ друга, разспрашиваютъ, что и какъ на мѣстахъ. И идутъ, просятъ, запрашиваютъ. Бюрократы не идутъ. Они ждутъ, чтобы къ нимъ пришли. Они безногіе, недвижны. Недвижна и воля ихъ, недвижна ихъ правда.

„И депутаты—какъ переселенцы въ новомъ мірѣ. Да, и въ мірѣ еще дѣвственномъ, незатрунутомъ, чистомъ... Депутаты въ мірѣ, подвергнувшемся катаклизму. Сворачивай заграждающія дорогу каменные глыбы, убрай старый накопившійся вѣками мусоръ и щебень, конай землю, закладывай фундаментъ, пашни, борони да еще каждую минуту и отъ дикаго звѣрья обороняйся.

„Поэтому залъ государственной думы и похожъ сейчасъ на лагерь переселенцевъ-піонеровъ. Въ то время какъ въ министерской ложѣ недвижно сидятъ окаменѣлости бюрократіи, среди депутатовъ постоянное движеніе. Тутъ много еще хаотическаго, но надъ этимъ хаосомъ вѣетъ творческій духъ Божій. Здѣсь все бродитъ, кипитъ, бурлитъ. Идетъ непрестанная творческая работа.

„Тамъ, у бюрократовъ, все уже кончено, здѣсь еще только начинается. Важн о у первыхъ все, по внѣшности и благообразно, все

равномѣрно и закономѣрно, а среди членовъ думы сплошь и рядомъ тренія, шероховатости, срывы. Это неудивительно. На лунѣ всегда спокойно и не бываетъ никакихъ эксцессовъ и возмущеній, а на солнцѣ постоянно наблюдаются протуберанцы, вырываются огненные языки. Зато луна, какъ и наша бюрократія, давно уже—мертвая, остывшая планета, а солнце и само живетъ, и даетъ жизнь цѣлымъ мірамъ. Но холодная и безжизненная луна (бюрократія) не въ силахъ понять кипѣніе и горѣніе солнца (народной думы). Бойтся все, что солнце сожжетъ міръ, и готова, если-бы въ силахъ была, задуть, затушить солнце. Но, во-первыхъ, затушить солнце—значить обречь жизнь на разрушеніе, а во-вторыхъ, и это—самое главное: не лунѣ задуть солнце. Солнце народной думы, загорѣвшееся въ мірѣ, будетъ горѣть и будить жизнь, пока не изсякнетъ творческій огонь въ народѣ, а до тѣхъ поръ никакая сила въ мірѣ, никакая стихія солнце думы не сможетъ потушить“.

Въ заключеніе еще маленькое и совершенно „околодумское“ впечатлѣніе. Въ одно изъ недавнихъ думскихъ засѣданій на думской трибунѣ появился „соціалъ-революціонеръ“ отъ Тверской губерніи г. Кузнецовъ и самымъ непристойнымъ образомъ принялся разносить дѣлавшихъ сообщеніе министровъ. Предсѣдатель нѣсколько разъ останавливалъ его и еле-еле удалось „заткнуть фонтанъ“ площаднаго краснорѣчія разошедшагося „соціалъ-революціонера отъ Тверской губ.“. Прошло дня два-три и газеты сообщили о слѣдующемъ происшествіи.

Около 3-хъ часовъ ночи на 19 мая членъ государственной думы Алексѣй Федоровичъ Кузнецовъ и сотрудникъ газеты „Русь“ Василій Павловичъ Ликинъ, проходя въ нетрезвомъ видѣ мимо ресторана „Яръ“, по Большому пр., остановились противъ постовыхъ городскихъ Криштала и Кандаулова. Депутатъ Кузнецовъ сталъ съ троттуара отправлять естественную надобность и приговаривалъ: „Пусть городовые посмотрятъ“. Затѣмъ, депутатъ Кузнецовъ, продолжая свои неприличные дѣйствія, сталъ кричать и ругаться площадною бранью, крича: „Ишь, алкоголики, не хотятъ и посмотреть!“ Городовые подошли къ безобразникамъ и попросили ихъ идти своей дорогой, но депутатъ Кузнецовъ продолжалъ ругаться и спорить съ городовыми. Въ это время проѣзжалъ мимо младшій помощникъ пристава, который, услыхавъ брань, остановился узнать, въ чемъ дѣло, послѣ чего распорядился отправить неизвѣстныхъ, т. е., Кузнецова и Ликина, въ участокъ для выясненія личности. По доставленіи въ участокъ „народный представитель“ и тамъ вель себя вызывающе, кричалъ и сначала не желалъ назвать себя. „Я выше всякой полиціи и съ полиціей разговаривать не желаю! И вашимъ требованіямъ, вашему произволу не подчинюсь!“—говорилъ Кузнецовъ.

Тогда полицейскій офицеръ предложилъ обыскать Кузнецова, но послѣдній не допустилъ этого и предъявилъ билетъ члена государственной думы за № 66-мъ, выданный на имя Алексѣя Федоровича Кузнецова. Послѣ этого задержанные за безобразія на улицѣ депутатъ Кузнецовъ и сотрудникъ газеты „Русь“ Ликинъ были отпущены, но полиція ихъ привлекаетъ къ отвѣтственности за оскорбленіе городовыхъ и за нарушеніе тишины на улицѣ.

Это и былъ тотъ самый Кузнецовъ, который скандалил въ думѣ, ругая генераль-губернаторовъ и увѣряя, при общемъ хохотѣ, будто министры его, Кузнецова, ужасно боятся.

Этотъ-же Кузнецовъ на Пасхѣ, говоритъ „Свѣтъ“; въ г. Торжкѣ валялся пьяный на улицѣ, а затѣмъ имѣлъ дерзость опровергать газетныя по этому поводу сообщенія, объясняя все „интригами“.

Соціалъ-революціонеръ изъ Тверской губерніи, конечно, поспѣшили выступить съ опроверженіемъ. Отчего-же не опровергать? Вѣдь, „Освѣдомительное бюро“ постоянно „опровергаетъ“. Какъ-же не опровергать законодателью?

Въ своемъ опроверженіи онъ выставилъ себя бѣдной овечкой, угнетенной невинностью, но одновременно съ его опроверженіемъ въ „Руси“, печатающей все, что попадетъ подъ руку, въ „Виржевыхъ Вѣдомостяхъ“ появилась такая замѣтка о разговорѣ въ кулуарахъ думы:

„Много говорилось о членѣ думы Кузнецовѣ, который, вмѣстѣ съ однимъ изъ сотрудниковъ „Руси“, оба въ нетрезвомъ состояніи, неприлично вели себя на улицѣ и угодили въ участокъ.

„Кузнецовыхъ въ думѣ — двое: одинъ — социалъ-демократъ, другой — социалъ-революціонеръ. „Случай“ произошелъ съ социалъ-революціонеромъ.

„— Правда-ли?—спросилъ я одного изъ лидеровъ с.-р. фракціи, доктора Горбунова.

„— Къ сожалѣнію, правда.

„— Что-же вы думаете сдѣлать?

„— Мы вынесемъ постановленіе объ исключеніи его изъ фракціи.

„— И все?

„— Больше мы ничего сдѣлать не можемъ. Это — очень прискорбная исторія. Лишнее оружіе въ рукахъ враговъ думы.

„Да, лишнее, но, вѣдь, въ семьѣ не безъ уroda“.

На выстрѣлъ-бы только не подпускать такихъ „тверскихъ спцилистовъ“ къ Таврическому дворцу; совсѣмъ имъ тамъ не мѣсто.

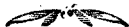
Представленіе Государю Императору председателя государственной думы съ докладомъ о ея дѣлахъ.

Въ Петергофѣ 19-го мая, въ шесть часовъ вечера, Государемъ Императоромъ съ докладомъ о положеніи дѣлъ въ г. думѣ былъ принятъ ея председатель Ф. А. Головинъ.

Эта поѣздка носила чисто официальный характеръ. Она совпала съ желаніемъ многихъ членовъ думы, по мнѣнію которыхъ являлась необходимою съ политической точки зрѣнія. По словамъ „Руси“, поѣздкѣ предшествовало и официальное предложеніе изъ Царскаго Села.

Какъ передаютъ, бесѣда была довольно продолжительна; она касалась послѣднихъ засѣданій гос. думы, прекращенія преній по аграрному вопросу, деклараціи премьеръ-министра по земельному вопросу, священниковъ, которые вызывались митрополитомъ Антоніемъ. Передавали также, что былъ затронутъ вопросъ о дѣятельности соц.-дем. въ связи съ послѣдними обысками у депутата Озоля. Вообще, все имѣвшее мѣсто въ Петергофѣ убѣдило председателя гос. думы, что придворныя сферы весьма внимательно относятся къ думскимъ занятіямъ. Приемъ Ф. А. Головину былъ оказанъ благожелательный.

„Русь“ передаетъ, что докладъ председателя думы произвелъ вполне удовлетворительное впечатлѣніе въ Петергофѣ, причемъ этотъ докладъ относился не только къ бывшимъ работамъ въ думѣ, но и къ послѣдующимъ работамъ, намѣченнымъ думой. Рядъ послѣднихъ почти ежедневныхъ засѣданій, вопреки создавшемуся мнѣнію среди бюрократическихъ сферъ, указывалъ на работоспособность думы. Доклады Ф. А. Головинымъ, испросившимъ въ прошлое свое представленіе въ Царскомъ Селѣ право на аудіенціи, будутъ дѣлаться и впредь по мѣрѣ накопленія думскихъ рѣшеній. Докладъ Ф. А. Головина имѣетъ то важное значеніе, что онъ, внося удовлетвореніе въ высшія сферы, вмѣстѣ съ тѣмъ вполне разсѣялъ слухи о предстоящемъ роспускѣ думы, чего такъ добивались нѣкоторые правые депутаты. Какъ слышно, въ Петергофѣ выражено было пожеланіе дальнѣйшихъ работъ думы и, такимъ образомъ, роковой роспускъ пока совершенно отдаленъ.

Въ государственной думѣ,

Засѣданіе 8-го мая 1907 г.

Тридцать пятое засѣданіе государственной думы, 8-го мая, происходило подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Познанскаго и началось съ заявленія его, что поступило срочное предложеніе 41-го члена думы выразить телеграммой привѣтствіе финляндскому сейму по случаю открытія, состоявшагося 9-го мая. Въ предложеніи былъ и текстъ телеграммы:

„Въ радостный день открытія финляндскаго сейма, въ лицѣ котораго на долю финляндскаго народа выпала великая честь осуществить наиболѣе совершенное въ Европѣ избирательное право, государственная дума шлетъ сейму и всему финляндскому народу свой братскій привѣтъ“.

Это заявленіе, встрѣченное дружными аплодисментами центра и лѣвой, вызвало, однако, — правда, спокойныя — замѣчанія со стороны правыхъ и октябристовъ. Крупенскій ядовито попросилъ, чтобы ему разъяснили, на какомъ языкѣ будетъ послана телеграмма, а, во-вторыхъ, заявилъ, что не можетъ согласиться со словами „самая совершенная форма“. Октябристъ профессоръ Капустинъ находилъ, что не слѣдуетъ вносить въ поздравленіе характеристику избирательнаго закона, потому что по этому поводу могутъ быть разныя мнѣнія, а внесеніе характеристики какъ-бы предрѣшаетъ голосованіе по поводу внесенныхъ въ государственную думу выборныхъ законопроектовъ. Г. Березинъ — трудовой группы — пошелъ навстрѣчу заявленіямъ и, разъяснивъ, что телеграмму можно послать на русскомъ языкѣ, предлагалъ замѣнить слова „болѣе совершенная форма“ словами „болѣе демократическая форма“. Но слово „демократическая“ испугало аристократа гр. Бобринскаго, который, выразивъ желаніе, чтобы телеграмма была единодушно принята, находилъ, что поэтому-то въ ней и не должно бы заключаться никакихъ партійныхъ лозунговъ, не должно быть и словъ „всеобщее избирательное право“. Г. Струве разъяснилъ, что система Финляндіи не только болѣе демократична въ обычномъ смыслѣ этого слова, но она осуществляетъ принципъ справедливости.

Голосованіемъ въ результатъ этихъ преній былъ принятъ первый текстъ телеграммы, составленной кн. Долгоруковымъ.

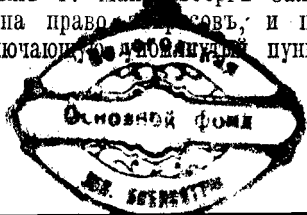
Покончивъ съ привѣтствіемъ сейму, дума приступила къ обсужденію наказа. Въ первую изъ этихъ главъ наказа были включены два параграфа—56-й и 57-й, ограждающие думу отъ словесныхъ изверженій. Принятіе этихъ двухъ параграфовъ извѣщало думу отъ превращенія самаго пустого законопроекта во второй аграрный вопросъ. Парагр. 56-й предоставляетъ государственной думѣ право, по заявленію 30 членовъ, постановить о передачѣ внесеннаго „законодательнаго предположенія“ для заключенія въ особую комиссію, а параграфъ 57-й говоритъ что подобная комиссія учреждается безъ преній.

Докладчикъ комиссіи для разработки наказа сказалъ въ защиту этихъ параграфовъ длинную и даже страстную рѣчь, предлагая „беречь думу отъ собственнаго ея краснорѣчія“ и отмѣнить то, что называется въ думѣ „преніями по направленію дѣла“.

Противъ принятія упомянутыхъ параграфовъ выступали представители думскихъ группъ, которые могутъ чаще оставаться въ меньшинствѣ. Въдѣ, параграфы 56 и 57 болѣе всего грозятъ имъ. Г. Крупенскій, откровенно высказывая свои взгляды на думу, какъ на средство для агитаціи, прямо даже заявилъ, что „это стѣснить борьбу путемъ трибуны съ революціонными силами въ странѣ, стѣснить агитацію черезъ прессу“, а потому,—закончилъ монархистъ,—„я буду голосовать съ лѣвыми за непринятіе параграфовъ“. Однако, неожиданно с.д. заявили, что, напротивъ, они будутъ голосовать за принятіе параграфовъ, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, они не суживаютъ, а расширяютъ права думы. Баллотировкой параграфы 56 и 57 были приняты, хотя при голосованіи замѣчался расколъ на всѣхъ скамьяхъ.

Не такъ посчастливилось думѣ при обсужденіи параграфа 77, гдѣ говорится о запросахъ. Въ концѣ этого параграфа сказано: „Вопросъ о направленіи запроса, равно какъ и принятіе или отклоненіе его по существу, принимается въ думѣ по выслушаніи одной рѣчи за и противъ“.

Центръ, съ „ка-детами“ во главѣ, горячо отстаивалъ этотъ пунктъ парагр. 77-го, указывая, что на запросы тратится столько времени, что его совсѣмъ не остается на законодательную работу. Лѣвые, конечно, были противъ. Одинъ изъ ораторовъ лѣвыхъ г. Мандельбергъ заявилъ даже, что это есть покушеніе на право совѣтъ, и предлагалъ поправку, совсѣмъ исключая этотъ пунктъ. Другой ораторъ лѣ-

жс 15944

выхъ г. Ширскій предлагалъ исключить лишь самый конецъ, гдѣ говорится о принятіи или отклоненіи по существу.

При голосованіи принята поправка г. Ширскаго.

Помогли лѣвѣмъ на этотъ разъ поляки, голосовавшіе за поправку. Однако, хорошо и то, что предварительное говореніе по запросамъ все-же отнынѣ ограничено. По вопросу о направленіи запроса могутъ высказаться всего только два оратора.

Всѣ остальные параграфы обсуждавшихся главъ наказа, трактующихъ о порядкѣ засѣданій думы и клонящихся преимущественно къ сокращенію преній, приняты были безъ преній.

Засѣданіе 10-го мая 1907 г.

Тридцать шестое засѣданіе государственной думы, 10-го мая, началось съ выступленія г. Крупенскаго, попытавшагося поднять вопросы, во-первыхъ, объ изгнанныхъ трехъ товарищахъ, во-вторыхъ, объ осужденіи террора. Сразу-же онъ былъ и обрѣзанъ предсѣдателемъ Ф. А. Головинымъ.

— Заявленія съ протестами противъ наказанія, наложеннаго на трехъ депутатовъ, касаются дѣйствій предсѣдателя, а потому не подлежатъ оглашенію, — сказалъ онъ, въ отвѣтъ по первому заявленію, а по второму указалъ, что вопроса на повѣсткѣ нѣтъ и потому обсуждаться онъ не можетъ. Однако, депутатъ унялся не сразу.

— Это рѣшеніе можетъ быть принято только думой, — заявилъ онъ. — Только дума можетъ постановить, обсуждать или не обсуждать, а не предсѣдатель.

Послѣ такого заявленія Крупенскій былъ лишень слова и сошелъ съ кафедры.

Дума занялась продолженіемъ обсужденія главы V-й наказа.

Всѣ почти параграфы этой главы въ выработанной составителями наказа редакціи заключали правила, ограждающія думу отъ говоренія по желанію меньшинства.

Безъ преній былъ принятъ парагр. 92 наказа слѣдующаго содержания: „При обсужденіи поставленнаго предъ думой вопроса до его разрѣшенія перехода къ инымъ вопросамъ не допускается. Для пріостановленія преній по данному предмету и перехода къ иному необходимо определенное предложеніе объ этомъ, подписанное 30 членами, и соответственное постановленіе думы, принимаемое съ выслушаніемъ лишь одного оратора за и одного противъ предложенія“.

Съ небольшими поправками приняты слѣдующіе параграфы: парагр. 93: „Члены думы, желающіе сдѣлать думѣ какое-либо

неочередное и нетерпящее отлагательства заявление, не требующее постановления думы, должны сообщить о немъ председателю, отъ коего зависитъ предоставить оратору слово не въ очередь. Никакихъ прений по такому заявленію не допускается“ ; и парагр. 94: „Всякое предложеніе, которое вносится на обсужденіе и разрѣшеніе думы, должно быть сдѣлано не иначе, какъ въ письменной формѣ“ .

Въ каждомъ почти параграфѣ, гдѣ говорится о преніяхъ, составители включали извѣстное уже „одинъ ораторъ—за, и одинъ противъ“ . Эти „пункты“ порядочно таки раздражали говорунѡвъ и парагр. 97, гдѣ стремленіе обуздать меньшинство было выражено особенно ярко, вызвалъ уже горячую схватку.

Въ первоначальной редакціи этотъ параграфъ гласилъ: „Предложеніе о разрѣшеніи какого-либо дѣла безъ прений не пріемлется вовсе, кромѣ случаевъ, положительно въ наказѣ указанныхъ; но по каждому дѣлу, прежде разсмотрѣнія его, можетъ быть возбужденъ предварительный вопросъ о томъ, надлежитъ-ли вообще принять его къ разсмотрѣнію думы. Постановленіе объ этомъ принимается съ выслушаніемъ лишь одного оратора за и одного оратора противъ предложенія“ .

Докладчикъ комиссіи г. Пергаментъ, защищая этотъ параграфъ, говорилъ, что его слѣдуетъ принять, чтобы не дать возможности меньшинству „накидывать арканъ“ на большинство, чтобы не дать возможности любымъ 30-ти членамъ думы въ любое время внести какой угодно вопросъ, вызвать по нему пренія и затянуть ихъ, отвлекая думу отъ нужной работы.

Противъ принятія парагр. 97 выступили въ союзѣ крайніе лѣвые и крайніе правые. Отъ первыхъ говорили гг. Мандельбергъ, Ханхойскій, Березинъ. Послѣ рѣчи г. Маклакова, указавшаго на то, что парагр. 97 оградить думу на будущее время отъ такихъ шуточныхъ проектовъ, какой внесенъ былъ депутатомъ Шульгиннымъ (о націонализациіи капитала), въ защиту своего права товарища выступилъ гр. Бобринскій и сказалъ, что „такія шутки въ парламентѣ допустимы, несмотря на всѣ запрещенія „Рѣчи“ . Къ этому графъ прибавилъ еще для чего-то, что „Рѣчь“ — неприличная газета, и за это призванъ былъ председателемъ къ порядку.

Ранѣе его говорилъ еще г. Крупенскій, говорилъ и Родичевъ и на этотъ разъ такъ горячо, какъ не говорилъ уже давно.

Въ концѣ концовъ, парагр. 97 баллотировкой былъ принятъ лишь съ незначительными измѣненіями въ слѣдующей редакціи: „Предложеніе о разрѣшеніи какого-либо дѣла безъ прений

не приѣмлется вовсе, кромѣ случаевъ, положительно въ наказѣ указанныхъ; но по каждому дѣлу, кромѣ законопроектвъ и законодательныхъ предположеній, прежде разсмотрѣнія его можетъ быть возбужденъ предварительный вопросъ о томъ, надлежитъ-ли вообще принять его къ разсмотрѣнію думы. Постановленіе объ этомъ принимается за выслушаніемъ двухъ ораторовъ—противъ и двухъ ораторовъ—за“ .

Всѣ остальные параграфы V-й главы были приняты почти безъ преній. Между прочимъ, парагр. III запрещается чтеніе рѣчей. Къ этому параграфу предлагалась поправка крестьяниномъ Мельникомъ: „но въ крайнемъ случаѣ крестьянамъ разрѣшается читать рѣчи“, но она вызвала смѣхъ и была отвергнута.

Съ наказомъ покончили послѣ четырехъ часовъ. Къ этому времени интересъ къ происходящему въ залѣ засѣданій у утомившихся депутатовъ уже порядочно ослабъ, но всѣ оживились вдругъ, когда предсѣдатель думы объявилъ, что предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ проситъ слова по аграрному вопросу.

Премьеръ-министръ говорилъ въ продолженіе трехъ четвертей часа и слушали его члены думы очень внимательно. Подробную передачу его рѣчи читатели найдутъ въ этомъ номерѣ „Клада“. Здѣсь, пользуясь замѣтками корреспондента „Рѣчи“, отмѣтимъ лишь, какъ говорилъ премьеръ, и упомянемъ о кое-какихъ бѣглыхъ замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ по поводу рѣчи въ кулуарахъ представителями различныхъ фракцій.

Прежде всего, П. А. Столыпинъ не читалъ свое „разъясненіе“, а говорилъ, говорилъ очень гладко, плавно и, съ вѣшной ораторской стороны, хорошо. По своему обыкновенію, наиболѣе важныя мѣста онъ подчеркивалъ повышеніемъ голоса, но говорилъ онъ съ думой совершенно инымъ тономъ, чѣмъ его предшественники въ прошломъ.

Въ его рѣчи не было ни развязности г. Гурко, ни непомѣрнаго и ни на чемъ не основаннаго высокомерія г. Стишинскаго; не было и такихъ словъ, какъ „не допустимо“ по отношенію къ принудительному отчужденію, какими правительство щеголяло въ прошлой думѣ.

Премьеръ счелъ, однако, нужнымъ два раза подчеркнуть то обстоятельство, что представители министерства земледѣлія не были не раза приглашены въ аграрную комиссію. Между тѣмъ, по словамъ и предсѣдателя, и членовъ комиссіи, неприглашеніе представителей министерства объясняется просто тѣмъ, что комиссія не вышла пока изъ стадій общихъ соображеній, не-

обязательныхъ даже для ея подкомиссій. Къ разсмотрѣнію и выработкѣ законопроектовъ комиссія еще не приступила и, конечно, какъ только начнетъ разсмотрѣніе законопроектовъ и выработка положеній, подлежащихъ внесенію въ думу, такъ комиссія начнетъ приглашать на свои засѣданія министра земледѣлія или его представителей.

Дума выслушала декларацію правительства по самому острому и жгучему вопросу русской жизни съ огромнымъ вниманіемъ. Рѣчь П. А. Столыпина была прервана только разъ со скамей крайней лѣвой крикомъ: „Правильно“, когда онъ говорилъ о словахъ Кириосова: „Мы пришли сюда не покупать землю, а взять ее“.

Тонъ П. А. Столыпина былъ очень корректный, но сквозь эту корректность ясно видны были и вражда къ думѣ, и упорное намѣреніе въ этомъ вопросѣ позицій не сдавать. Ждала-ли дума какихъ-нибудь уступокъ отъ правительства въ земельномъ вопросѣ, или нѣтъ,—неизвѣстно, но слушали П. А. Столыпина съ очень большимъ вниманіемъ.

Общее впечатлѣніе депутатовъ, что по земельному вопросу правительство никогда не заговоритъ однимъ языкомъ съ народными представителями, и то, что оно предлагаетъ, не разрѣшить, а еще болѣе запутаетъ земельный вопросъ.

Соціалъ-демократы и соц.-революціонеры своего мнѣнія не говорятъ, а лишь иронически улыбаются; вожди трудовиковъ возлагаютъ почему-то очень большія надежды на свои отвѣтныя рѣчи.

— Дайте намъ отвѣтить премьеру, а тамъ пусть распускаютъ думу... Не странно!—рѣшительно заявилъ одинъ изъ лидеров трудовиковъ, хотя, казалось-бы, отъ рѣчей думскихъ ораторовъ ничего еще не пало, никакихъ стѣнъ не разрушено, и отъ самыхъ блестящихъ рѣчей о землѣ до самой земли еще очень далеко.

Н. Н. Кутлеръ въ разговорахъ съ журналистами отмѣтилъ, что выполнение министерской программы приведетъ къ полному разоренію казны. Земля будетъ покупаться крестьянскимъ банкомъ по повышеннымъ цѣнамъ, причемъ государство возьметъ на себя уплату части процентовъ, и эти платежи поглотятъ, въ концѣ концовъ, огромныя суммы, во много разъ большія, чѣмъ платежи при принудительномъ отчужденіи.

Засѣданіе 11-го мая 1907 г.

Тридцать седьмое засѣданіе государственной думы, 11-го мая, было законодательнымъ засѣданіемъ. Въ немъ былъ при-

пять продовольственный законопроектъ объ отпускѣ семнадцати съ половиною милльоновъ „на выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній“. Пренія были жаркія. Началось, какъ и въ предшествующемъ собраніи, съ выходки г. Крупенскаго, вѣроятно, рѣшившагося замѣнить въ думѣ на время изгнанія г. Пуришкевича.

Онъ просилъ слова къ порядку дня и затѣмъ заявилъ, что нашелъ на своемъ депутатскомъ креслѣ „гнусную прокламацію“, „Гнусная прокламація“ оказалась аграрнымъ проектомъ социаль-революціонеровъ, отпечатаннымъ думской канцеляріей. Когда предсѣдатель напомнилъ г. Крупенскому, что, вѣдь, онъ просилъ слова къ порядку дня, тотъ вспомнилъ о центральномъ вопросѣ правыхъ—о порицаніи террора—и началъ протестовать противъ того, что этотъ вопросъ поставленъ на повѣстку 11-мъ вопросомъ. Однако, предложеніе немедленно заняться „этимъ главнымъ требованіемъ, предъявленнымъ думѣ“, при голосованіи не прошло и дума сразу-же перешла къ обсужденію продовольственнаго вопроса.

Въ своемъ докладѣ по вопросу предсѣдатель продовольственной комиссіи г. Долженковъ сообщилъ, что 12-го апрѣля было передано на обсужденіе продовольственной комиссіи представленіе министерства внутреннихъ дѣлъ по ассигнованію на завершеніе продовольственнаго дѣла 22½ милльоновъ рублей. Въ этомъ докладѣ были двѣ части: одна изъ нихъ обнимала расчетъ съ поставщиками на приобрѣтеніе хлѣба для продовольственной ссуды и на мѣропріятія, которыя мѣстныя учрежденія вели по благотворительной помощи. Эта часть обнимала 17½ милл. руб. Другая часть—это врачебно-питательная помощь, расходы на которую опредѣлены въ 5 милл. руб. Вопросъ о врачебно-питательной помощи разсмотрѣнъ думой 17-го апрѣля. Что касается остальныхъ 17½ милл., то комиссія сочла нужнымъ предварительно провѣрить всѣ документальныя данныя, которыя имѣются у министерства, для оправданія тѣхъ расчетовъ, которые сдѣланы въ представленіи. Это—расчеты съ поставщиками, затѣмъ съ губернскими продовольственными присутствіями по скупкѣ хлѣба въ Сибири и т. д. Разсмотрѣніе этихъ расчетовъ и вообще веденія всего дѣла хотя и открыло довольно неприглядную картину способа веденія продовольственнаго дѣла чиновниками, но, несмотря на это, разрѣшить кредитъ слѣдуетъ, такъ какъ большая часть денегъ уже затрачена и ихъ слѣдуетъ лишь уплатить поставщикамъ. Неуплата въ срокъ повлечетъ за собою ростъ процентовъ, казнѣ придется ихъ платить, придется платить еще и неустойки.

Докладчикъ бюджетной комисіи г. Федоровъ поддерживалъ докладчика г. Долженкова.

Несмотря на то, что въ докладахъ обѣихъ комиссій все было разъяснено и выяснено, лидеры социалистическихъ партій не нашли въ себѣ силы отказаться отъ говоренія митинговыхъ рѣчей и цѣлый рядъ ораторовъ говорилъ всѣмъ давно известное (на это въ сущности указывалось и въ докладѣ г. Долженкова), а именно, что чиновники плохо дѣлаютъ дѣло.

Отповѣдь лѣвымъ давалъ депутатъ Шингаревъ. Онъ указывалъ имъ, что они становятся въ положеніе правительства, противъ котораго идутъ, и примѣшиваютъ къ вопросу о голодающихъ политическія соображенія.

Рѣчи лѣвыхъ вызвали на говореніе и Ф. И. Родичева; онъ сказалъ рѣчь, которая послужила поводомъ къ вызову депутата на дуэль отстраненнымъ бывшимъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ В. І. Гурко и которую мы поэтому, а также и потому, что въ ней очерчивается отношеніе лѣвыхъ къ вопросу, приведемъ цѣликомъ. Вотъ эта рѣчь:

— Господа, многія возраженія вызваны здѣсь, очевидно, недостаткомъ знакомства съ докладомъ. Что комиссія предлагаетъ? Комиссія предлагаетъ, прежде всего, на расчетъ съ поставщиками за поставленный уже хлѣбъ дать министерству 2.932,460 р. И вы говорите, что изъ этого хлѣба ничего крестьянамъ не попадетъ? Куда-же онъ попалъ? кто его съѣлъ? (Голоса слѣва: „Гурки!“). Кому онъ розданъ? Вѣдь, комиссія, которой вы поручили дѣло, свидѣтельствуетъ вамъ, что она сочтала, сколько слѣдуетъ заплатить, что ея расчетъ немногимъ расходится съ расчетомъ министерства? Что-же, комиссія вамъ нагала? Зачѣмъ-же избирать комиссію, когда вы не вѣрите даже ея арифметическимъ дѣйствіямъ? (Въ залѣ движеніе.) Вѣдь, хлѣбъ уже поставленъ, что-же мы должны сказать? Вы скажете, что мы не заплатимъ; вы дождетесь того, что министерству будутъ предъявлять иски, что министерство явится въ судъ и скажетъ передъ лицомъ всего народа: „Да, хлѣбъ мы получили, но денегъ заплатить не можемъ. Государственная дума приказываетъ не платить тѣмъ, кто повѣрилъ казнѣ“ . (Шумъ.) Государственная дума не можетъ, господа, сказать тѣмъ людямъ, которые потратили свои деньги... (Голоса: „Кому? Лидвалю?“). Нѣтъ, не Лидвалю, но тѣмъ лицамъ, которымъ должны, тѣмъ, можетъ быть, многочисленнымъ крестьянамъ, составляющимъ незначительными количествами хлѣбъ, десятками пудовъ. Но эти пуды составили огромные поѣзда хлѣба. Имъ, этимъ крестьянамъ, не отдадутъ долга, если вы не дадите

этихъ средствъ. Имъ скажутъ: „государственная дума приказала вамъ не платить. Въ Россіи найдутся такія лица, которыя скажутъ, что за хлѣбъ, поставленный народу, мы не заплатимъ. Ввиду того, что смошенничаль одинъ Гурко—не получить долга никто изъ тѣхъ, кто вѣрилъ остальнымъ“ ... (Голоса: „Не одинъ Гурко“ .) Пусть сто Гурко смошенничали (смѣхъ лѣвыхъ), но, господа, этотъ хлѣбъ принадлежитъ тѣмъ, кто воздѣлывалъ его своими руками. Выдвигая изъ состава правительства одного Гурко, вы хотите убить вѣру въ честность всего государства, въ честность всей Россіи. (Аплодисменты центра и правой. Шумъ на лѣвыхъ скамьяхъ.)

Предсѣдатель. „Десять минутъ уже прошло“ .

Баллотировкой Родичеву разрѣшено продолжать рѣчь.

Родичевъ (продолжаетъ). Я съ извиненіемъ обращаюсь къ тѣмъ, кто не хотѣлъ меня слушать. Я надѣюсь, что хотя, можетъ быть, мнѣ не удастся разъяснить ваше недоразумѣніе, но мнѣ удастся передъ тѣмъ, какъ я кончу свою рѣчь, разбередить вашу совѣсть, къ которой я взываю. (Аплодисменты центра и правой.) Вамъ предлагается заплатить 1.895,370 р. на расчеты за продовольственный и сѣменной хлѣбъ, купленный въ Сибири. Что, развѣ этотъ хлѣбъ не купленъ? (Голосъ слѣва: „Онъ гнилой“ .) Вы всего хлѣба не видѣли. (Голосъ слѣва: „Вы еще меньше его видѣли“ .) Я этого хлѣба не видалъ, но я поэтому и не утверждаю, что онъ гнилой. Перехожу къ слѣдующей статьѣ, содержаніе которой таково: „Необходимо израсходовать на закупку недостающихъ до полного удовлетворенія потребности 1.782,307 пудовъ продовольственного и 1.083,748 пудовъ сѣменного хлѣба, считая по одному рублю за пудъ того и другого хлѣба, съ накладными расходами всего 2.866,055 р.“ . Если-бы министерство въ свое время, предвидя ваше отношеніе къ данному вопросу, сказало: „Баста! мы имѣемъ въ лицѣ своихъ чиновниковъ, въ лицѣ своихъ комиссаровъ людей, которымъ народные представители не вѣрятъ; они не вѣрятъ ни Гурко, ни Лидвалю—другихъ людей у насъ нѣтъ. Намъ народные представители въ деньгахъ отказываютъ, поэтому мы ничего предпринимать не хотимъ до тѣхъ поръ, пока у насъ не будетъ ассигновокъ отъ представителей народа. Мы не хотимъ покупать хлѣба, ни давать задатковъ, ни вступать въ какіе-бы то ни было договоры. До тѣхъ поръ, пока намъ не будутъ ассигнованы суммы народныхъ представительствомъ, до этихъ самыхъ поръ мы ни одной копейки не затрачиваемъ“ . Представители министерства явились-бы сюда и здѣсь въ теченіе 6 дней произносили-бы рѣчи предъ тѣмъ,

какъ сдать въ комиссію обсуждаемый вопросъ. Что-бы вы имъ сказали, милостивые государи? Я - бы имъ сказалъ: „Вы—преступники: дѣлать предположеніе, что русское народное представительство откажетъ въ деньгахъ, необходимыхъ для обрѣненія полей, для помощи голодающимъ,—есть или преступленіе, или сумасшествіе“ . (Аплодисменты центра и правыхъ.) И человѣка, который меня лично заподозрилъ въ намѣреніи сдѣлать такое постановленіе, о которомъ я только что говорилъ, я-бы счелъ своимъ оскорбителемъ. Вы (обращаясь къ лѣвымъ) можете считать это признакомъ уваженія. Станьте предъ своею совѣстью, станьте предъ той исторіей, которой якобы боится правительство—оно не боится ея, но ея должны бояться вы! Отбросьте тѣ рѣшенія, которыя вы заготовили дома, отбросьте рѣшенія, которыя заготовлены изъ-за самолюбія! Станьте не на партійную точку зрѣнія, а на національную! (Голоса слѣва: „Правительственную? истинно-русскую“ .) Если вамъ ваша совѣсть подскажетъ, что не нужно давать денегъ за поставку хлѣба, что не нужно ассигновать суммъ земствамъ, если совѣсть и сердце это вамъ скажутъ,—дѣйствуйте такъ, я передъ вами умолкаю. (Бурные аплодисменты центра и правой.)

Послѣ рѣчи г. Родичева, первый пунктъ законопроекта былъ принятъ большинствомъ 176 противъ 149 при воздержавшихся полякахъ. Онъ гласилъ:

„Ст. 1. Отпустить изъ государственнаго казначейства сверхъ средствъ, имѣющихъ быть ассигнованными по отдѣлу чрезвычайныхъ расходовъ государственной росписи 1907 г. „на выдачу пособій населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній“ , семнадцать милліоновъ пятьсотъ тысячъ рублей на удовлетвореніе продовольственныхъ и сѣменныхъ нуждъ населенія и другіе расходы, вызываемые послѣдствіями неурожая 1907 г., предоставивъ министру финансовъ подкрѣплять заимообразно, по мѣрѣ надобности, за счетъ означеннаго кредита общій по имперіи продовольственный капиталъ.

Принявъ ассигновку, дума перешла къ обсужденію второй статьи законопроекта, обусловливающей отпускъ кредита требованіемъ отчета. Эта вторая статья, предложенная продовольственной комиссіи, гласила слѣдующее:

„Ст. 2. Возложить на обязанность министра внутреннихъ дѣлъ представить полный отчетъ по продовольственной кампаніи за 1906—07 гг. не позднѣе 1 января 1908 г.“ .

Опять и здѣсь возникли пренія. Лѣвый депутатъ Булатъ позволилъ себѣ при этомъ даже не совсѣмъ красивую выходку, заявивъ, что разъ деньги ассигнованы, то представленіе от-

четности никакого интереса уже не представляет. Достойную отвѣдь ему прочиталъ А. И. Шипгаревъ, указавшій, что трибуна государственной думы для такихъ шутокъ не подходитъ.

Говорилъ по поводу представленія отчетности и представитель министерства, г. Павловъ, помощникъ завѣдывающаго продовольственнымъ отдѣломъ г-на Гербея. Онъ заявлялъ, что отдѣлу не успѣть съ отчетомъ ранѣе марта будущаго года, такъ какъ продовольственная кампанія кончится только въ июль, затѣмъ документы должны пройти различныя инстанціи. Однако, въ результатѣ преній статья вторая была принята цѣликомъ.

Въ концѣ засѣданія было подано заявленіе о назначеніи на слѣдующій день экстреннаго засѣданія для отвѣта на декларацию П. А. Столыпина. На это предложеніе возражали нѣсколько ораторовъ. Г. Маклаковъ просилъ думу, вчера принявшую наказъ, не возвращаться на путь митингованія. По наказу, рѣчь министра, такъ какъ она не содержитъ опредѣленнаго предложенія (въ письменной формѣ), сама по себѣ не можетъ служить основаніемъ для спеціальнаго обсуждения. Въ этомъ-же духѣ говорили и еще нѣсколько ораторовъ, и дума, согласившись съ ними, большинствомъ голосовъ отвергла предложеніе.

Засѣдніе 15-го мая 1907 г.

Тридцать восьмое засѣданіе государственной думы, 15-го мая, было первымъ, въ которомъ ясно обнаружилось желаніе думы, наконецъ, серьезно отвернуться отъ ненужнаго словозверженія и обратиться въ сторону серьезнаго дѣла. Отчасти такому обороту дѣла содѣйствовали принятыя въ двухъ предшествовавшихъ засѣданіяхъ трактующія о порядкѣ засѣданій IV и V главы наказа.

Началось засѣданіе съ оглашенія отвѣта финляндскаго сейма на привѣтственную телеграмму думы. Отвѣтъ присланъ за подписью предсѣдателя сейма Свинхуфуда и составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Представители финскаго народа выражаютъ свою безпримѣрную радость и искреннія чувства преданности за привѣтствіе, проникнутое братскимъ чувствомъ. Они пребываютъ въ вѣрѣ, что успѣхомъ увѣнчаются труды думы въ достиженіи политической свободы и матеріальнаго благосостоянія народа“.

Пожеланія финляндцевъ были встрѣчены единодушными аплодисментами со всѣхъ скамей.

Затѣмъ предсѣдателемъ было сообщено о препровожденныхъ министромъ юстиціи копіяхъ постановленій судебныхъ слѣдо-

вателей о привлеченіи къ отвѣтственности членовъ думы Поташова по ст. 129 ч. 1 п. 1 и 2 и Кириенко по 129 ст.

Сразу-же послѣ этого безъ преній утвердивъ въ окончательной редакціи представленный редакціонной комиссіей продовольственный законопроектъ, дума перешла къ преніямъ по вопросу о народномъ образованіи.

Какъ извѣстно, пока весь вопросъ сводился къ предварительному обсужденію о направленіи. Согласно парагр. 54 принятаго въ предшествующихъ засѣданіяхъ наказа, по такому предварительному обсужденію могли говорить только два оратора, но лѣвые подняли новый вопросъ о желательности не примѣнять къ настоящему случаю наказъ. Большинствомъ 20-ти голосовъ имъ удалось на этотъ разъ отстоять говореніе, но, когда черезъ часъ былъ поставленъ вопросъ о полномъ прекращеніи преній, дума единогласно приняла его и разговоры были прекращены, несмотря на то, что оставалось еще 38 ораторовъ, заявившихъ о желаніи говорить. Очень можетъ быть, что на собраніе подѣйствовалъ упрекъ, высказанный депутатомъ „к.-д.“ Казричемъ, который еще при обсужденіи вопроса о непримѣненіи наказа сказалъ, что „нельзя думать, чтобы народные избранники явились въ думу только для того, чтобы своимъ краснорѣчіемъ доставлять удовольствіе своимъ избирателямъ“ .

Успѣвшіе проговорить свои рѣчи депутаты Сайко, Капустинъ, Березинъ, Максудовъ, Повилюсъ, Булатъ и Мандельбергъ говорили на тему „ученье—свѣтъ, а неученье—тьма“ и повторяли и прежде раздававшіяся жалобы о чинимыхъ министерствомъ стѣсненіяхъ образованія, о подчиненіи министерства народного просвѣщенія департаменту полиціи и т. п. Г. Сайко жаловался на уничтоженіе національной украинской школы, г. Максудовъ—на притѣсненія мусульманской, г. Повилюсъ—литовской, Мандельбергъ—на пренія, чинимыя къ полученію образованія евреямъ. Г. Булатъ при этомъ разсказалъ, что литовцы своему родному языку учились тайно у пастуховъ, при содѣйствіи, какъ называютъ литовцы, „лѣмецкаго короля“, который не запрещалъ печатанія молитвенниковъ и букварей на литовскомъ языкѣ въ Германіи. Эти книги контрабандой перевозились изъ Германіи въ литовскія губерніи и литовцы по нимъ учились.

Трудовикъ г. Березинъ вспомнилъ о „кухаркиныхъ дѣтяхъ“, с.-р. Хвостъ, исходя изъ того, что проектъ министерства народного просвѣщенія новаго ничего не вноситъ, предлагалъ от-

клонить этотъ проектъ и самимъ выработать новый, полезный для всего народа законъ.

Проф. Капустинъ (окт.) началъ съ развитія своей системы „единой и преемственной школы“, а закончилъ указаніемъ на то, что политика въ школу вносится не только сверху, но и снизу. У него самого имѣется документъ—воззваніе, полученное въ одной изъ петербургскихъ гимназій, за подписью и съ печатью „центрального комитета петербургской средне-учебной организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ“.

Сразу-же по прекращеніи преній дума приняла предложеніе: 1) избрать комиссію въ составѣ 55 членовъ для разсмотрѣнія внесеннаго министерствомъ народнаго просвѣщенія законопроекта о введеніи всеобщаго начальнаго образованія и 2) передать въ эту комиссію все поступившіе въ думу законопроекты министерства народнаго просвѣщенія. По разсмотрѣніи отдѣльныхъ законопроектовъ, комиссія обязана вносить ихъ на обсужденія государственной думы. Выборы членовъ комиссіи назначены на 18-е мая.

Покончивъ такъ благополучно съ вопросомъ о народномъ образованіи, дума перешла къ обсужденію заявленій 32 и 30 членовъ думы о назначеніи опредѣленнаго въ недѣлю дня для разсмотрѣнія запросовъ. Собственно порядокъ разсмотрѣнія срочныхъ запросовъ уже разрѣшенъ наказомъ, но „с.-д.“ Мандельбергъ нашель нужнымъ отстаивать свою „эсъ-декскую точку зрѣнія“: не дѣлать ограниченія для запросовъ. Однако, баллотировкой для запросовъ былъ назначенъ одинъ день въ недѣлю—четвергъ.

Затѣмъ дума почти безъ преній постановила избрать рядъ комиссій: церковную, о мѣстномъ самоуправленіи и для разсмотрѣнія внесенныхъ министромъ торговли и промышленности законопроектовъ объ обезпеченіи нормальнаго отдыха служащимъ въ торговыхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ.

Покончивъ съ комиссіями, дума перешла къ срочнымъ заявленіямъ о запросахъ.

Первый запросъ о неправильномъ наложеніи и начатомъ уже взысканіи штрафа въ 3,000 руб. съ населенія Фелькской и Фикельской волостей Эстляндской губерніи. Этотъ штрафъ на волости былъ наложенъ генераль-губернаторомъ въ предположеніи, что въ ихъ предѣлахъ совершено убійство члена государственнаго совѣта бар. Будберга. Между тѣмъ, мѣсто убійства оказалось внѣ предѣловъ волостей, да и вообще само наложеніе подобныхъ штрафовъ противозаконно.

Казалось-бы все это ясно, но четыре прибалтійскихъ депу-

тата—Юрине, Карелинъ, Озолъ и Трейманъ—все-же сочли нужнымъ отговорить по этому поводу порядочно длинныя рѣчи. Дума, съ нетерпѣніемъ выслушавъ ихъ, приняла запросъ единогласно.

Загѣмъ большинствомъ противъ нѣсколькихъ правыхъ былъ принятъ запросъ предсѣдателю совѣта министровъ и оберъ-прокурору святѣйшаго синода о запрещеніи синода участвовать священникамъ - депутатамъ въ лѣвыхъ думскихъ фракціяхъ. І. В. Гессенъ предлагалъ принять этотъ запросъ безъ преній; возражалъ противъ этого одинъ епископъ Евлогій, указавшій, что настоящее дѣло чисто церковное и поэтому сужденію думы не подлежитъ.

Загѣмъ совершенно неожиданно, впервые за все время существованія думы, было объявлено, что цѣлыхъ три запроса— о Баку, о Сѣдлецѣ и о карательной экспедиціи въ Прибалтійскомъ краѣ—передаются прямо въ комиссію, ввиду снятія срочности самими авторами заявленій объ этихъ запросахъ.

Срочное заявленіе о запросѣ министру внутреннихъ дѣлъ по поводу дѣйствій петербургскаго градоначальника по отношенію къ профессиональнымъ организаціямъ рабочихъ вызвало пренія двухъ ораторовъ—„с.-д.“ Мандельберга и „к.-д.“ І. В. Гессена. Первый указывалъ на то, что этотъ вопросъ уже давно стоитъ на повѣсткѣ и все дума не можетъ обсудить его, тогда какъ все, что тамъ изложено, продолжается и до сихъ поръ. Второй ораторъ сказалъ, что въ откладываніи вопроса виноваты сами-же социаль-демократы, которые, хотя и знали, что этотъ вопросъ стоитъ на повѣсткѣ, всегда вотировали противъ прекращенія преній вообще и такимъ образомъ лишали думу времени для работы. Срочность и этого запроса была отклонена и онъ поступилъ въ комиссію.

Настала, наконецъ, очередь и знаменитому вопросу о порицаніи террора. Помимо того, что условія обсужденія этого „срочнаго заявленія“ правыхъ были для послѣднихъ очень неблагоприятны, ввиду отсутствія не только трехъ исключенныхъ (гг. Пуришкевича, Сазановича и Келеповскаго), но и гг. Бобринскаго и г. Крупенскаго, бывшихъ въ Царскомъ Селѣ, сама острота вопроса уже утратилась. Дума уже выразила свое отношеніе къ одному изъ проявленій террора. Отъ правыхъ выступилъ для защиты заявленія одинъ только профессоръ Рейнъ. Но онъ, конечно, не могъ замѣнить знаменитыхъ Пуришкевича, Келеповскаго и проч. Онъ спокойно рассказалъ только о мытарствахъ заявленія и, какъ доводъ за принятіе его, выставилъ требованіе съѣзда октябристовъ.

Депутатъ - трудовикъ Небошдодовъ воспользовался принятымъ

наказомъ и, указывая, что парагр. 101 этого наказа даетъ право возбудить по каждому дѣлу вопросъ: „надлежитъ-ли вообще принять его къ разсмотрѣнію думы?“, говорилъ по существу. Парламентъ, по мнѣнію г. Небовидова, можетъ выражать порицаніе лишь опредѣленнымъ, конкретнымъ лицамъ, а не общественнымъ явленіямъ. Неизвѣстно еще, кто будетъ производить террористическіе акты. Пока думѣ извѣстны только покойники, но утилизировать „мертвыя души“ могутъ только аферисты избирательной коллегіи. Требуемая правыми резолюція будетъ имѣть митинговый характеръ и, наконецъ, неужели правительство, владѣющее милліонами штыковъ и тысячами жандармовъ, не можетъ справиться съ тѣмъ, противъ чего предлагаютъ выступить народнымъ представителямъ, находящимся къ тому-же подъ опекой бар. Остенъ-Сакена?

Эти „красивыя слова“ вызвали шумные аплодисменты на многихъ скамьяхъ.

Настроеніе въ собраніи было такое, что сразу было видно, что заявленіе правыхъ потерпитъ провалъ, но сдаваться сразу имъ не хотѣлось. Выступившій епископъ Евлогій просилъ думу высказать порицаніе террору, чтобы прекратить ужасъ крови. „Даже за три рубля теперь убиваютъ,—говорилъ епископъ.— Вопросъ возбужденъ совсѣмъ не изъ партійныхъ побужденій. Я не вѣрю этому“. Профессоръ Капустинъ находилъ необходимымъ выразить порицаніе для того, чтобы можно было затѣмъ провести законъ объ отмѣнѣ смертной казни.

Пренія не приняли широкихъ размѣровъ, потому что по наказу большее количество ораторовъ не допускается. Голосованіемъ большинствомъ 215 противъ 146 постановлено заявленія о порицаніи террора, убійствъ и насилій не обсуждать. За предложеніе, между прочимъ, голосовали гг. Кузьминъ-Караваевъ, Струве, Булгаковъ, соц.-демократы, соц.-революціонеры и нар. социалисты.

Гг. Гессену и Салтыкову, гг. Ширскому и Демьянову затѣмъ было дано слово для объясненія мотивовъ голосованія.

„С.-д.“ Салтыковъ объяснилъ, что его фракція голосовала съ правыми потому, что считаетъ правомъ думы обсуждать общественныя явленія и выносить соотвѣтствующія заключенія.

„К.-д.“ І. В. Гессенъ сказалъ: „Такъ какъ постановленіе принятаго наказа сводится къ тому, чтобы выслушать только двухъ ораторовъ за и противъ, то всѣ фракціи лишены были возможности высказаться, по какимъ соображеніямъ онѣ приняли свое рѣшеніе по данному вопросу, въ настоящее время я нарушилъ-бы постановленіе наказа, если-бы высказывалъ, по

какимъ соображеніямъ наша фракція приняла такое рѣшеніе. Я считаю нужнымъ только заявить, что мы отнюдь не раздѣляемъ всѣхъ тѣхъ доводовъ, которые здѣсь приводились. Мы стоимъ, главнымъ образомъ, на доводахъ дѣловыхъ. Мы еще болѣе протестуемъ противъ того заявленія, которое раздавалось съ этой кафедры, что будто-бы постановленіе по этому вопросу послужило-бы къ униженію думы“ .

Г. Ширскій отъ имени соц.-рев. заявилъ, что фракція не находитъ возможнымъ снимать этотъ вопросъ съ обсужденія думы ввиду того огромнаго общественнаго значенія, которое имѣютъ въ русской жизни террористическіе акты, а также ввиду того, что въ запросѣ правыми умышленно были смѣшаны какъ собственно террористическіе акты, такъ и тѣ хулиганскія убійства, которыя происходили и происходят повсемѣстно и которыя ничего общаго съ террористическими актами не имѣютъ.

Г. Демьяновъ отъ имени фракціи народныхъ социалистовъ сказалъ, что послѣдніе стояли за обсужденіе предложенія правыхъ, такъ какъ желали выяснить, почему происходятъ эти террористическіе акты и желали выяснить виновность правительства въ этомъ.

Впервые за два мѣсяца въ этомъ засѣданіи, благодаря наказу, дума исчерпала всю повѣстку до конца.

Засѣданіе 16-го мая 1907 г.

39-е засѣданіе государственной думы, 16-го мая, было послѣднимъ засѣданіемъ для слушанія предварительнаго земельного говоренія. Многіе ожидали, что въ этотъ очередной аграрный день послѣдуютъ отвѣты на рѣчь-декларацію премьер-министра, но ожиданія оправдались только отчасти. Ранѣе дума уже рѣшила, что особыя пренія въ отвѣтъ на рѣчь министра затѣвать не слѣдуетъ и въ первомъ очередномъ аграрномъ засѣданіи по поводу рѣчи говорили только два оратора, и то попутно—Ф. И. Родичевъ и Г. Демьяновъ. Рѣчь Родичева была на этотъ разъ въ особенности страстной и оратору удалось ею увлечь все собраніе. Въ началѣ его рѣчи появились въ залѣ и министры П. А. Столыпинъ, кн. Б. А. Васильчиковъ и П. М. Кауфманъ и товарищъ министра вн. дѣлъ г. Лыкошкинъ.

Г. Родичевъ началъ съ воспоминанія словъ кн. Трубецкого, сказанныхъ послѣднимъ Государю Императору. „Когда я слушалъ г. предсѣдателя совѣта министровъ, — сказалъ онъ, — я вспомнилъ тѣ слова, которыя мой сотоварищъ по депутатству

къ Государю Императору, кн. Трубецкой, говорилъ Ему. „Вы, Государь,—говорилъ князь Трубецкой,—Царь не дворянъ, не купцовъ, не мѣщанъ и не крестьянъ, Вы—Царь всея Руси“. Черезъ два года послѣ того, какъ произнесены эти слова княземъ Трубецкимъ и когда эти начала были провозглашены торжественнымъ актомъ 17 октября, правительство Его Величества является въ государственную думу и заявляетъ, что оно является защитникомъ интересовъ ста тридцати тысячъ дворянъ. Намъ, вмѣсто программы, вмѣсто указаній добросовѣстнаго намѣренія разобраться въ этихъ тяжелыхъ и спорныхъ вопросахъ, намъ предъявляется защита интересовъ ста тридцати тысячъ якобы культурныхъ уголковъ; намъ бросается упрекъ, что мы разжигаемъ классовую вражду. Не мы разжигаемъ ее, намъ хотѣлось-бы забыть прошлое, и первое условіе этого забвенія прошлаго, это—чтобы забыли его тѣ, на комъ въ прошломъ лежитъ тяжкая вина. По отношенію къ справедливымъ требованіямъ народа правительство заявляетъ одно: „Мы имѣемъ за собой силу“. Предсѣдатель совѣта министровъ провозгласилъ здѣсь, что въ основѣ права собственности была и останется сила. Что это такое? Съ этой точки зрѣнія, господа, можно ли протестовать противъ самыхъ крайнихъ положеній любой анархической партіи? Если право собственности основывается на силѣ, если оно, въ самомъ дѣлѣ,—вопросъ силы, то имѣющій въ рукѣ бомбу имѣетъ, значитъ, право на собственность. Вѣдь, это-же—проновѣдь разрушенія, господа, и на насъ всѣхъ лежитъ обязанность съ этимъ разрушеніемъ бороться непримиримо“ .

Не забылъ Ф. И. Родичевъ и знаменитыхъ словъ „не запугаете!“. „Да, вѣдь, правительство перепугано, — сказалъ ораторъ.—Вѣдь, все такъ называемое подавленіе аграрныхъ беспорядковъ — это есть ни больше, ни меньше, какъ рефлексъ доведенныхъ до отчаянія и перепуганныхъ людей“. Депутатъ закончилъ рѣчь призывомъ къ правительству не основывать право на силу: „Для васъ путь справедливости и путь изученія обязательственъ, для васъ обязательно отрицаніе силы, какъ основы права“ .

Депутатъ Демьяновъ указалъ, что декларация правительства не представляетъ собою ни земельной программы, ни законопроекта, а просто это заявленіе правительства, что оно не позволитъ провести земельные проекты оппозиціонныхъ партій. Но въ такомъ случаѣ нужно спросить министерство: что оно такое, что оно можетъ не дозволить вырабатывать законопроектъ? Если министерство говоритъ такъ, то оно забыло о

существованіи 86 ст. основныхъ законовъ, по которой законъ вырабатывается думой, а право не принять его имѣеть только Государь Императоръ.

При началѣ засѣданія, въ видѣ напутствія предсѣдателемъ Ф. А. Головинымъ было сообщено, что по аграрному вопросу предстоитъ выслушать еще 93 ораторовъ. Можно себѣ представить, какія чувства охватили при этомъ депутатов! Но одинъ за другимъ продолжали выступать говорильщики.

Нѣсколько разъ противники говоренія ставили вопросъ о прекращеніи преній, но каждый разъ безъ успѣха. Одинъ изъ ораторовъ г. Васютинъ, отъ имени трудовой группы и крестьянскаго союза, даже предложилъ для чего-то слѣдующій переходъ къ очереднымъ дѣламъ:

„Признавая настоятельную необходимость коренной аграрной реформы путемъ передачи трудовому народу казенныхъ, удѣльныхъ, кабинетскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и на началахъ принудительнаго отчужденія земель частно-владѣльческихъ и поручая своей аграрной комиссіи озаботиться скорѣйшей подготовкой работъ, направленныхъ къ отмѣнѣ земельныхъ законовъ, изданныхъ правительствомъ по 87 ст. и мѣшающихъ правильному разрѣшенію аграрнаго вопроса, государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Однако, къ концу засѣданія депутаты не выдержали и предложеніе о закрытіи преній было принято. Это вызвало такой громъ аплодисментовъ, какого не вызывали до сихъ поръ даже рѣчи г. Родичева. Теперь по вопросу выскажутся еще только шесть докладчиковъ фракцій, внесшихъ свои земельные законопроекты, и онъ цѣликомъ поступитъ въ комиссію.

Въ концѣ засѣданія Ф. И. Родичевъ и г. Нечитайло говорили по личному вопросу, въ отвѣтъ задѣвшему ихъ въ своей рѣчи г-ну Варунъ-Секретъ. Послѣдній, ссылаясь на телеграмму „Нов. Вр.“, говорилъ, что причины аграрныхъ погромовъ надо видѣть въ агитации членовъ думы. При общемъ сочувствіи г. Нечитайло указалъ г. Варунъ-Секретъ, что не нужно увлекаться провокаціонными телеграммами „Новаго Времени“.

Засѣданіе 17-го мая 1907 г.

Сороковое засѣданіе государственной думы, 17-го мая, было очень неудачнымъ для думы засѣданіемъ. Пронсшедшая на немъ безтолочь въ особенности обидной должна показаться послѣ послѣднихъ засѣданій, дававшихъ право надѣяться, что теперь дума встала на настоящую дорогу и все пойдетъ въ дальнѣй-

шемъ гладко. Засѣданіе 17-го мая показало, что непредвидѣнныя случайности могутъ всегда разбить всякія надежды.

Въ засѣданіи долженъ былъ слушаться отвѣтъ министровъ по запросу о пыткахъ въ рижской тюрьмѣ. Сразу-же, какъ только было открыто засѣданіе, на кафедрѣ появился министръ юстиціи и приступилъ къ защитѣ прокурорскаго надзора. При этомъ министръ позволилъ себѣ употребить алабдинское выраженіе. Въ Ригу, по словамъ г. Щегловитова, со специальной цѣлью разслѣдованія, ѣздилъ товарищъ оберъ-прокурора г. Руадзе и онъ выяснилъ, что утвержденіе о производствѣ истязаній надъ заключенными съ вѣдома, разрѣшенія и даже по порученію прокурорскаго надзора слѣдуетъ признать совершенно ложнымъ. Но послѣ такого алабдинскаго выраженія министръ добавилъ, что подобное мнѣніе о представителяхъ прокуратуры могло сложиться въ Ригѣ, благодаря особенной энергіи упоминаемаго въ запросѣ рижскаго товарища прокурора г. Бусло, который присутствовалъ при допросахъ задержанныхъ въ полицейскомъ управленіи, гдѣ помѣщалось и сыскное отдѣленіе, и даже появлялся въ мѣстахъ задержанія полиціей подзрѣваемыхъ.

Относительно данныхъ запроса о событіяхъ 31-го марта министръ сообщилъ, что, по донесенію г. Руадзе, нападеніе на тюремный караулъ заключенныхъ не было вызвано какими-либо насиліями надзирателей; оно можетъ быть объяснено единственно намѣреніемъ заключенныхъ освободиться отъ заключенія. Инициаторы запроса должны или указать свои источники, или признать данныя предварительнаго слѣдствія, которое, естественно, должно ограничиваться опросомъ лишь извѣстныхъ ему участниковъ событія. „Но вотъ еще что знаменательно, — сказалъ въ заключеніе министръ юстиціи. — Въ Ригѣ распространяется прокламація, въ которой событіе 31-го марта излагается такъ-же, какъ въ запросѣ, и подѣ прокламаціей есть подпись российской соціалъ-демократической партіи“.

Министра юстиціи смѣнилъ на трибунѣ товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. А. Макаровъ. Всѣ обвиненія, по его словамъ, въ запросѣ голословны и ихъ трудно провѣрить. Большинство потерпѣвшихъ, вѣдь, или скрылись, или выѣхали за границу, или осуждены. Но многіе опрошены. Какъ слѣдуетъ относиться къ ихъ показаніямъ? Конечно, съ осторожностью; вѣдь, естественно, что въ нихъ говорить чувство обиды, иногда мнимой. Истязаній и пытокъ, по словамъ товарища министра, не было. Волось и погтей не рвали, глазъ не кололи. Но далѣе тов. министра все-таки

заявилъ, что медицинское освидѣтельствованіе заключенныхъ выяснило слѣды легкихъ побоевъ и въ одномъ случаѣ установлены тяжкія увѣчья. Правительство борется со зломъ. Сорокъ два судебныхъ преслѣдованія начаты противъ провинившихся полицейскихъ чиновъ. Одинъ виновный уже присужденъ къ арестантскимъ отдѣленіямъ. Но, по мнѣнію тов. министра, полицейскихъ слѣдуетъ пожалѣть, какъ людей; слѣдуетъ вспомнить о не прекратившемся ужасномъ террорѣ, совершающемся съ конца 1905 г. Въ Прибалтійскомъ краѣ онъ былъ наиболѣе ужасенъ и полицейскіе не могли не поддаться чувству мести. Изображеніемъ террора А. А. Макаровъ увлекся и сдѣлалъ его центральной частью своихъ объясненій.

Этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы слѣдующіе ораторы изъ числа членовъ думы перешли съ сужденія о запросѣ къ сужденію о предложеніи правыхъ выразить осужденіе думы террористическимъ актамъ, отклоненномъ думой въ засѣданіи 15-го мая.

Предсѣдательствовалъ на этотъ разъ Н. Н. Познанскій, который не остановилъ перваго оратора, послѣдовавшаго по стопамъ товарища министра А. А. Макарова, и далѣе пошла уже писать губернія.

По запросу представителямъ правительства первымъ отвѣчалъ рижскій депутатъ г. Озолъ (с.-д.). Онъ привелъ примѣръ подтасовки тюремными властями вещественныхъ доказательствъ. 31-го марта въ рижской тюрьмѣ стрѣляли въ совершенно невинныхъ людей, запертыхъ въ одну изъ камеръ на ключъ. Предъ слѣдствіемъ это захотѣли скрыть. Были вызваны каменщики, которые задѣлали дыры отъ нуля въ стѣнѣ камеры. Свидѣтели изъ заключенныхъ находятся въ распоряженіи тѣхъ самыхъ властей, которыя ихъ истязали, поэтому, конечно, предпочитаютъ молчать. Но за нихъ говорятъ скорбные листы тюремной больницы: почти всѣ заболѣванія арестованныхъ—переломы костей, рукъ и ногъ. Объ этомъ вещественномъ доказательствѣ слѣдовало-бы вспомнить при слѣдствіи. Въ числѣ многихъ лицъ, производившихъ дознанія о дѣйствіяхъ полицейскихъ властей, былъ чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ г. Дьяченко. И вотъ этотъ чиновникъ вынужденъ былъ сознаться, что, дѣйствительно, въ мѣстахъ заключенія Прибалтійскаго края производились страшныя пытки, только пресѣчь ихъ невозможно ввиду потворства мѣстныхъ высшихъ властей. „Если чиновникъ вздумаетъ отказаться отъ своихъ словъ,—заявилъ г. Озолъ,—естъ цѣлый рядъ свидѣтелей, слышавшихъ эти слова“ .

По вопросу о порицании террора, сдѣлавшемся къ концу засѣданія центральнымъ, говорило очень много ораторовъ всѣхъ партій; одни осуждали, другіе объясняли, но всѣ относились, какъ и слѣдовало ожидать, отрицательно, и послѣ долгихъ дебатовъ на голосованіе были предложены восемь формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ. Изъ нихъ предложеніе нар. - социалистовъ признать, согласно 60 ст. учр. гос. думы, объясненіе министра неудовлетворительнымъ и направить, слѣдовательно, это постановленіе думы на благовоззрѣніе Государя—было отвергнуто всей думой.

Въ отвѣтъ на это оставленіе ихъ одинокими, пародные социалистовъ признать, согласно 60 ст. учр. гос. думы, об-демократовъ, противъ соц.-революціонеровъ, и затѣмъ неожиданно присоединились къ формулѣ трудовиковъ. Всѣ эти формулы были отвергнуты, та-же участь постигла и всѣ остальные формулы. Формула партіи народной свободы провалилась, благодаря польскому колу, которое, заимствовавъ первую ея часть, во второй вышло за предѣлы обсуждаемаго явленія и говорило о террорѣ, совершающемся во всей Имперіи.

Голосованіе такимъ образомъ было закончено ничѣмъ. Оставалось перейти къ слѣдующему вопросу. Но здѣсь нѣкоторые члены государственной думы попросили перерыва, и предсѣдатель поставилъ на голосованіе это предложеніе, а послѣ принятаго перерыва, трудовики внесли новую формулу, воспроизводящую первую часть формулы партіи народной свободы, съ присоединеніемъ къ ней поправки соц. - демократовъ о признаніи объясненій министровъ неудовлетворительными. Тщетно гг. I. Гессенъ, Маклаковъ и М. Стаховичъ доказывали, что, за состоявшимся голосованіемъ всѣхъ предложеній, вопросъ слѣдуетъ считать исчерпаннымъ и никакихъ новыхъ предложеній не можетъ быть вносимо. Это предложеніе, поддержанное центромъ и мусульманской фракціей, было отвергнуто, причемъ наиболѣе удивительно, что противъ этого вотировало польское коло, являющееся такимъ горячимъ поборникомъ строгой парламентарности.

Меньшинству ничего не оставалось,—замѣчаетъ „Рѣчь“, — какъ воздержаться отъ голосованія. При голосованіи какъ поправки, такъ и самой формулы, огромное большинство кола вотировало противъ, но уже поздно; формула была принята.

Неизвѣстно, зачѣмъ предсѣдатель при голосованіи послѣ этого началъ подсчитывать, имѣется-ли двѣ трети голосовъ за предложеніе. Нужно думать, что онъ имѣлъ въ виду голосованіе по 60 ст., упомянутой выше; но совершенно очевидно,—за-

мѣчаетъ та-же „Рѣчь“, — что онъ напрасно задерживалъ собраніе счетомъ, такъ какъ 60 ст. не имѣетъ здѣсь никакого примѣненія: для этого, какъ объясняли раньше самъ инициаторъ предложенія, г. Демьяновъ, требуется постановленіе думы, строго соответствующее содержанию этой статьи, но употребленіе, между прочимъ, въ общей формулѣ, въ ряду другихъ выраженій, словъ „признавая объясненія неудовлетворительными“ — не можетъ направить дѣло въ порядкѣ 60 ст., такъ какъ сами по себѣ эти слова не сакраментальны. Поведеніе предсѣдателя тѣмъ болѣе непонятно, что предъ голосованіемъ онъ самъ подчеркнулъ разницу между предложеніемъ по 60 ст. и формулами перехода къ очереднымъ дѣламъ.

Во время засѣданія произошелъ рядъ инцидентовъ: г. Шульгинъ по обыкновенію закончилъ рѣчь неприличной выходкой, называя засѣданіе думы 15-го мая позорнымъ. Г. Родичевъ напомнилъ гр. Бобринскому эпизодъ, бывший на тульскихъ выборахъ, гр. Бобринскій назвалъ его лжецомъ, г. Родичевъ рѣзко возразилъ, послѣ чего г. Шульгинъ подошелъ къ нему и вызвалъ его на дуэль.

Принятая въ засѣданіи формула перехода гласитъ слѣдующее:

„Признавая, что объясненія, данныя министромъ юстиціи и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, окончательно устанавливаютъ незаконныя дѣйствія полицейскихъ властей въ Прибалтійскомъ краѣ, и признавая объясненія министровъ неудовлетворительными, государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“ .

Засѣданіе 18-го мая 1907 г.

18-го мая были два засѣданія государственной думы—утреннее и вечернее. Въ утреннемъ засѣданіи разсматривались доклады отдѣловъ о правильности выборовъ по городу Ташкенту, по губерніямъ Казанской, Самарской, Полтавской, и Орловской и по городу Орлу. Всѣ выборы, за исключеніемъ выборовъ по Полтавской губ., утверждены безъ преній. Выборы по Полтавской губ. голосовались и въ результатѣ голосованія оказалось, что 277 депутатовъ противъ 148 высказались за отмену выборовъ и 12 полтавскихъ депутатовъ остались въ думѣ только потому, что большинство высказавшихся за отмену не составило необходимыхъ по закону двухъ третей всѣхъ голосующихъ.

Продолжительныя пренія, не закончившіяся въ засѣданіи, вызвалъ вопросъ объ оставленіи въ силѣ временнаго закона

24-го декабря 1906 г. „объ установленіи отвѣтственности за восхваленіе преступныхъ дѣяній въ рѣчи или печати“ . Особенно убѣдительную рѣчь за отмѣну этого временнаго закона сказалъ В. Ф. Кузьминъ-Караваевъ. Оставаясь на строго дѣловой почвѣ, онъ постарался выяснитъ всю теоретическую нелѣпость и практическую нецѣлесообразность закона. Законъ можетъ покарать всякаго гражданина Россіи. Нельзя раскрыть ротъ, взять въ руки перо, чтобы любой судья не могъ подвести подъ карающую статью. Въ подтвержденіе ораторъ добавилъ, что, какъ специалистъ-юристъ, онъ берется отыскать „составъ преступления“ во всякой газетѣ любого направленія, вплоть до самыхъ правыхъ. Можно привлечь къ отвѣтственности кого угодно, за что угодно, какъ угодно и когда угодно. Насколько „карательная“ статья въ законѣ расходится съ жизнью, показываетъ, между прочимъ, такой примѣръ. Кто прививаетъ другимъ оспу безъ надлежащаго разрѣшенія, тотъ наказывается штрафомъ не свыше 3 рублей. А кто вздумаетъ восхвалять это „преступное дѣяніе“, можетъ быть засаженъ въ тюрьму до 8 мѣсяцевъ.

Послѣ рѣчи г. Кузьмина-Караваева ничего больше, повидимому, не оставалось выяснитъ, тѣмъ болѣе, что никакихъ возраженій противъ отмѣны не было представлено. Но гг. лѣвые ораторы не пожелали заткнуть фонтанъ краснорѣчія и, благодаря этому, въ 6 час. пришлось засѣданіе прервать.

Выступалъ, между прочимъ, въ защиту закона товарищъ министра юстиціи г. Лютце. Его слушали со вниманіемъ. Ввиду того, что онъ говорилъ очень тихо, депутаты спустились внизъ и обступили трибуну. Но поваго товарищъ министра ничего не сказалъ. Говорилъ онъ на извѣстную тему, что исключительное время требуетъ исключительныхъ законовъ.

Въ 8 час. вечера открылось вечернее засѣданіе.

Вечернія засѣданія введены въ думѣ по рѣшенію президіума два раза въ недѣлю—по вторникамъ и пятницамъ—для обсужденія неотложныхъ законопроектовъ, имѣющихъ мѣстное значеніе. 18-го мая состоялось первое вечернее засѣданіе. Въ немъ послѣ довольно продолжительныхъ преній были утверждены требуемые кредиты: 1) министерствомъ торговли и промышленности 236,000 руб. на содержаніе пароходныхъ сообщений между Владивостокомъ и портами Охотскаго и Беринговаго морей; 2) министерствомъ путей сообщенія 94,979 руб. съ копейками на субсидіи частному пароходству по Ленгѣ; 3) 103,173 руб. на субсидіи Амурскому обществу пароходства и 4) 15,000 руб. на содержаніе срочнаго пароходства по Байкалу.

Засѣданіе 21-го и 22-го мая 1907 года.

Сорокъ третье засѣданіе государственной думы, 21-го мая, было особо дѣловымъ засѣданіемъ. Въ немъ дума успѣла обсудить цѣлыхъ три закона, изданныхъ правительствомъ въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ.

Засѣданіе началось продолженіемъ преній по вопросу о временномъ законѣ о наказуемости восхваленія въ печати и въ рѣчахъ преступленій и покушеній.

Первымъ ораторомъ выступилъ министръ юстиціи г. Щегловитовъ. На этотъ разъ министръ говорилъ съ необычнымъ для него безстрастіемъ. Первымъ долгомъ указаніе на границу: „и тамъ есть!“ . Въ Норвегій до десяти лѣтъ тюремнаго заключенія полагается за восхваленіе приготовленія бомбъ. Затѣмъ министръ впалъ въ лирику. Законъ—благодѣяніе для печати. Последняя не должна находиться нынѣ подъ административнымъ воздѣйствіемъ, она должна отвѣчать лишь предъ судомъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, министръ призналъ доводъ г. Кузьмина-Караваева: дѣйствительно, нехорошо, что по усмотрѣнію судьи восхваленіе преступнаго дѣянія карается болѣе сильно, чѣмъ само преступное дѣяніе. Этого быть не должно. Однако, министръ не согласенъ съ заявленіемъ докладчика комиссіи г. Пергаментъ, что государственная дума лишена правъ внесенія поправокъ во временные законы. Закона, запрещающаго внесеніе поправокъ, нѣтъ. А потому въ законъ можно внести поправку согласно указаніямъ г. Кузьмина-Караваева. Закончилъ свою рѣчь министръ опять лирикой, сказавъ: „не вражду и ненависть должно сѣять человѣческое слово, оно должно сѣять разумное, доброе, вѣчное“ ...

Выступившій вслѣдъ за г. Щегловитовымъ докладчикъ г. Пергаментъ указалъ министру, что совсѣмъ не то говорилъ онъ о внесеніи поправокъ п, конечно, заботился совсѣмъ не объ ограниченіи правъ думы. Последнія слова оратора прозвучали ироніей. Дѣло въ томъ, что если дума пожелаетъ, чтобы временный законъ пересталъ сейчасъ-же дѣйствовать, его необходимо отмѣнить цѣликомъ, а введеніе какой-либо поправки, конечно, затянетъ изданіе закона на продолжительное время. Далѣе ораторъ изъ словъ самого министра сдѣлалъ неожиданный выводъ: а такъ какъ самъ министръ призналъ несовершенство обсуждаемаго закона, то это, конечно, является новымъ и наиболее вѣскимъ поводомъ къ его скорѣйшей отмѣнѣ.

Послѣ г. Пергаментъ говорили еще за отмѣну деп. с. - р. Тигранянъ и Страшинскій и затѣмъ, противъ желанія однихъ

только правыхъ, говореніе было прекращено и голосованіемъ законъ о восхваленіи преступленій, изданный въ междудумье въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ, былъ отмѣненъ.

Сейчасъ-же послѣ этого дума приступила къ сужденіямъ по второму закону, изданному въ порядкѣ 87 ст. основныхъ законовъ и тракующему объ отмѣнѣ взысканій „за тайное обученіе въ западныхъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ“.

Этотъ законъ былъ-бы одобренъ думой, если-бы не поправка, внесенная докладчикомъ комиссіи І. С. Коницъ (польское коло). Въ законѣ министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало маленькую ошибку. Перечисляя всѣ статьи, которыя подлежатъ отмѣнѣ, оно пропустило упомянуть ту, которая распространила взысканія на Царство Польское. Включеніе поправки обуславливало не простое одобреніе временнаго закона, а обсужденіе новаго законопроекта.

Выступали, главнымъ образомъ, правые, находившіе дѣйствія правительства слишкомъ либеральными. Въ особенности недоволенъ былъ епископъ Евлогій. По его мнѣнію, нельзя допускать отмѣну наказаній за тайное обученіе. Необходимо слѣдить, чтобы въ школахъ не нарушались начала нравственности или государственнаго строя.

Епископу тов. министра нар. проsv. г. Герасимовъ сдѣлалъ разъясненія, что отмѣна наказаній за тайное обученіе и санкціонированіе тайной школы не одно и то-же. За отмѣной наказаній остается еще общій для всего государства законъ, запрещающій тайныя школы. Затѣмъ товарищъ министра неожиданно обрушился на поляковъ, чтобы выяснить предъ русскимъ обществомъ истинныя намѣренія поляковъ.

— Они произвели натискъ на правительство, — жаловался думѣ г. Герасимовъ, — чтобы заставить рѣшить для Польши школьный вопросъ безъ думы и на особыхъ основаніяхъ. Правительство имъ не вняло, и теперь они за то на него нападаютъ въ думѣ. Русское общество должно оцѣнить поведеніе поляковъ, которые мечутся между думой и правительствомъ, между думскими партіями, — закончилъ свою рѣчь товарищъ министра.

Ему отвѣчалъ г. Дмовскій, защищая польскую политику. Говорили еще нѣсколько ораторовъ. Затѣмъ, послѣ выходки г. Крупенскаго, продолжавшаго кричать съ кафедры непристойности, несмотря на замѣчанія предсѣдателя, законопроектъ былъ принятъ думой и она перешла къ обсужденію третьяго закона — о порядкѣ исполненія воинской повинности лицами, привлеченными къ дознаніямъ по государственнымъ преступленіямъ.

Сущность этого закона заключается въ томъ, что подверг-

шіся „гласному надзору“ или „довнанію“, производимому жандармскими чинами, не допускаются къ исполненію воинской повинности.

Вопросъ объ отмініи этого закона вызвалъ страстныя пренія. Докладчикъ комиссіи указалъ на противорѣчія основныхъ началъ воинскаго устава съ временнымъ закономъ. По уставу только опороченные по суду лишаются высокой чести защищать свою родину. Затѣмъ отъ запрещенія всего болѣе пострададутъ непричастныя ни къ чему лица. Замѣщать устраненныхъ должны имѣющіе льготы по семейному и другимъ положеніямъ.

Затѣмъ на кафедрѣ появился товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, замѣститель В. І. Гурко, г. Лыкошкинъ. Предъ думой онъ выступалъ въ первый разъ и началъ поэтому свою рѣчь неувѣренно и тихо, какъ-бы робѣя, но зато потомъ онъ дошелъ до самыхъ высокихъ нотъ въ голосѣ и съ лѣвыхъ скамей депутаты позволяли себѣ дѣлать ему такія неумѣстныя замѣчанія, какъ „не кричать“, „чего орешь“ и проч.

Первымъ долгомъ г. Лыкошкинъ указалъ, что, по его мнѣнію, докладчикъ защищалъ только интересы отдѣльныхъ лицъ, законъ же смотритъ шире и защищаетъ интересы государства, а эти интересы требуютъ защиты арміи отъ политики и пропаганды.

Первый ораторъ послѣ рѣчи тов. министра выступилъ вновь, чтобы исправить утвержденія г. Лыкошкина. Вовсе не интересы отдѣльныхъ только лицъ имѣла комиссія въ виду. Трудно достигнуть того, чтобы во время народнаго броженія послѣднее не отзывалось на арміи, но отъ правительства, согласившагося на мѣру бывшаго министра народнаго просвѣщенія Боголѣнова—отдавать неблагонадежныхъ юношей въ ряды арміи въ видѣ наказанія и для исправленія, странно слышать защиту совершенно противоположной мѣры. Затѣмъ, если правительство не желаетъ, чтобы въ армію отъ народа проникали новыя идеи, то не слѣдовало-бы въ особенности допускать чтеніе лекцій войскамъ такими политиками, какъ приватъ-доцентъ Никольскій.

Выступалъ въ этомъ засѣданіи и „знаменитый“ депутатъ г. Зурабовъ. Появленіе его на кафедрѣ вызвало волненіе въ ложѣ журналистовъ. „Какъ-то будетъ говорить депутатъ, изъ-за рѣчи котораго въ закрытомъ засѣданіи чуть не погибла вторая дума?“ — Этотъ вопросъ, конечно, интриговалъ всѣхъ. Но страшнаго г. Зурабовъ ничего не сказалъ. Напротивъ, его рѣчь была и логична, и не лишена остроумія.

Въ воинскомъ уставѣ въ особенности подчеркивается то,

что военная служба—не только тяжелая обязанность, но и право каждого, „высокая честь“ . Неужели-же можно допускать, чтобы законъ каждому жандарму или квартальному разрѣшалъ каждого гражданина лишать его права, лишать высокой чести? Далѣе, теперь правительствомъ преслѣдуются не только революціонеры, но даже „ка-деты“ . Кто-же попадетъ въ армію? Правительство заявляетъ, что въ армію не надо допускать политику, но тогда какія мѣры приняты противъ барона Каульбарса, открыто заявившаго о принадлежности къ союзу русскаго народа, противъ ген. Думбадзе, противъ кавказскихъ офицеровъ, которые на три дня смѣстили кавказскаго намѣстника?

За отміну закона говорили еще гг. Кузьминъ-Караваевъ, Березинъ, Сѣровъ и казакъ Карауловъ. За оставленіе закона въ силѣ, кромѣ тов. министра, выступали гр. Бобринскій и г. Синадино. Большинствомъ голосовъ дума отклонила законъ.

Въ концѣ засѣданія предсѣдатель доложилъ, что за подписью правыхъ депутатовъ, съ просьбою признанія весьма срочнымъ, поступило заявленіе объ образованіи немедленно особыхъ комиссій въ случаяхъ привлеченія депутатовъ къ суду.

Такъ какъ въ заявленіи указывалось, что въ данномъ случаѣ подписавшіе имѣли въ виду дѣло члена думы г. Чоповенко, то предсѣдатель напомнилъ, что это дѣло уже передано въ комиссію о наказѣ. Однако, правые не хотѣли сдаться и гр. Бобринскій уже вошелъ было на трибуну „для объясненій“ , но категорическимъ замѣчаніемъ предсѣдателя, что „вопросъ конченъ“, объясненія не были допущены и засѣданіе закрыто.

Въ 44-мъ засѣданіи государственной думы, 22-го мая, послѣ продолжительныхъ и интересныхъ преній, отмінены были думой временныя правила о наложеніи на арестованныхъ „предохранительныхъ связокъ“ , „объ усиленіи отвѣтственности за распространеніе среди войскъ противоявительственныхъ учений и сужденій“ и „о передачѣ въ вѣдомство военныхъ и военно-морскихъ судовъ дѣлъ по означеннымъ преступнымъ дѣяніямъ“ .

Въ 45-мъ вечернемъ засѣданіи отклоненъ законопроектъ о повышеніи общегосударственнаго поземельнаго налога въ общей суммѣ на 17 милл. руб., т. е., на 128 процентовъ противъ существующаго. Министерство финансовъ, внесшее законопроектъ, предполагало ввести повышение съ 1908 г.

Подробности объ этихъ засѣданіяхъ будутъ напечатаны въ слѣдующей книгѣ „Клада“ .

Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ П. А. Столыпина по аграрному вопросу.

Насущнѣйшій вопросъ русской жизни—урегулированіе земельныхъ отношеній, общающее поднятіе благосостоянія крестьянъ—находится на разсмотрѣніи государственной думы, но еще слишкомъ далекъ до какого-бы то ни было разрѣшенія, хотя-бы даже частичнаго. Правительство во время междудумья попыталось положить начало этому разрѣшенію, издавъ въ силу 87 ст. основныхъ законовъ цѣлый рядъ временныхъ законоположеній о крестьянахъ и обезпеченіи ихъ землею, и послѣ этого до сихъ поръ молчало, за исключеніемъ краткой рѣчи главноуправляющаго землеустройствомъ кн. Васильчикова; вполнѣ неожиданно въ засѣданіи 10-го мая оно выступило предъ думою со своими руководящими мыслями по аграрному вопросу. Эти мысли въ высокой степени важны и мы считаемъ необходимымъ привести ихъ полностью. Онѣ нашли себѣ выраженіе въ слѣдующей деклараціи предсѣдателя совѣта министровъ.

Рѣчь П. А. Столыпина.

Господа члены г. думы, прислушиваясь къ преніямъ по земельному вопросу и знакомясь съ ними изъ стенографическихъ отчетовъ, я пришелъ къ убѣжденію, что необходимо нынѣ-же, до окончанія преній, сдѣлать заявленіе какъ по возбуждавшемуся тутъ вопросу, такъ и о предположеніяхъ самого правительства.

Я, господа, не думаю представлять вамъ полную аграрную программу правительства: это предполагалось сдѣлать подлежащимъ компетентнымъ вѣдомствомъ въ аграрной комиссіи. Сегодня я только узналъ, что въ аграрной комиссіи, въ которую не приглашаются члены правительства и не выслушиваются даже тѣ данныя и матеріалы, которыми правительство располагаетъ, принимаются принципиальныя рѣшенія. Тѣмъ болѣе, я считаю необходимымъ высказаться только въ предѣлахъ тѣхъ вопросовъ, которые тутъ подымались и обсуждались. Я нехожу изъ того положенія, что всѣ лица, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, самымъ искреннимъ образомъ желаютъ его разрѣшенія. Я думаю, что крестьяне не могутъ не желать разрѣшенія того вопроса, который для нихъ является самымъ близкимъ и самымъ больнымъ; я думаю, что и землевладѣльцы не могутъ не желать имѣть своими сосѣдями людей спокойныхъ и довольныхъ вмѣсто голодающихъ и погромщиковъ; я думаю, что и всѣ русскіе люди, жаждущіе успокоенія своей страны, желаютъ скорѣйшаго разрѣшенія того вопроса, который, несомнѣнно, хотя-бы отчасти, питаегъ смуту.

Я поэтому обойду всѣ тѣ оскорбленія и обвиненія, которыя

раздавались здѣсь противъ правительства. Я не буду останавливаться и на тѣхъ нападкахъ, которые имѣли характеръ агитационнаго напора на власть; я не буду останавливаться и на провозглашавшихся здѣсь началахъ классовой мести со стороны бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ къ дворянамъ, а постараюсь стать на чисто государственную точку зрѣнія, постараюсь отнестись совершенно безпристрастно къ данному вопросу. Постараюсь выикнуть въ существо высказывавшихся мнѣній, памятуя, что мнѣнія, не согласныя со взглядами правительства, не могутъ почтаться послѣднимъ за крамолу. Правительству тѣмъ болѣе, мнѣ кажется, подобаеъ высказаться въ общихъ чертахъ, что изъ бывшихъ здѣсь преній, изъ бывшаго предварительнаго обсужденія вопроса ясно, какъ мало шансовъ сблизить различныя точки зрѣнія, какъ мало шансовъ дать аграрной комиссiи опредѣленные задания, очерченный строгими рамками наказъ.

Переходя къ предложеніямъ разныхъ партій, я, прежде всего, долженъ остановиться на предложеніи партій лѣвыхъ, ораторами которыхъ выступили здѣсь прежде всего гг. Караваевъ, Церетели, Волкъ-Карачевскій и другіе. Я не буду оспаривать тѣхъ весьма спорныхъ, по мнѣ, цифръ, которыя здѣсь представлялись ими. Я охотно соглашусь и съ нарисованной ими картиной оскуднѣнія земледѣльческой Россіи. Встревоженное этимъ правительство уже начало принимать рядъ мѣръ для поднятія земледѣльческаго класса. Я долженъ указать только на то, что тотъ способъ, который здѣсь предложень, тотъ путь, который здѣсь намѣченъ, поведетъ къ полному перевороту во всѣхъ существующихъ гражданскихъ правоотношеніяхъ; онъ ведетъ къ тому, что подчиняетъ интересамъ одного, хотя и многочисленнаго класса, интересы всѣхъ другихъ слоевъ населенія. Онъ ведетъ, господа, къ социальной революціи. Это сознается, мнѣ кажется, и тѣми ораторами, которые тутъ говорили. Одинъ изъ нихъ приглашалъ государственную власть возвыситься въ этомъ случаѣ надъ правомъ и заявлялъ, что вся задача настоящаго момента заключается именно въ томъ, чтобы разрушить государственность съ ея помѣщичьей бюрократической основой и на развалинахъ государственности создать государственность современную на новыхъ культурныхъ началахъ. Согласно этому ученію, государственная необходимость должна возвыситься надъ правомъ не для того, чтобы вернуть государственность на пути права, а для того, чтобы уничтожить въ самомъ корнѣ именно существующую государственность, существующій въ настоящее время государственный строй. Словомъ, признаніе націонализаціи земли, при условіи вознагражденія за отчуждаемую землю или безъ него, поведетъ къ такому социальному перевороту, къ такому перемѣщенію всѣхъ цѣнностей, къ такому измѣненію всѣхъ социальныхъ, правовыхъ и гражданскихъ отношеній, какого еще не видѣла исторія. Но это, конечно, не доводъ противъ предложенія лѣвыхъ партій, если это предложеніе будетъ признано спасительнымъ. Предположимъ-же на время, что государство признаетъ это за благо, что оно перешагнетъ черезъ разореніе цѣлаго, какъ-бы тамъ ни говорили, многочисленнаго образованнаго класса землевладельцевъ, что оно примирится съ разрушеніемъ рѣдкихъ куль-

турныхъ счаговъ на мѣстахъ. Что-же изъ этого выйдетъ? Что былъ-бы, по крайней мѣрѣ, этимъ способомъ разрѣшенъ, хотя-бы съ матеріальной стороны, земельный вопросъ? Даль-бы или нѣтъ возможность устроить крестьянъ у себя на мѣстахъ? На это отвѣтъ могутъ дать цифры, а цифры, господа, таковы: если-бы не только частновладѣльческую, но даже всю землю безъ малѣйшаго исключенія, даже землю, находящуюся въ настоящее время подъ городами, отдать въ распоряженіе крестьянъ, владѣющихъ нынѣ надѣльною землею, то, въ то время какъ въ Вологодской губерніи пришлось-бы всего вмѣстѣ, съ имѣющимся нынѣ, по 147 дес. на дворъ, въ Олонецкой по 185 дес., въ Архангельской даже по 1.009 дес., въ 14 губерніяхъ не достало-бы и по 15 дес., а въ Полтавской пришлось-бы лишь по 9 дес., въ Подольской всего по 8 дес. Это объясняется крайне неравномѣрнымъ распредѣленіемъ по губерніямъ не только казенныхъ и удѣльныхъ земель, но и частновладѣльческихъ. Четвертая часть частновладѣльческихъ земель находится въ тѣхъ 12 губерніяхъ, которыя имѣютъ надѣлъ свыше 15 дес. на дворъ, и лишь седьмая часть частновладѣльческихъ земель расположена въ 10 губерніяхъ съ наименьшимъ надѣломъ, т. е., по 7 дес. на одинъ дворъ. При этомъ принимается въ расчетъ вся земля всѣхъ владѣльцевъ, т. е., не только 107.000 дворянъ, но и 490.000 крестьянъ, купившихъ себѣ землю, и 85.000 мѣщанъ,—а эти два послѣдніе разряда владѣютъ до 17.000.000 дес. Изъ этого слѣдуетъ, что поголовное раздѣленіе всѣхъ земель едва-ли можетъ удовлетворить земельную нужду на мѣстахъ. Придется прибѣгнуть къ-тому же средству, которое предлагаетъ правительство, т. е., къ переселенію; придется отказать отъ мысли надѣлать землей весь трудовой народъ и не выдѣлять изъ него извѣстной части населенія въ другія области труда. Это подтверждается и другими цифрами, подтверждается изъ цифръ прироста населенія за десятилѣтній періодъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи. Россія, господа, не выиграетъ: приростъ ея населенія превосходитъ приростъ всѣхъ остальныхъ государствъ всего міра, достигая на 1000 человекъ 15,1 въ годъ. Такимъ образомъ, это дастъ на одну Европейскую Россію всего на 50 губерній 1.625.000 душъ естественнаго прироста въ годъ или, считая семью въ пять человекъ, 341.000 семей. Такъ что, для удовлетворенія землей одного только прирастающаго населенія, считая по 10 дес. на одинъ дворъ, потребно было-бы ежегодно $3\frac{1}{2}$ милліона десятинъ. Изъ этого ясно, господа, что путемъ отчужденія, раздѣленія частновладѣльческихъ земель, земельный вопросъ не разрѣшается. Это равносильно заложенію пластыря на засоренную рану. Но, кромѣ упомянутыхъ матеріальныхъ результатовъ, что дастъ этотъ способъ странѣ, что дастъ онъ съ нравственной стороны? Та картина, которая наблюдается теперь въ нашихъ сельскихъ обществахъ, та необходимость подчиняться всѣмъ одному способу веденія хозяйства, необходимость постояннаго передѣла, невозможность для хозяйина съ инициативой примѣнить къ временно находящейся въ его пользованіи землѣ свою склонность къ опредѣленной отрасли хозяйства,—все это распространится на всю Россію. Все и всё были-бы сравнены, земля стала-бы общей, какъ вода и воздухъ. Но къ водѣ и къ воздуху не при-

касается рука человеческая, не улучшает их рабочей труд; иначе на улучшенные воздух и воду, несомненно, наложена была-бы плата, на них установлено было-бы право собственности. Я полагаю, что земля, которая распредѣлилась-бы между гражданами, отчуждалась-бы у одних и предоставлялась-бы другимъ мѣстнымъ социаль-демократическимъ присутственнымъ мѣстомъ, что эта земля получила-бы скоро тѣ-же свойства, какъ и вода и воздухъ. Ею-бы стали пользоваться, но улучшать ее, прилагать къ ней свой трудъ съ тѣмъ, чтобы результаты этого труда перешли къ другому лицу, этого никто не сталъ-бы дѣлать. Вообще стимулъ къ труду, та пружина, которая заставляетъ людей трудиться, была-бы сломлена. Каждый гражданинъ—а между ними всегда были и будутъ тунеядцы—будетъ знать, что онъ имѣетъ право заявить о желаніи получить землю, приложить свой трудъ къ землѣ, а затѣмъ, когда занятіе это ему надоѣстъ, броситъ ее и пойти опять бродить по блуду свѣту. Все будетъ сравнено, но приравнять всѣхъ можно только къ низшему уровню. Нельзя человѣка лѣниваго приравнять къ трудолюбивому, нельзя человѣка тупоумнаго приравнять къ трудоисобному.

Вслѣдствіе этого культурный уровень страны понизится. Добрый хозяинъ, хозяинъ-изобрѣтатель, самую силою вещей будетъ лишентъ возможности приложить свои знанія къ землѣ. Надо думать, что при такихъ условіяхъ совершился-бы новый переворотъ, и человѣкъ даровитый, сильный, способный силою возстановилъ-бы свое право на собственность, на результаты своихъ трудовъ. Вѣдь, господа, собственность имѣла всегда своимъ основаніемъ силу, за которою стояло и нравственное право. Вѣдь, и раздача земли при Екатеринѣ Великой оправдывалась необходимостью заселенія незаселенныхъ громадныхъ пространствъ. И тутъ была государственная мысль. Точно такъ-же право способнаго, право даровитаго создало и право собственности на Западѣ. Неужели-же намъ возобновлять этотъ опытъ и переживать новое возсозданіе права собственности на уравнинныхъ и разоренныхъ поляхъ Россіи?

А эта перекроенная и уравнинная Россія, — что, стала ли-бы она и болѣе могущественной и богатой? Вѣдь, богатство народовъ создаетъ и могущество страны. Путемъ-же передѣленія всей земли государство въ своемъ цѣломъ не приобрететъ ни одного лишняго колоса хлѣба. Уничтожены, конечно, будутъ культурныя хозяйства. Временно будутъ увеличены крестьянскіе надѣлы, но при ростѣ населенія они скоро обратятся въ пыль, и эта распыленная земля будетъ высыпаться въ города массы обнищавшаго пролетаріата. Но положимъ, что эта картина невѣрна, что краски тутъ сгущены, кто-же, однако, будетъ возражать противъ того, что такое потрясеніе, такой громадный социальный переворотъ не отразится, можетъ быть, на самой цѣлости Россіи. Вѣдь, тутъ, господа, предлагаютъ разрушеніе существующей государственности, предлагаютъ намъ среди другихъ сильныхъ и крѣпкихъ народовъ превратить Россію въ развалины для того, чтобы на этихъ развалинахъ строить новое, невѣдомое намъ отечество. Я думаю, что на второмъ тысячелѣтій своей жизни Россія не развалится. Я думаю, что она обновится, улучшить свой укладъ, пойдетъ впередъ, но

путемъ разложениа не поидеть, потому что, гдѣ разложеніе, тамъ смерть.

Теперь обратимся, господа, къ другому предложенному намъ проекту, проекту партіи народной свободы. Проектъ этотъ не обнимаетъ задачи въ такомъ большомъ объемѣ, какъ предыдущій проектъ, и задается увеличеніемъ пространства крестьянскаго землевладѣнія. Проектъ этотъ даже отрицаетъ, не признаетъ и не создаетъ ни за кѣмъ права на землю. Однако, я долженъ сказать, что въ этомъ проектѣ для меня не все понятно и онъ представляется мнѣ во многомъ противорѣчимымъ. Докладчикъ этой партіи въ своей рѣчи отнесся очень критически къ началамъ націонализаціи земли. Я полагаю, что онъ логически долженъ поѣтому придти къ противоположному, къ признанію принципа собственности,—отчасти это и было сдѣлано. Онъ призналъ за крестьянами право неизмѣннаго, постоянного пользованія землей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, для расширенія его владѣній онъ призналъ необходимымъ нарушить постоянное пользованіе его сосѣдей-землевладѣльцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ гарантируетъ крестьянамъ ненарушимость ихъ владѣній въ будущемъ. Но разъ признанъ принципъ отчуждаемости, то кто-же повѣритъ тому, что если понадобится современемъ отчуждить земли крестьянъ, онъ не будутъ отчуждены. И потому мнѣ кажется, что въ этомъ отношеніи проектъ лѣвыхъ партій гораздо болѣе искрененъ и правдивъ, признавая возможность пересмотра трудовыхъ нормъ, отнятіе излишка земли у домохозяевъ. Вообще, если признавать принципъ обязательнаго количественнаго отчужденія, то есть принципъ возможности отчужденія земли у того, у кого ея много, чтобы дать тому, у кого ея мало, надо знать, къ чему поведетъ это въ конечномъ выводѣ,—это приведетъ къ той-же націонализаціи земли. Вѣдь, если теперь, въ 1907 году, у владѣльца, скажемъ 3.000 дес., будетъ отнято 2.500 и за нимъ останется 500 десятинъ культурныхъ, то, вѣдь, съ измѣненіемъ понятія о культурности и съ ростомъ населенія онъ, несомнѣнно, подвергается риску отнятія остальныхъ 500 десятинъ. Мнѣ кажется, что и крестьянинъ не пойметъ, почему онъ долженъ переселиться куда-то вдаль, ввиду того только, что его сосѣдь не разоренъ, а имѣетъ, по нашимъ понятіямъ, культурное хозяйство. Почему онъ долженъ идти въ Сибирь и почему не можетъ быть направленъ,—по картинному выраженію одного изъ ораторовъ партіи народной свободы,—на сосѣднюю помѣшничью землю? Мнѣ кажется ясно, что и по этому проекту право собственности на землю отчуждается; она изымается изъ области купли и продажи. Никто не будетъ прилагать свой трудъ къ землѣ, зная, что плоды его трудовъ могутъ быть черезъ нѣсколько лѣтъ отчуждены. Докладчикъ партіи прикидывалъ цѣну на отчуждаемую землю въ среднемъ по 80 р. на десятину въ Европейской Россіи. Вѣдь, это не можетъ поощрить къ примѣненію своего труда къ землѣ, скажемъ, тѣхъ лицъ, которые за землю годъ предъ тѣмъ заплатили по 200—300 руб. за десятину и вложили въ нее все свое достояніе. Но между мыслями, предложенными докладчикомъ партіи народной свободы, есть и мысль, которая должна сосредоточить на себѣ самое серьезное вниманіе. Докладчикъ заявилъ, что надо предоставить самимъ крестьянамъ устраниваться такъ, какъ

имъ удобно. Законъ не призванъ учить крестьянъ и навязывать имъ какія-либо теории, хотя-бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по своему, и только тогда мы действительно поможемъ населенію. Нельзя такого заявленія не привѣтствовать. И само правительство во всѣхъ своихъ стремленіяхъ указываетъ только на одно: нужно снять тѣ оковы, которыя наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тотъ способъ пользования землей, который наиболѣе его устраиваетъ. Интересно еще въ проектѣ партіи народной свободы другое провозглашаемое начало. Это начало государственной помощи. Предлагается отнестись на расходы казны половину стоимости земли, приобретаемой крестьянами. Я къ этому началу еще вернусь, а теперь укажу, что оно мнѣ кажется нѣсколько противорѣчивымъ провозглашаемому принципу принудительнаго отчужденія. Если признать принудительное отчужденіе, то какъ-же на ряду съ этимъ признать необходимость для всего населенія, для всего государства, для всѣхъ классовъ населенія придти на помощь самой нуждающейся части населенія? Почему на ряду съ этимъ необходимо съ этой цѣлью обездолжить 130.000 владѣльцевъ и не только обездолжить, но и оторвать ихъ отъ привычнаго и полезнаго для государства труда? Но можетъ быть, господа, безъ этого обойтись нельзя? Прежде чѣмъ изложить вамъ въ общихъ чертахъ виды правительства, я позволю себѣ остановиться еще на одномъ способѣ разрѣшенія земельного вопроса, который засѣлъ во многихъ головахъ. Этотъ способъ, этотъ путь—это путь насилія. Вамъ всѣмъ извѣстно, господа, насколько легко прислушивается нашъ крестьянинъ-простолудинъ ко всевозможнымъ толкамъ, насколько легко онъ поддается толчку, особенно въ направленіи разрѣшенія своихъ земельныхъ вожделѣній явочнымъ путемъ, путемъ, такъ сказать, насилія. За это уже платился нѣсколько разъ нашъ сѣрый крестьянинъ. Я не могу не заявить, что въ настоящее время опасность новыхъ насилій, новыхъ бѣдъ въ деревнѣ возрастаетъ. Правительство должно учитывать два явленія: съ одной стороны—несомнѣнное желаніе, потребность, стремленіе широкихъ круговъ общества поставить работу въ государствѣ на правильныхъ законныхъ началахъ и приступить къ правильному новому законодательству для улучшенія жизни страны. Это стремленіе правительство не можетъ не привѣтствовать и обязано приложить всѣ силы для того, чтобы помочь ему; но на ряду съ этимъ существуетъ и другое—существуетъ желаніе усилить броженіе въ странѣ, бросать въ населеніе сѣмена возбужденія смуты въ цѣлю возбужденія недовѣрія къ правительству, съ тѣмъ, чтобы подорвать его значеніе, подорвать его авторитетъ, для того, чтобы соединить воедино всѣ враждебныя правительству силы.

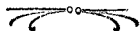
Вѣдь, съ этой каедрой, господа, была брошена фраза: «Мы пришли сюда не покушать землю, а ее взять». Отсюда, господа, распространились и письма въ провинцію, въ деревни, письма, которыя печатались въ провинціальныхъ газетахъ, почему я о нихъ и упоминаю, письма, вызывавшія и смущеніе, и возмущеніе на мѣстахъ. Авторы этихъ писемъ привлекались къ отвѣтственности, но поймите, господа, что дѣлалось въ понятіяхъ

тѣхъ сельскихъ обывателей, которымъ предлагалось, ввиду якобы насилій, кровожадности и преступленій правительства, обратиться къ насилію и взять землю силой. Я не буду утруждать васъ, господа, ознакомленіемъ съ этими документами. Я скажу только, что при наличности ихъ и я откровенно это заявляю, такъ какъ русскій министръ и не можетъ иначе говорить въ русской гос. думѣ, можно предвидѣть и наличность новыхъ попытокъ приобрѣтенія земли силою и насиліемъ. Я долженъ сказать, что въ настоящее время опасность эта еще далека, но необходимо опредѣлить ту черту, за которой опасность эта, опасность успѣшнаго воздѣйствія на населеніе въ смыслѣ открытаго выстуленія становится дѣйствительно тревожной. Государство, конечно, преступитъ эту черту, этогъ предѣла не дозволить, иначе оно перестанетъ быть государствомъ и станетъ пособникомъ собственнаго своего разрушенія. Все, что я сказалъ, господа, является разборомъ тѣхъ стремленій, которыя, по мнѣнію правительства, не даютъ того отвѣта на запросы, того разрѣшенія дѣла, котораго ожидаетъ Россія. Насилія допущены не будутъ. Национализація земли представляется правительству гибельною для страны, а проектъ партіи народной свободы, т. е., полукэспроприація, полунационализація въ конечномъ выводѣ, по нашему мнѣнію, приведетъ къ тѣмъ-же результатамъ, какъ и предложеніе лѣвыхъ партій. Гдѣ-же выходъ? Думаетъ-ли правительство ограничиться полумѣрами и полицейскимъ охраненіемъ порядка? Но, прежде чѣмъ говорить о способахъ, нужно ясно себѣ представить цѣль, а цѣль у правительства вполне опредѣлена: правительство желаетъ поднять крестьянское землевладѣніе, оно желаетъ видѣть крестьянина богатымъ, достаточнымъ, такъ какъ, гдѣ достатокъ, тамъ, конечно, и просвѣщеніе, тамъ и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть, соли земли русской, освободиться отъ тѣхъ тисковъ, отъ тѣхъ теперешнихъ условій жизни, въ которыхъ онъ въ настоящее время находится. Надо дать ему возможность укрѣпить за собой плоды трудовъ своихъ и предоставить ихъ въ неотъемлемую собственность. Пусть собственность эта будетъ общая тамъ, гдѣ община еще не отжила, пусть она будетъ подворная тамъ, гдѣ община уже не жизненна, но пусть она будетъ крѣпкая, пусть будетъ наследственная. Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь совѣтомъ, помочь кредитомъ, т. е., деньгами. Теперь-же надлежитъ немедленно браться за незамѣтную черную работу, надлежитъ сдѣлать учетъ всѣмъ тѣмъ малоземельнымъ крестьянамъ, которые живутъ земледѣлемъ. Придется всѣмъ этимъ малоземельнымъ крестьянамъ дать возможность воспользоваться изъ существующаго земельного запаса такимъ количествомъ земли, которое имъ необходимо, на льготныхъ условіяхъ. Мы слышали тутъ, что для того, чтобы дать достаточное количество земли всѣмъ крестьянамъ, необходимо имѣть запасъ въ 57 мил. дес. земли. Опять-таки говорю, я цифры не оспариваю; тутъ-же указывалось на то, что въ распоряженіи правительства находится только 10 мил. дес. земли. Но, господа, вѣдь, правительство только недавно начало образовывать земельный фондъ. Вѣдь, крестьянскій банкъ перегруженъ предложеніями. Здѣсь нападали и на крестьянскій банкъ, и нападки эти были доста-

точно вѣскія. Была при этомъ брошена фраза: «это надо бросить». По мнѣнію правительства, бросать ничего не нужно. Начатое дѣло надо улучшать. При этомъ должно, быть можетъ, обратиться къ той мысли, на которую я указывалъ раньше—мысли о государственной помощи. Остановитесь, господа, на томъ соображеніи, что государство есть одинъ цѣлый организмъ и что если между частями организма, частями государства начнется борьба, то государство неминуемо погибнетъ и превратится «въ государство раздѣлившееся на ся». Въ настоящее время государство у насъ хвораетъ. Самой больною, самой слабою частью, которая хирѣетъ, которая завядаетъ, является крестьянство. Ему надо помочь. Предлагается простой, совершенно автоматическій, совершенно механической способъ: взять и раздѣлить всѣ 130.000 существующихъ въ настоящее время помѣстій. Государственно-ли это? Не напоминаетъ-ли это исторію тришкина кафтана—обрѣзать полы, чтобы сшить изъ нихъ рукава? Господа! Нельзя укрѣпить болѣе тѣло, питая его вырѣзанными изъ него самого кусками мяса; надо дать толчекъ организму, создать приливъ питательныхъ соковъ къ больному мѣсту, и тогда организмъ осилитъ болѣзнь; въ этомъ должно, несомнѣнно, участвовать все государство, всѣ части государства должны, придти на помощь той его части, которая въ настоящее время является слабѣйшей. Въ этомъ смыслѣ государственности, въ этомъ оправданіе государства, какъ одного социального цѣлаго. Мысль о томъ, что всѣ государственныя силы должны придти на помощь слабѣйшей его части, можетъ напоминать принципы социализма; но если это—принципъ социализма, то социализма государственнаго, который примѣнялся не разъ въ Западной Европѣ и приносилъ реальные и существенные результаты. У насъ принципъ этотъ могъ-бы осуществиться въ томъ, что государство брало-бы на себя уплату части процентовъ, которые взыскиваются съ крестьянъ за предоставленную имъ землю. Въ общихъ чертахъ дѣло сводилось-бы къ слѣдующему: государство закупало-бы предлагаемая въ продажу частныя земли, которыя вмѣстѣ съ землями удѣльными и государственными составляли-бы государственный земельный фондъ. При массѣ земель, предлагаемыхъ въ продажу, цѣны на нихъ при этомъ не возрасли-бы.

Изъ этого фонда получали-бы землю на льготныхъ условіяхъ тѣ малоземельные крестьяне, которые въ ней нуждаются и дѣйствительно прилагаютъ теперь свой трудъ къ землѣ, и затѣмъ тѣ крестьяне, которымъ необходимо улучшить формы теперешняго землепользованія. Но такъ какъ въ настоящее время крестьянство оскудѣло, ему не подъ силу платить тотъ сравнительно высокій процентъ, который взыскивается государствомъ, то послѣднее и приняло-бы на себя разницу въ процентѣ, выплачиваемомъ по выпускаемымъ имъ листамъ, и тѣмъ процентомъ, который былъ-бы посиленъ крестьянину, который былъ-бы опредѣляемъ государственными учреждениями. Вотъ эта разница обременяла-бы государственный бюджетъ; она должна была-бы вноситься въ ежегодную роспись государственныхъ расходовъ. Такимъ образомъ, вышло-бы, что все государство, всѣ классы населенія помогаютъ крестьянамъ приобрести ту землю, въ которой они нуждаются. Въ этомъ участвовали-бы всѣ платель-

щики государственныхъ повинностей, чиновники, купцы, лица свободныхъ профессій, тѣ-же крестьяне и тѣ-же помѣщики. Но тягость была-бы разложена равномерно и не давила-бы на плечи одного немногочисленного класса, 130.000 человекъ, съ уничтоженіемъ котораго уничтожены были-бы, что-бы тамъ ни говорили, и очаги культуры. Этимъ именно путемъ правительство начало идти, понизивъ временно проведеннымъ по 87 статьѣ закономъ проценты платежа крестьянскому банку. Способъ этотъ болѣе гибкій, менѣе огульный, чѣмъ тотъ способъ повсемѣстнаго принятія на себя государствомъ платежа половинной стоимости земли, которую предлагаетъ партія народной свободы. Если-бы одновременно былъ установленъ выходъ изъ общины и создана, такимъ образомъ, крѣпкая индивидуальная собственность, было-бы унорядочено переселеніе, было-бы облегчено полученіе ссудъ подъ надѣльные земли, былъ-бы созданъ широкій меліоративный землеустроительный кредитъ, то, хотя кругъ предполагаемыхъ правительствомъ земельныхъ реформъ и не былъ-бы вполне замкнутъ, не виденъ былъ-бы просвѣтъ, при разсмотрѣніи вопроса въ его полнотѣ, можетъ быть и въ болѣе ясномъ свѣтѣ представился-бы и пресловутый вопросъ объ обязательномъ отчужденіи. Пора этотъ вопросъ двинуть въ его настоящія рамки, пора, господа, не видѣть въ этомъ волшебнаго средства какой-то панацеи противъ всѣхъ бѣдъ. Средство это представляется смѣлымъ потому только, что въ разоренной Россіи оно создастъ еще классъ разоренныхъ въ конецъ землевладѣльцевъ. Обязательное отчужденіе дѣйствительно можетъ явиться необходимымъ. Но, господа, въ видѣ исключенія, а не общаго правила и обставленнымъ ясными и точными гарантіями закона. Обязательное отчужденіе можетъ быть не количественнаго характера, а только качественного. Оно должно примѣняться, главнымъ образомъ, тогда, когда крестьянъ можно устроить на мѣстахъ, для улучшенія способовъ пользованія ими землей; оно представляется возможнымъ тогда, когда необходимо при переходѣ къ лучшему способу хозяйства устроить водопой, устроить выгонъ, пастбища, устроить дороги, наконецъ, избавиться отъ вредной черезполосицы. Но я, господа, не предлагаю вамъ, какъ я сказалъ ранѣе, полнаго аграрнаго проекта. Я предлагаю вашему вниманію только тѣ вѣхи, которыя поставлены правительствомъ. Болѣе полный проектъ предполагалось внести со стороны компетентнаго вѣдомства въ соответствующую комиссію, если-бы въ нее были приглашены представители правительства для того, чтобы быть тамъ выслушанными. Пробывъ около 10 лѣтъ у дѣла земельного устройства, я пришелъ къ глубокому убѣжденію, что въ дѣлѣ этомъ нуженъ упорный трудъ, нужна продолжительная черная работа. Разрѣшить этотъ вопросъ нельзя, его надо разрѣшать. Въ западныхъ государствахъ на это потребовались десятилѣтія. Мы предлагаемъ вамъ скромный, но вѣрный путь. Противникамъ государственности хотѣлось-бы избрать путь радикализма, путь освобожденія отъ историческаго прошлаго Россіи, освобожденія отъ культурныхъ традицій. Имъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія.

Какъ смотритъ правительство на аграрный вопросъ?

Статья Н. В. Алексѣева.

Аграрный вопросъ, безспорно,—одинъ изъ главнѣйшихъ вопросовъ жизни нашего государства, предоставленныхъ на разрѣшеніе народныхъ избранниковъ. Въ первой думѣ обсужденіе этого вопроса носило столь страстный характеръ, что его разрѣшеніе являлось въ полномъ смыслѣ слова невозможнымъ.

Обѣ стороны—и правительство, и народные избранники—съ первыхъ-же дней жизни перваго парламента вступили въ открытую вражду, при наличности которой, разумеется, не могло быть и рѣчи о какихъ-бы то ни было уступкахъ и соглашеніяхъ. Мы не много ошибемся, если скажемъ, что аграрный вопросъ въ первой думѣ, въ дѣйствительности, вовсе не обсуждался ни по существу, ни тѣмъ болѣе детально, такъ какъ посвященные ему засѣданія думы были лишь... поводомъ къ сведенію счетовъ между народными избранниками и правительствомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ году дума и правительство являлись настолько нетерпимыми по отношенію другъ къ другу, что исключалась всякая возможность ихъ совмѣстной творческой работы. Разрѣшеніе вопроса не могло послѣдовать, такъ какъ самый «вопросъ» являлся лишь почвой, на которой старались одолѣть другъ друга враждебныя стороны.

Правительство оказалось сильнѣе думы, «разрѣшивъ» аграрный вопросъ роспускомъ перваго парламента. Голоса народныхъ избранниковъ замолкли на время, а многіе изъ ихъ оппонентовъ изъ правительственныхъ сферъ сошли съ арены государственной дѣятельности, уступивъ мѣсто новымъ работникамъ.

Вторая дума, какъ неоднократно нами было отмѣчено,—дума трудовая, болѣе спокойная, чѣмъ ея предшественница, и потому болѣе жизнеспособная. Благодаря рѣдкой выдержкѣ народныхъ представителей второго созыва, думская

работа до сихъ поръ не нарушилась. Дума работаетъ—значить, живетъ. Спокойное существованіе думы въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ ея жизни не омрачилось конфликтами съ правительствомъ ни въ первые дни ея открытія, ни тогда, когда вновь подставленъ былъ на обсужденіе аграрный вопросъ. Засѣданія думы по этому вопросу до сихъ поръ были болѣе чѣмъ сдержаннаго тона, что... значительно ослабило интересъ общества къ «аграрнымъ засѣданіямъ думы».

Ждали конфликтовъ на партійной почвѣ среди членовъ думы, но, благодареніе Богу, ихъ не произошло и вопросъ мирно (насколько это возможно) обсуждается въ аграрной комиссіи.

Правда, программы различныхъ партій существенно расходятся въ отношеніи аграрной реформы, какъ далеки онѣ и отъ жизни, и отъ программы правительства. Этой программы, впрочемъ, достаточно опредѣлившейся еще съ осени прошлаго года, съ чрезвычайнымъ интересомъ ждали и дума, и народъ, и общество.

10-го мая предсѣдатель совѣта министровъ выступилъ въ думѣ съ деклараціей по аграрному вопросу, чѣмъ было положено начало совмѣстному обсужденію его представителями народа и правительства. Прежде чѣмъ заняться оцѣнкой деклараціи, необходимо отмѣтить, что само чтеніе ея было встрѣчено думой опять-таки чрезвычайно спокойно, безъ всякихъ инцидентовъ или кликушечьихъ выходокъ. Корректенъ былъ премьеръ, корректно встрѣтила и проводила его дума. Припомните, читатель, прошлую думу, сравните съ настоящей и вы поймете, что послѣднее обстоятельство вновь говоритъ въ пользу жизнѣдѣтельности думы.

Итакъ, съ внѣшней стороны, правительственная декларація принята народными избранниками крайне сдержанно и внимательно. Теперь возникаетъ вопросъ громадной важности, какъ она будетъ воспринята ими по существу? Отвѣтить на этотъ вопросъ крайне затруднительно, такъ какъ взглядъ правительства на разрѣшеніе аграрнаго вопроса діаметрально противоположенъ взглядамъ большинства думскихъ партій.

Правительство видитъ разрѣшеніе вопроса въ поднятіи земледѣльческой культуры, въ сохраненіи принципа и основъ частнаго землевладѣнія, допуская, какъ исключеніе, въ строго опредѣленныхъ отдѣльныхъ случаяхъ принудительное

отчужденіе земли (за вознагражденіе), но совершенно не допуская и мысли о націонализациі земли. Большинство-же думскихъ партій, какъ извѣстно, сходится именно въ одномъ существенномъ принципѣ уничтоженія частной земельной собственности въ томъ видѣ, въ какомъ она пока у насъ, въ Россіи, существуетъ. Онѣ говорятъ: «Дайте крестьянамъ землю, раздайте ее всѣмъ желающимъ обрабатывать ее—и культура земледѣлія естественно сама появится». Такъ говорятъ главнѣйшія думскія партіи, расходящіяся лишь во взглядахъ на детальную разработку вопроса, но въ принципѣ единодушно идущія противъ частнаго землевладѣнія.

Какъ видите, читатель, дума и правительство діаметрально противоположно смотрятъ на разрѣшеніе главнѣйшаго вопроса страны—аграрнаго.

Напрашивается серьезный вопросъ: какъ сблизить эти взгляды или, точнѣе, какъ согласовать ихъ, какъ создать формулу, примиряющую столь противоположныя мнѣнія?

По нашему глубокому убѣжденію, согласованіе идеи націонализациі земли съ программой правительства и невозможно, и нежелательно. Правительство совершенно разумно и правильно отвергаетъ эту идею, какъ утопію, такъ какъ нигдѣ въ мірѣ еще эта идея не была проведена въ жизнь, а, вѣдь, имѣются страны съ болѣе высокой культурой и правосознаніемъ народа, чѣмъ наша (что таить!) невѣжественная, почти дикая родина...

Правительственная декларациа приводитъ (да оно и не трудно) вѣскія доказательства полнѣйшей несвоевременности самаго вопроса о націонализациі земли. Впрочемъ, по этому вопросу мы неоднократно бесѣдовали съ читателями и разбирать его вновь не видимъ никакой необходимости.

Итакъ, примирить программу крайнихъ лѣвыхъ партій съ правительственной невозможно. Возникаетъ новый вопросъ: приемлема-ли вообще народомъ программа правительства? На этотъ вопросъ гораздо легче отвѣтить и скорѣе въ положительномъ смыслѣ, чѣмъ въ отрицательномъ. Мы сказали-бы, что эта программа вообще приемлема, если-бы она была болѣе ясно и опредѣленно выражена. Къ сожалѣнію, программа грѣшитъ именно отсутствіемъ опредѣленности, хотя необходимо отмѣтить, что если-бы этой неопредѣленности не было, если-бы декларациа правительства была детально разработана, то... то это доказало-бы, что прави-

тельство навязываетъ думѣ свое рѣшеніе. На дѣлѣ-же вопросъ обстоитъ иначе. Правительство только обнародовало тѣ принципы, на основаніи которыхъ оно находитъ возможнымъ разрѣшеніе аграрнаго вопроса и которые оно полагаетъ необходимымъ отстаивать.

Наиболѣе важнымъ изъ этихъ принциповъ является охраненіе права собственности вообще, земельной въ частности.

Этотъ принципъ, безспорно, нуждается въ поддержкѣ, такъ какъ безъ права собственности не можетъ быть вообще никакого права. Нигдѣ въ мірѣ нѣтъ и признаковъ существованія болѣе или менѣе замѣтнаго человѣческаго сообщества, гдѣ-бы не было права частной собственности. Вообразить себѣ человечество безъ понятія о личной собственности, разумѣется, можно, но это будетъ только игрой болѣе или менѣе пылкаго воображенія. Мы говоримъ о собственности вообще. Что-же касается собственности земельной, то она существуетъ вездѣ въ мірѣ, но нигдѣ такъ не близка народному духу, какъ у насъ, въ Россіи.

Это — вовсе не фраза, не парадоксъ, это — свойство массы населенія нашей родины, свойство, съ которымъ необходимо считаться всѣмъ политическимъ партіямъ, если онѣ хотятъ достигнуть успѣха въ разумномъ переустройствѣ государства. Вообразить себѣ пути къ народному благу безъ знанія народа или не примѣняясь къ его духу — значитъ, неизбежно углубиться въ міръ фантазіи...

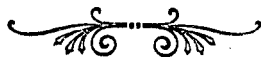
Ну, Богъ съ ними, съ фантазерами! Для жизни они не страшны, такъ какъ мыслятъ и дѣйствуютъ противъ жизни. Настоящая, суровая своимъ реализмомъ жизнь губитъ фантазіи, давая ихъ своей дѣйствительностью — не считается съ ней невозможно. Какъ-бы не были убѣждены «исповѣдники» крайнихъ партій въ своихъ фантастическихъ программахъ по аграрному вопросу, они неминуемо потерпятъ пораженіе, когда станутъ проводить въ жизнь хотя-бы идею націонализации земли. Сама жизнь развѣетъ ихъ фантазіи, противопоставивъ имъ суровую дѣйствительность — крайнее общее невѣжество и представленія о правѣ нашего пахаря...

Но изъ многихъ политическихъ партій, представители которыхъ имѣются въ думѣ, одна является болѣе сплоченной, болѣе близкой къ пониманію нуждъ населенія и болѣе склонной къ творческой работѣ по обновленію

Россіи. Мы говоримъ про «ка-детскую» партію. Ей, безусловно, доступно способствовать разрѣшенію многихъ вопросовъ страны и на ея отвѣтственности лежитъ тяжесть разрѣшенія аграрнаго вопроса. Отъ ея поведенія по этому вопросу зависитъ многое, до существованія думы включительно. Пойдетъ-ли она на уступки, откажется-ли отъ той части аграрной программы, гдѣ говорится о необходимости принудительнаго отчужденія земель? Вотъ вопросъ, выдвинутый теперь жизнью, злободневный, роковой вопросъ. Правительство стоитъ твердо на принципѣ права земельной собственности и, разумѣется, право, такъ какъ отказавшись отъ этого принципа, оно пойдетъ противъ идеи государства. Но будутъ-ли твердо отстаивать «ка-деты» противоположный принципъ? Если «да», то близкое будущее сулитъ мало ограднаго. Если-же уступать, то работа ихъ съ правительствомъ принесетъ безусловную пользу населенію.

Аграрный вопросъ—пробный камень партіи народной свободы. Если партія откажется отъ «принудительнаго отчужденія», то она явится центральной не только въ думѣ, но и во всей Россіи. Къ ней неизбежно подойдутъ стоящія правѣе ея партіи. Ей правительство волей-неволей должно будетъ дѣлать крупныя уступки. Отказъ отъ «принудительнаго отчужденія» спасетъ народное представительство, создастъ конституціонную Россію... Въ этомъ случаѣ «ка-деты», конечно, потеряютъ всякую связь съ крайними лѣвыми, такъ какъ пока, если у нихъ и есть что-либо общее съ послѣдними, такъ это — принципъ «принудительнаго отчужденія».

Значеніе и само существованіе думы находятся въ зависимости отъ того или иного поведенія ея центра — такъ было до 10-го мая, когда центру былъ предложенъ кардинальный вопросъ въ формѣ правительственной деклараціи, вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ все дальнѣйшее. Въ деклараціи былъ «вопросъ» (мы на этомъ настаиваемъ) правительства къ центру: «возможна-ли совмѣстная работа?». Центръ съ достоинствомъ принялъ этотъ вопросъ, но, какъ на него отвѣтитъ, покажетъ, безъ сомнѣнія, самое ближайшее будущее...

Жизнь и дѣятельность партій.

Второй съѣздъ октябристовъ, собравшійся 6-го мая въ Петербургъ, показалъ, что эта организація влечить очень жалкое существованіе и, пожалуй, и здѣсь, какъ у «истинно-русскихъ», до конца не далеко.

Каковъ характеръ этого съѣзда, видно изъ слѣдующаго, сдѣланнаго газетою «Русь», описанія второго дня засѣданія съѣзда.

Послѣдній вышелъ порядочно малолюднымъ. Какъ и въ первый день засѣданія, съѣхавшіеся на съѣздъ делегаты отъ отдѣловъ союза и публика терялись въ небольшомъ залѣ Малаго театра. Одинокѣ бродили лысыя, затянутыя въ сюртуки, фигуры, съ выраженіемъ чиновничьей сухости и безпредѣльной скуки на лицахъ. Несмотря на быстро распространившійся слухъ о пріѣздѣ въ Петербургъ А. И. Гучкова и о томъ, что онъ будетъ предсѣдательствовать на этомъ собраніи, народа все-же набралось всего лишь человекъ 150; въ томъ числѣ человекъ 70 делегатовъ. Публика—дамы въ весеннихъ свѣтлыхъ туалетахъ, офицеры, два-три застывшихъ генерала. Всѣмъ имъ, очевидно, до союза столько-же дѣла, какъ до прошлогодняго сѣнга. И это уже видно было изъ того, какъ аплодировала эта публика ораторамъ, прямо противорѣчившимъ другъ другу.

Послѣ обычныхъ въ октябристскомъ духѣ рѣчей по аграрному вопросу гг. Кулешова и Косовича, секретаремъ аграрной секціи Петрово-Солового читалась резолюція секціи:

«Секція присоединяется къ постановленіямъ московской аграрной комиссіи союза 17-го октября. Секція настаиваетъ на необходимости болѣе тѣсной связи землеустроительныхъ комиссій съ мѣстными отдѣленіями крестьянскаго банка. При этомъ секція считаетъ необходимымъ, чтобы земельнымъ комиссіямъ было законнымъ путемъ предоставлено преобладающее вліяніе; во-первыхъ—въ отношеніи рѣшенія вопроса о желательности или нежелательности пріобрѣтенія крестьянскимъ банкомъ предлагаемыхъ въ продажу земель въ цѣляхъ устройства крестьянъ; во-вторыхъ—въ назначеніи цѣвъ за землю и въ третьихъ—въ дѣлѣ распредѣленія этихъ земель между отдѣльными крестьянскими обществами».

Послѣ этого начались пренія.

Кн. Кропоткинъ высказывался за то, чтобы землеустроительное дѣло было всецѣло предоставлено однимъ лишь специальнымъ комиссіямъ и совершенно изъято изъ вѣдѣнія крестьянскаго банка, гдѣ всѣ дѣла вершатъ чиновники. «Крестьянскій банкъ только перебрасывается отношеніями съ землеустр. комиссіями», и необходима полная реорганизація его, такъ какъ онъ совершенно не отвѣчаетъ своему назначенію, только разоряя народъ. Дѣломъ должны вѣдать люди знающіе, разумные, не чиновники, но и не «политиканы въ красныхъ рубашкахъ, ходящіе въ народъ, чтобы его обманывать».

Сокосъ (Тульск. г.). Видимо, какая-то иронія судьбы сдѣлала

его октябристомъ. Напавъ на крупныхъ собственниковъ-помѣщиковъ и указавъ на безысходную нужду крестьянъ, ораторъ совѣмъ не въ октябристскомъ духѣ и тонѣ требовалъ передачи земель въ руки трудящагося крестьянства.

Весьма содержательную и сильную рѣчь произнесъ г. Шмидтъ (Минск. губ.), указавшій такіе разительные факты, какъ покупка и перепродажа крестьянскимъ банкомъ земли вмѣсто 1.600.000 за 3.400.000 руб. въ одномъ уѣздѣ Минской губ. «Необходимъ широкій общественный контроль». Разоблачивъ безъ жалости крестьянскій банкъ, ораторъ остановился и на землеустроительныхъ коммисіяхъ. «Какъ попадаетъ въ нихъ крестьянскій членъ? По жребію-съ! А непремѣнный членъ—въ лучшемъ случаѣ отставной земскій начальникъ, а то и отставной козы барабанчикъ!» Его рѣчь поминутно прерывалась громкими аплодисментами «октябристской» публики. «Пока у насъ назначенія идутъ по особымъ соображеніямъ свыше, до тѣхъ поръ никакіе съѣзды не помогутъ»,—закончилъ онъ свою рѣчь.

И снова вышелъ говорить мужичекъ, Миеулинъ (Орл. губ.), такой-же октябристъ, какъ А. И. Гучковъ—«эсъ-эръ». Извинившись за свою неученость, онъ привелъ пословицу: «Мужикъ неученый, что топоръ неточеный», но «только какъ-бы гг. землевладѣльцы этимъ топоромъ не обрубилась. Отъ него раны гноятся и остается навѣки шрамъ. Что говорить намъ о поднятіи культуры хозяйства? Развѣ на двухъ десятинахъ можно ввести 9 полей?» Высказавъ отрицательное отношеніе къ крестьянскому банку, ораторъ указалъ на то, что сами помѣщики должны придти на помощь крестьянамъ, такъ какъ «крупное землевладѣніе и такъ скоро рушится», и закончилъ красивымъ сравненіемъ: «Пчеловодъ весной пчеламъ подкладываетъ меда въ улья. Почему? Вѣдь, не только, чтобы живы оставались пчелы, но чтобы и меда ему самому они принесли больше. Пусть-же и помѣщики помогутъ крестьянину. Никакіе съѣзды здѣсь не рѣшатъ вопроса,—его можно разрешить только на мѣстахъ».

Бар. Розенбергъ, остзеецъ, плохо говорящій по-русски, вызвалъ своей логикой смѣхъ даже у самихъ октябристовъ. «Я ничего не смыслю въ аграрномъ вопросѣ, но чувство правды заставляетъ меня говорить,—заявилъ онъ.—Я противъ принудительнаго отчужденія и вотъ почему: оно носитъ названіе экспроприаціи, а въ то-же время этимъ словомъ мы называемъ грабежъ разныхъ шаекъ. Значитъ, самое слово «экспроприація» уже есть что-то нехорошее, насильническое».

Крест. Макаровъ (Вит. г.) высказывался опять за передачу земли трудовому крестьянству.

Приведенныя противорѣчивыя рѣчи делегатовъ ясно указываютъ на существующій крайній расколъ въ партіи. Этотъ расколъ проявился также при обсужденіи и голосованіи на съѣздѣ выработанной одной изъ его секцій резолюціи по еврейскому вопросу. Эта резолюція иллюстрируетъ собою какъ нельзя лучше извѣстное «съ одной стороны, нельзя не сознаться, а съ другой—слѣдуетъ признаться». Двусмысленность ея, конечно, пришлась не по душѣ многимъ прямодушнымъ членамъ съѣзда.

Она гласила слѣдующее: «Признавая за всѣми россійскими гражданами, безъ различія національностей и вѣроисповѣданія, равенство предъ закономъ, съѣздъ «союза 17-го октября» ввиду экономическихъ и культурныхъ условий нашей родины не находитъ возможнымъ немедленное и безусловное разрѣшеніе еврейскаго вопроса. вмѣстѣ съ тѣмъ, признавая, что дѣйствующее законодательство о евреяхъ способствуетъ обособленію еврейства, препятствуетъ сліянію и примиренію его съ русской народностью, что отзывается вредно на интересахъ русскаго государства, съѣздъ считаетъ необходимымъ поставить на очередь пересмотръ этого законодательства во всемъ его объемѣ».

При обсужденіи въ засѣданіи съѣзда этой резолюціи очень хорошую критику ея сдѣлалъ А. В. Бобріщевъ-Пушкинъ. Онъ сказалъ:

— На нашемъ знамени начертана великая дата, и теперь идетъ споръ: имѣть-ли и дальше эту дату на дорогомъ знамени. Въ докладѣ Царю, предшествовавшемъ манифесту 17-го октября, явно требуется полная свобода совѣсти. Гдѣ-же будетъ она, если вы откажете евреямъ въ равноправіи? Неужели мы скажемъ имъ: «Мы не мѣшаемъ вамъ молиться по-своему, но если вы будете молиться, то мы отдадимъ васъ на разграбленіе перваго полицейскаго»? Союзъ 17-го октября, гдѣ свобода при вышеприведенныхъ словахъ шума и продолжалъ:—господа, мы объединились и создали свой союзъ на воззваніи, въ которомъ стояло «равноправіе». На первомъ съѣздѣ мы также стояли за равноправіе. На первомъ съѣздѣ докладъ М. А. Стаховича о равноправіи былъ единодушно принятъ. Неужели мы теперь поступимъ иначе? Если вы примете предложенную резолюцію, то она, дѣйствительно, будетъ надгробнымъ памятникомъ надъ союзомъ 17-го октября. Когда страна покрылась военно-полевыми судами и чрезвычайными охранами, мы молчали—молчали вопреки рѣшенію перваго съѣзда. Теперь мы лишимся равноправія! Господа имъци изъ союза 17-го октября, запомните это, и до васъ дойдетъ очередь, а потомъ мы пойдѣмъ и дальше! Вы вѣрите еще, господа, въ силу городского, но, вѣдь, вы боретесь и за развитіе національнаго самосознанія. Такъ знайте, что, сохранивъ городского, вы убьете національное самосознаніе. Еврей вредны... а гдѣ-же доказательства? Да, есть еврей-революціонеры, и ихъ отдаю вамъ, но въ думѣ—сколько евреевъ въ крайнихъ лѣвѣхъ партіяхъ? Вы боитесь сихъ евреевъ, но, вѣдь, богатые изъ нихъ всѣ обходятъ законы, а бѣднота, несчастные, голодные люди испытываютъ на себѣ всю опасность погромовъ и разоренія. Они обираются всякимъ полицейскимъ. Еврей—грабители?! А Разуваевы и Колунаевы—не грабители?! Господа, не разрушайте послѣднихъ иллюзій, дайте оставаться въ нихъ, не разрушайте забора, находящагося между союзомъ 17-го октября и союзомъ русскаго народа!

Рѣчь г. Бобріщева-Пушкина прерывалась во многихъ мѣстахъ и шиканьемъ, и свистомъ, и шумомъ, но часть октябристовъ все-же апплодировала правдивымъ доводамъ оратора.

Присутствовавшій въ засѣданіи А. И. Гучковъ нашелъ необходимымъ выступить противъ А. В. Бобріщева-Пушкина.

— То года, — сказали онъ, — я всецѣло поддерживаю резолюцію секціи. Я увѣренъ, что она не идетъ въ разрѣзъ съ нашими взглядами и съ программой. Въ ней нѣтъ элемента чело-вѣко-ненавистничества. Она вытекаетъ изъ соображеній государ-ственной пользы. Мы предвидимъ въ нашей резолюціи слияніе и объединеніе евреевъ съ русскимъ народомъ. Нужно шагъ за шагомъ разрѣшать вопросъ, нужно всѣ ограниченія постепенно отмѣнять и, такимъ образомъ, раскрѣпощать еврейство. Нельзя однимъ лозунгомъ дискредитировать союзъ. Онъ ничѣмъ не измѣнилъ своему направленію.

Далѣе А. И. Гучковъ заявилъ, что, не измѣняя нисколько сво-имъ принципамъ, онъ голосуетъ за резолюцію секціи.

При баллотировкѣ членъ государственной думы Н. А. Хомя-ковъ, членъ гос. совѣта бар. Корфъ и гр. А. А. Уваровъ голо-совали за предоставленіе свободы мнѣній по еврейскому вопро-су отдѣламъ союза. Въ этомъ смыслѣ голосовалъ и членъ гос. думы М. Я. Капустинъ.

Резолюція секціи принята была громаднымъ большинствомъ.

Противъ резолюціи голосовали прис. пов. Б. М. Добротвор-скій, Н. А. Монаховъ, прив.-доц. В. А. Григорьевъ и А. В. Боб-рищевъ-Пушкинъ. Ходятъ слухи, что они теперь откалываются отъ союза 17-го октября, увлекая за собою многихъ рядо-выхъ членовъ.

На послѣднемъ засѣданіи съѣзда была принята еще слѣдую-щая программа союза, тоже выражающая и то, и се.

Очевидно, октябристамъ хочется быть оригинальными илибс-ральными, но и начальство рассердить не хочется.

Вотъ эта программа:

1) Всѣ російскіе граждане, безъ различія пола, національно-сти и вѣроисповѣданія, равны предъ закономъ. Сословныя при-вилегіи и ограниченія отмѣняются.

2) Каждому гражданину обезпечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія.

3) Личность и жилище каждаго неприкосновенны. Входъ въ частное жилище, выемка и обыскъ въ немъ и вскрытіе част-ной переписки допускаются только въ случаяхъ и при усло-віяхъ, установленныхъ закономъ. Всякое лицо, задержанное по какому-либо обвиненію, должно въ точно опредѣленный и кратчайшій срокъ, на примѣръ, въ 24 часа въ городахъ, быть представлено судебной власти или освобождено. Всякое личное задержаніе, произведенное безъ законнаго основанія или про-долженное сверхъ установленнаго закономъ срока, даетъ по-страдавшему право на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ.

4) Частная собственность неприкосновенна. Принудительное отчужденіе недвижимаго имущества, когда это нужно для госу-дарственныхъ и общественныхъ нуждъ, допускается въ закон-номъ порядкѣ.

5) Никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію, нака-занію или правоограниченію иначе, какъ на основаніи закона и надлежащею судебною властью.

6) Каждый гражданинъ пользуется свободой передвиженія и выѣзда за границу, а также свободой выбора мѣста житель-ства и рода занятій.

7) Каждый волею высказывать изустно и письменно свои мнѣнія, а равно распространять ихъ путемъ печати или инымъ способомъ. За преступленія и проступки, совершенные путемъ устнаго или печатнаго слова, обвиняемые отвѣчаютъ только предъ судомъ, на основаніяхъ, установленныхъ уголовнымъ закономъ.

8) Всемъ российскимъ гражданамъ принадлежитъ право устраивать публичныя собранія и составлять союзы и общества съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ закономъ.

9) Право письменныхъ петицій предоставляется какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и всякаго рода союзамъ, собраніямъ и отдѣльнымъ группамъ гражданъ.

10) Женщины должны быть уравнены въ личныхъ имущественныхъ, наследственныхъ и вообще во всѣхъ гражданскихъ правахъ съ мужчинами.

11) Всѣ вышеозначенныя права гражданъ должны быть введены въ основной законъ Россійской имперіи и обозначены судебной защитой.

Даже постоянный защитникъ союза 17-го октября, издатель «Новаго Времени» А. С. Суворинъ, увидѣвъ происходящее на съѣздѣ и его результаты, ополчился на октябристовъ.

«Какая это почтенная и какая безплодная партія октябристовъ,—восклицаетъ онъ,—какіе это солидные и почтенные люди гг. октябристы и какъ они глубоко несчастливы, что не могутъ понять причины своего безсилія! Если-бъ я не былъ журналистомъ, но питаль-бы страстное стремленіе къ политической дѣятельности и чувствовалъ-бы въ себѣ талантъ къ ней, я не пошелъ-бы въ партію 17-го октября, несмотря на мою глубокую и искреннюю симпатію ко многимъ членамъ этой партіи».

Переходя къ выработанной на съѣздѣ формулѣ октябристовъ о томъ, что министерство должно быть одновременно отвѣтственно и предъ Государемъ, и предъ думой, г. Суворинъ говорить:

«Я предпочитаю парламентаризмъ выдумкѣ октябристовъ, если надо выбирать одно изъ двухъ, и вотъ почему. Октябристы выбрали нѣчто такое, что постоянно будетъ сѣять непримиримую вражду между г. думою и Государемъ. Съ Государя отвѣтственность не слагается, какъ она слагается при парламентаризмѣ, но онъ несетъ ее вдвойнѣ,—и за то, что выбралъ негодныхъ министровъ, и за то, что они надѣлали. Государь постоянно еще долженъ думать о томъ, какъ-бы не разсориться съ думою, какъ-бы ей угодить, какова-бы эта дума ни была, каковое-бы ни было ея большинство, хотя-бы социаль-демократическое или ретроградное. Государь становится зависимѣйшимъ человѣкомъ, самую жалкую фигуру, даже безъ того царственнаго обаянія, которое остается ему при парламентаризмѣ, гдѣ онъ не отвѣчаетъ за своихъ министровъ. Всякой думѣ ничего не стоитъ поднять агитацію противъ министра, который ей не угоденъ. Это мы знаемъ по своей думѣ. Во всякой европейской парламентарной думѣ партіи съ особеннымъ увлеченіемъ берутся за вопросы, чтобы свергнуть министерство; министерскія мѣста—это цѣль стремленій и постоянная язва; партіи вѣчно борются за власть. Что-же будетъ

при октябристской программѣ? Какую роль будетъ играть Государь во всей этой сложной сутолокѣ, сколько случаевъ уронить окончательно монархическую власть и повергнуть ее въ кипень политическихъ страстей, думскихъ обвиненій, судебныхъ разбирательствъ, интригъ, кляузъ, прямыхъ и косвенныхъ нападеній. Какой злой духъ подсказалъ эту нелѣпную программу, которая вреднѣе всякой «кадетской»? Достаточно имѣть малую долю воображенія, чтобы ярко себя представить, кто больше всѣхъ проиграетъ въ этой политической игрѣ. Я ужъ не говорю про положеніе министровъ. Какой независимый человекъ возьметъ на себя бремя этой двойной отвѣтственности? Спросили-бы октябристы П. А. Столыпина, считаетъ-ли онъ возможнымъ эту двойственную роль? Это—прямой человекъ, твердо стоящій за Государя и его реформу. Конечно, не согласится, потому что роль министра въ этомъ положеніи не только двойственная, но лукавая, интригантская, іезуитская, какъ разъ подъ стать роли «кадетовъ», какъ ее изображаютъ октябристы. Онъ принужденъ будетъ служить вашимъ и вашимъ, лгать, притворяться, лицемерить, примирять непримиримое, путаться и хитрить. Недостойнѣ такой роли трудно себя представить. При парламентаризмѣ положеніе Государя въ сто разъ лучше; при октябристской выдумкѣ анархія можетъ только погрузить страну прямо въ бездну золь.

«Нечего сказать, умные люди состряпали эту программу. Но такъ и должно быть въ партіи, которая гонится за «ка-детами» и старается ихъ перецеголять. У нихъ отвѣтственность министровъ предъ думой и Государемъ. Вотъ какіе мы! У насъ всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. Одинъ восторгъ! Какая-же это партія? Это—скука, а не партія».

* * *

Закончился съѣздъ русскихъ социаль-демократовъ въ Лондонѣ. Октябристы все-же старались сдѣлаться на съѣздѣ оригинальными, показать, что они умѣютъ размышлять; изъ этихъ ихъ стараній ничего, правда, не вышло, кромѣ конфуза, но это—уже другой вопросъ; важно, что стараніе было. У социаль-демократовъ даже и этого не было.

Въ сущности, имъ не зачѣмъ было ѣздить на съѣздъ. Вѣдь, давно извѣстно, что дальше своей партійной программы они идти никуда не хотятъ и изъ-за нея ничего не желаютъ и видѣть. Какое имъ дѣло до народа, до народныхъ желаній! Народные желанія и интересы въ настоящій моментъ идутъ въ разрѣзъ съ ихъ программой; казалось-бы, «друзьямъ народа» нужно было-бы какъ-нибудь, хотя на время, послѣдовать за народомъ. Но какъ-же программа? Какъ-же русскимъ «политическимъ мальчишкамъ» показаться не настоящими социаль-демократами! Показная сторона, въ особенности еще предъ Европой, у нихъ всегда на первомъ планѣ; ради нея не то что народъ, а и все забудешь! И вотъ въ этомъ смыслѣ принята и резолюція по отношенію къ думской фракціи партіи. По сообщенію «Слова», она гласитъ:

«Выслушавъ отчетъ соц.-дем. думской фракціи, съѣздъ, одобряя въ общемъ и цѣломъ дѣятельность фракціи въ государственной думѣ, находитъ: 1) что основной задачей соц.-дем. представителей въ государственной думѣ является содѣйствіе

классовому воспитанію самыхъ широкихъ массъ пролетаріата, какъ для защиты его интересовъ вообще, такъ и для выполненія той роли политическаго вождя, которую призванъ сыграть сознательный пролетаріатъ въ нынѣшней революціи; 2) что, сообразно съ этимъ руководящимъ началомъ, при выступленіяхъ социаль-демократическихъ фракцій должно быть изложено и выясненіе при всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ принципиальной классовой позиціи социаль-демократическаго революціоннаго пролетаріата въ отличіе отъ всѣхъ другихъ видовъ оппозиціонной и революціонной политики, начиная съ «к.-д.» и кончая «с.-р.»; 3) что этой задачей социаль-демократія не можетъ ни въ какомъ случаѣ жертвовать для цѣлей сохраненія общихъ оппозиціонныхъ дѣйствій съ какими-бы то ни было политическими группами въ думѣ; 4) что, наконецъ, тактической задачей с.-д. фракціи въ отношеніи къ прочимъ группамъ думы является то, чтобы, отличаясь своей «крайней позиціей» отъ либеральной буржуазіи, въ то-же время объединять по возможности подъ своимъ руководствомъ трудовыя, оппозиціонныя и революціонныя группы».

Такимъ образомъ, окончательно выяснилось, что социаль-демократы и въ думу шли, и теперь тамъ находятся не для настоящаго дѣла, а для агитаціи.

* * *

Интересная переписка произошла между московскимъ градоначальникомъ и союзомъ русскаго народа. Недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» напечатано слѣдующее письмо градоначальника въ редакцію:

«М. Г. Препровождаю при семъ Вашему Превосходительству, какъ предсѣдателю московскаго отдѣла союза русскаго народа, телеграмму, подписанную предсѣдателемъ оргѣвскаго отдѣла Щербаномъ, имѣю честь увѣдомить, что признаю неприличнымъ и недостойнымъ занимаемаго мною положенія отвѣчать на подобныя заявленія, основанныя на наглѣйши, распространяемой газетой «Вѣче». Прим. и пр. А. Рейнботъ.

Телеграмма, присланная г. Щербаномъ, слѣдующая:

Кишиневъ, 7-го мая. Московскому градоначальнику Рейнботу. Общее собраніе оргѣвскаго отдѣла союза русскаго народа Бессарабіи, прочитавъ исповѣдь редактора «Вѣче» о его высылкѣ и закрытіи газеты, равно недопущеніи вами постановки на московскомъ Императорскомъ театрѣ оперы «Жизнь за Царя» во время всеороссійскаго съѣзда русскихъ людей, возложило на меня тяжелую обязанность выразить вамъ глубокую народную скорбь за ваши антирусскія дѣйствія. Прискорбно видѣть это отъ Государева слуги въ сердцѣ Россіи. Въ настоящее время, когда Отечество на краю гибели, Русскій народъ, преданный православному Царю и Родинѣ, хочетъ вѣрить, что сдѣланныя вами ошибки болѣе не повторятся. Предсѣдатель Совѣта Александръ Щербанъ».

Какъ извѣстно, когда нужно знать мнѣніе «истинно-русскаго» народа, г. Пуришкевичъ разсылаетъ секретный приказъ по арміи, и провинціальныя отдѣлы «союза» шлютъ въ Царское Село сотни телеграммъ одинаковаго содержанія. Но нѣкоторые отдѣлы такъ разохотились, что вздумали выражать мнѣніе «народа» и безъ приказанія г. Пуришкевича, что и произошло

съ г. Щербаномъ. Такого безпорядка въ своемъ вѣдомствѣ г. Пуришкевичъ, нынѣ освобожденный отъ думскихъ работъ, терпѣть не можетъ, и онъ, по словамъ «Рвчи», разослалъ уже слѣдующій приказъ по вѣдомству:

«Главный совѣтъ союза русскаго народа неоднократно предлагаетъ отдѣламъ союза воздерживаться отъ единичныхъ выступленій, какъ съ выраженіемъ непрощенныхъ похвалъ, такъ и сомнительныхъ порицаній лицамъ высшей администраціи, какъ вообще, такъ въ особенности находящимся за предѣлами той губерніи, въ коей работаетъ каждый данный отдѣлъ союза. Подобнаго рода выступленія, не поддержанныя другими отдѣлами союза и сплошь и рядомъ необоснованныя, вслѣдствіе неосвѣдомленности отдѣла въ истинномъ положеніи вещей, за критику или за одобреніе коихъ они берутся, лишь роняютъ значеніе союза и обезцѣниваютъ силу его голоса, возвышаемаго въ дни дѣйствительной къ тому необходимости.

«Главный совѣтъ, пользуясь даннымъ случаемъ неумѣстнаго вмѣшательства оргѣвскаго отдѣла въ дѣятельность высшей московской правительственной власти, вмѣшательства тѣмъ болѣе неприличнаго, что IV всероссійскій московскій сѣздъ, въ случаѣ дѣйствительнаго оскорбленія московскимъ градоначальникомъ въ дни его сѣзда засѣданій чувства національнаго самолюбія собравшихся русскихъ людей, могъ-бы предпринять въ защиту его соотвѣтствующіе шаги,—главный совѣтъ считаетъ долгомъ на этотъ разъ лишь поставить на видъ предсѣдателю оргѣвскаго отдѣла союза Александру Щербану всю некорректность его поведенія, но предупреждаетъ, что повтореніе подобнаго рода случаевъ въ какомъ-бы то ни было изъ отдѣловъ союза повлечетъ за собою немедленное принятіе самыхъ крутыхъ мѣръ въ отношеніи лицъ, неспособныхъ ни понимать все значеніе въ наши тяжелые дни партійной дисциплины, ни оберегать имя отдѣла отъ заслуженныхъ упрековъ за безтактное поведеніе отдѣльныхъ лицъ, являющихся къ тому-же его руководителями».

Такъ и будемъ знать, что всѣ «выступленія» мѣстныхъ отдѣловъ союза суть результатъ «освѣдомленности» и «тактичности» его центральныхъ руководителей, и отвѣтственность за мѣшанія и желанія «истинно-русскихъ» людей всецѣло ложится на г. Пуришкевича.

* * *

Два раза въ теченіе отчетнаго времени члены государственной думы, принадлежащіе къ правымъ и умѣреннымъ партиямъ, имѣли счастье быть принятыми по группамъ Государемъ Императоромъ въ Царскомъ Селѣ и Новомъ Петергофѣ.

Въ первый пріемъ, 15-го мая, представлялись: проф. Хорватъ (Казань), Ветчининъ (Орель), Тетеревенковъ (Калужской губ.), Ключевъ (Самара), кн. Урусовъ (Тульская губ.), Шелелевъ (Калужская губ.), Воронцовъ-Вельяминовъ (Тульская губ.), Шилловскій (Могилевская губ.), Третьяченко (Саратовская губ.), Крупенскій (Бессарабская губ.), кн. Куракинъ (Орловская губ.), Шеминцевъ (Калужская губ.), Лошкаревъ (Минская губ.), Апачининъ (г. Смоленскъ), Варунъ-Секретъ, Келеповскій, Саргани, Люць (Херсонской губ.), Искрицкій (Черниговская губ.).

По прибытіи въ Царское Село, депутаты направились въ Большой Царскосельскій дворець, гдѣ имъ, въ ожиданіи аудіенціи, былъ сервированъ чай. Въ 2½ часа депутаты были приглашены на аудіенцію. Первымъ удостоился бесѣды г. Крупенскій, стоявшій первымъ въ ряду, вторымъ г. Келеповскій, удостоившійся болѣе продолжительной бесѣды. Бесѣда касалась вначалѣ мѣстныхъ нуждъ, а затѣмъ перешла къ дѣятельности государственной думы, которая оказалась извѣстной въ Царскомъ Селѣ во всѣхъ деталяхъ. Было выражено желаніе, чтобы работа думы была въ будущемъ продуктивнѣе, чѣмъ до сихъ поръ. Депутаты рассказывали затѣмъ Государынѣ о государственной думѣ и цѣловали руку Наслѣдника. Аудіенція длилась болѣе получаса. Никакихъ рѣчей во время аудіенціи депутатами произнесено не было.

По газетнымъ свѣдѣніямъ, предъ аудіенціей правымъ депутатамъ былъ сдѣланъ намекъ на нежелательность какихъ-нибудь разговоровъ о роспускѣ думы.

19-го мая въ Нов. Петергофѣ. состоялся приѣмъ группы, состоявшей изъ 31 депутата; въ томъ числѣ были г. Пуришкевичъ, епископъ Евлогій, Платонъ и др. Съ поѣздомъ въ 12 ч. 50 мин. дня по Балтійской жел. дорогѣ они выѣхали изъ Петербурга. Въ Новомъ Петергофѣ, у станціи ко времени прихода поѣзда ихъ ожидали придворные экипажи, въ которыхъ члены думы прослѣдовали на дачу Ея Величества «Александрія». Во дворцѣ члены думы были встрѣчены дворцовымъ комендантомъ свиты г.-м. Дедюлинымъ, фл.-ад. Орловымъ и кн. Путятинымъ. Въ исходѣ третьяго часа дня изъ внутреннихъ покоевъ въ залъ къ представлявшимся вышли ихъ Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Феодоровна вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ. Ихъ Величества обходили членовъ думы, удостоивая каждого изъ нихъ милостиваго вниманія и разговора. Предъ представленіемъ депутатамъ былъ предложенъ чай, а послѣ—въ одномъ изъ помѣщеній завтракъ.

* * *

На-дняхъ состоялось тайное совѣщаніе правыхъ депутатовъ съ представителями союза русскаго народа, на которомъ былъ заслушанъ докладъ о поѣздкѣ депутатовъ въ Царское Село и была рассмотрѣна программа дальнѣйшей тактики въ г. думѣ. «Б. В.» передаютъ интересныя подробности о второй части засѣданія.

Всего присутствовало 15 человекъ: 12 депутатовъ и 3 представителя главнаго совѣта союза русскаго народа. Фамилии присутствовавшихъ держатся въ величайшемъ секретѣ, но по нѣкоторымъ даннымъ можно судить, что всѣ наиболѣе активные дѣятели правой были налицо.

Что дѣлать дальше?—вотъ вопросъ, который подлежало обсудить.

Выступившій по этому вопросу докладчикъ заявилъ, что результатъ голосованія г. думы по поводу предложенія правыхъ осудить террористическіе акты разрушилъ всѣ планы. За осужденіе голосовали тѣ, кто, по мнѣнію инициаторовъ предложенья «кладъ». 1907 г. кн. 11-я.

женія, долженъ былъ противиться этому, и, такимъ образомъ, была отнята дальнѣйшая возможность борьбы съ революціонерами на этой почвѣ.

Ближайшая дѣятельность государственной думы, посвященная выработкѣ законопроектовъ и обсужденію бюджета, врядъ-ли поможетъ занять правой выгодную въ глазахъ народа позицію. Вся надежда, такимъ образомъ, на аграрный вопросъ.

Здѣсь разногласія между лѣвой, «ка-детами» и октябристами такъ рѣзки, что примиреніе врядъ-ли возможно. Ища поддержки, «ка-деты», по мнѣнію докладчика, должны будутъ пойти навстрѣчу правымъ. Этимъ необходимо воспользоваться. Пораженіе «лѣвой» въ этомъ вопросѣ безусловно вызоветъ симпатіи со стороны умѣренныхъ къ тѣмъ, кто этому содѣйствовалъ.

Совѣщаніе рѣшило вести широкую агитацію и въ г. думѣ, и внѣ ея противъ аграрныхъ законопроектовъ всей оппозиціи. Рѣшено, кромѣ того, еще настойчивѣе вести политику разоблаченія лицемѣрія и лжи «лѣвой» г. думы, пользуясь для этого всякимъ удобнымъ случаемъ.

* * *

Думскія фракціи рѣшили, какъ говорится въ просторѣчьи, «подтянуть» своихъ членовъ и ввести порядокъ въ свои дѣла. Такъ, трудовая группа, въ цѣляхъ дисциплинированія своихъ сочленовъ, вводитъ въ жизнь, по образцу англійскихъ парламентскихъ фракцій, институтъ «бичей». На обязанности послѣднихъ лежитъ наблюденіе за порядкомъ голосованій членовъ фракціи въ парламентѣ, аккуратнымъ посѣщеніемъ фракціонныхъ и думскихъ засѣданій, голосованіемъ за рѣшенія, принятія фракціей и т. д. Поручено совѣту выработать условія существованія этого института.

Исключеніе изъ фракціи и приѣмъ постороннихъ допускается только съ санкціи двухъ третей голосовъ всего состава фракціи.

Членъ бюджетной думской комиссіи доложилъ фракціи, что въ ея засѣданіи большинство по вопросу о разсмотрѣніи бюджета приняло рѣшеніе разсматривать бюджетъ въ полномъ объемѣ въ тѣхъ видахъ, что при такомъ способѣ разсмотрѣнія легче урвать отдѣльныя статьи, чѣмъ если-бы онѣ разсматривались отдѣльными статьями. Къ этому и должны сводиться усилія думы, такъ какъ другого средства повліять на судьбу бюджета она не имѣетъ пока. Это рѣшеніе санкціонировано фракціей.

Фракція обязала своихъ представителей въ комиссіяхъ своевременно освѣдомлять ее о каждомъ выступленіи комиссіи.

Земская дума.

Статья В. А. Пивчука.

I.

Россіи необходима не государственная дума, т. е., не те-перешняя парламентарная, а земская дума.

Подъ именемъ земской думы нельзя разумѣть какое-либо обособленное учрежденіе въ родѣ государственной думы, дѣйствующей у насъ въ настоящее время и, видимо, не отвѣчающей нашему русскому укладу жизни, что она уже доказываетъ второй разъ въ теченіе одного года, а нѣчто совсѣмъ, какъ намъ кажется, иное, а что именно, мы выяснимъ ниже.

Желаніе Государя при введеніи въ Россіи народнаго представительства, какъ законодательнаго учрежденія, было таково, чтобы въ него вошли „лучшіе люди“ всѣхъ сословій, всѣхъ классовъ, какъ это бывало въ земскихъ соборахъ, окончательно упраздненныхъ Петромъ Великимъ, безъ малѣйшаго, впрочемъ, о томъ Высочайшаго указа, а просто и молча, что нашли выгоднымъ для себя поддержать, также молча еогласившись съ нимъ, всѣ преемники великаго преобразователя. По существу говоря, это была со стороны геніальнаго Петра простая узурпація народовластія, отъ котораго его-же родъ получилъ верховную власть, чего не забывали его преемники.

Нынѣ царствующій Государь Императоръ, благодушно настроенный къ старинѣ и въ особенности почитающій Своего предка Алексѣя Михайловича, которому во многихъ случаяхъ онъ хотѣлъ-бы слѣдовать (это неоднократно проявлялось во время Его сравнительно еще недолгаго царствованія), пожелалъ возратить народу то, что у него отобрано Петромъ. Ближайшіе совѣтники Государя Императора—въ то время какъ значительная часть печати, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, говорила о необходимости для Россіи земскаго собора и вовсе не думала о парламентаризмѣ, считая, что и въ Европѣ онъ доживаетъ послѣдніе дни,—не нашли ничего лучшаго посоветовать Государю, какъ завести свой парламентъ,—да не одинъ, а два: государственные совѣтъ и думу.

Вотъ уже скоро годъ, какъ мы живемъ какъ-будто и съ народнымъ представительствомъ, и въ то-же время безъ него.

Народу было предложено послать въ государственную думу своихъ „лучшихъ людей“, для чего, разумѣется, было преподано руководство, подѣ именемъ закона объ избирательномъ правѣ въ государственную думу. Этотъ законъ далъ возможность провести въ нее наибольшее количество депутатовъ отъ крестьянскаго сословія. Это казалось вполне справедливымъ: вѣдь, оно преобладающее въ Имперіи. Забыли, къ сожалѣнію, только объ одномъ, что это сословіе около двухсотъ лѣтъ слишкомъ, считая отъ послѣдняго земскаго собора, было совершенно устранено отъ государственныхъ дѣлъ. Значеніе крестьянскаго сословія сводилось къ двумъ функціямъ: 1) поставлять войско для государства и 2) давать, сколько требуется, для послѣдняго денегъ. Въ этихъ двухъ функціяхъ были его обязанности, покоящіяся на безусловномъ подчиненіи начальству „за страхъ и за совѣсть“, а о своихъ правахъ крестьянство ничего и не слыхало до 1861 года. До этого года народъ—крестьянское сословіе—коснѣлъ въ крѣпостной зависимости и невѣжествѣ. Послѣднее было хуже перваго. Спали крѣпостныя цѣпи, но невѣжество, хотя и не въ прежней степени, осталось у крестьянскаго населенія. Оно въ теченіе 46 лѣтъ до сихъ поръ не стало еще грамотнымъ, а только еле полуграмотнымъ и даже самыхъ примитивныхъ своихъ правъ не знаетъ; оно мало знакомо съ тѣмъ, что должно быть ближе всего къ нему—съ земствомъ.

Въ большинствѣ крестьянинъ смотритъ на земскія учрежденія, какъ на созданныя исключительно для опеки надъ нимъ, для выколачиванія изъ него всевозможныхъ платежей. Ни въ какой земской школѣ ему не разъясняли, что земство — это самоуправленіе. Присутствіе крестьянина въ земствѣ было лишь терпимо; въ немъ онъ былъ для декораціи.

И мужикъ (это—настоящее имя нашего крестьянина) отлично понималъ это: онъ шелъ въ уѣздное земское собраніе, какъ ходилъ когда-то на барщину; сидѣлъ въ немъ молча, при случаѣ вздыхая или почесывая затылокъ, а при баллотировкѣ клалъ шаръ, куда прикажетъ то или другое начальство изъ „земскихъ“ (гласныхъ).

И вдругъ сразу: крестьянинъ въ земствѣ еще не имѣетъ правъ, а тутъ: „пожалуйте въ государственную думу, высшее законодательное учрежденіе, дайте намъ новые законы!“ И это послѣ того, когда онъ не смѣлъ у себя въ деревнѣ распорядиться распланировкой улицы; безъ вѣдома земскаго началь-

ника не смѣлъ посадить на ней, у своей избы, дерева; не имѣлъ права не допустить на своей территоріи открытія казенной винной лавки. Да и теперь онъ на все указанное не имѣетъ права безъ разрѣшенія земскаго начальника даже послѣ того, какъ его выбрали депутатомъ въ госуд. думу!

Новый законъ далъ крестьянину право выше того, что онъ думалъ. Въ своей деревнѣ онъ все еще не хозяинъ, а, являясь въ государственную думу, онъ оказывается хозяиномъ всей Россіи; такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ понимаетъ.

Предъ крестьяниномъ всталъ вопросъ: „кого выбирать въ государственную думу?“ Задача мудреная. Но добрые люди научили. И выбрали въ большинствѣ не лучшихъ людей, которыхъ знали, а тѣхъ „кому головы не жалко“, да тѣхъ „кто на сходкахъ горло драть умѣетъ“, либо коимъ въ деревнѣ жить нечѣмъ: „пусть поправится на казенномъ жалованьѣ—хорошее, десять рублей въ сутки; дома и въ мѣсяцъ не заработать, а тутъ хоть и черезъ два мѣсяца вернется домой безъ правовъ, а полтысячи въ свою деревню принесетъ“.

Въ послѣднемъ случаѣ выборы были самостоятельны, въ первыхъ двухъ навѣяны. Кѣмъ?—этого нечего пояснять.

При такихъ условіяхъ какъ могли попасть „лучшіе люди“ изъ крестьянъ въ государственную думу?

Возьмите каждаго изъ нынѣшнихъ крестьянскихъ депутатовъ отдѣльно, спросите его о государствѣ, конституціи, парламентѣ, и онъ вамъ нагородитъ такого, чего вы и не ожидали, и обнаружитъ все свое политическое невѣжество. И это безразлично—правый онъ или лѣвый, трудовикъ или „союзникъ“, ставленникъ-ли онъ революціонеровъ, или земскихъ начальниковъ—все едино. Въ думѣ два типа крестьянскихъ депутатовъ: говоруны и молчалники. Послѣдніе, конечно, лучше. Они безнадежно, какъ и въ земствѣ, почесываютъ затылки и только въ кулуарахъ вздыхаютъ.

Одинъ изъ послѣднихъ, между прочимъ, откровенно въ разговорѣ со мной говорилъ:

— Кто его знаетъ, чѣмъ наше діло кончится. Якъ не дадутъ земли, то лучше и до дому не вертатца. Якъ дума долго буде, то сберу грошей, напишу до дому, нехай жинка продае весь скарбъ, худобу, переберусь у городъ, та открыю лавку, торговать буду.

Я никакихъ выводовъ изъ этого не дѣлалъ и не дѣлаю. Передаю, что слышалъ, но поинтересовался узнать, сколько говорившій со мною крестьянинъ-депутатъ расходуетъ въ день. За квартиру онъ платитъ 8 рублей въ мѣсяцъ, проѣдаетъ

50 — 60 коп. въ день. Остатки кладеть въ сберегательную кассу.

Какъ никакъ, а для этого депутата практической результатъ его миссии ясенъ. Въ думѣ онъ молчитъ, но никто его не считаетъ глупымъ. Несомнѣнно, онъ будетъ въ выигрышѣ.

Депутаты, изъ тѣхъ „кому головы не жалко“ — говоруны. Это—люди, побывавшіе въ тюрьмѣ, тѣ, которыхъ лѣвые считаютъ „сознательными“ только потому, что они кое-что запомнили изъ митинговыхъ агитационныхъ рѣчей и читали подпольные листки, какъ гоголевскій Петрушка, но ужъ, конечно, никогда не прочли ни одной серьезной книжки и, принадлежа на словахъ къ той или другой политической партіи, не знаютъ и не понимаютъ сущности ея программы.

II.

Въ настоящее время много говорятъ, какъ справа, такъ и слѣва, о необходимости измѣненія избирательнаго закона: справа хлопочуть о повышеніи образовательнаго ценза какъ для избирателей, такъ и для депутатовъ; слѣва хотятъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія на выборахъ.

Однако, дѣло вовсе не въ измѣненіи избирательнаго закона въ государственную думу, а въ учрежденіи въ имперіи широкаго, стройнаго земскаго самоуправленія. Мнѣ неоднократно приходилось уже говорить, что русское народовластіе есть не что иное, какъ земщина въ томъ смыслѣ, какъ она понималась: искони земство править государствомъ совмѣстно съ своимъ Царемъ. Русскій Государь со временъ воцаренія дома Романовыхъ—земскій Государь, и пока земство, какъ учреждение, не получитъ строго объединеннаго строя, вполнѣ законченнаго, наша русская жизнь не упорядочится, а наше государство не выйдетъ на новый путь, которому въ будущемъ позавидовали-бы другіе народы, какъ о томъ мечталъ Ф. М. Достоевскій.

Для этого прежде всего необходима мелкая земская единица, въ которую должны быть привлечены лучшія мѣстныя силы. Право избирателей въ мелкую земскую единицу — всеобщее (для лицъ, достигшихъ извѣстнаго возраста), но право быть избраннымъ принадлежитъ лишь обладающимъ образовательнымъ цензомъ, лицамъ, хотя-бы, на примѣръ, прошедшимъ народную школу.

Въ уѣздное земство гласные также избираются всеобщимъ голосованіемъ, но для не служившихъ въ земствѣ ранѣе образовательный цензъ повышается, а изъ служившихъ могутъ быть

избраны тѣ, которые прослужили въ мелкой земской единицѣ не менѣ двухъ трехлѣтій.

Въ губернскомъ земствѣ та-же система выборовъ, съ той разницей, что право быть въ него избраннымъ принадлежитъ прослужившимъ не менѣ двухъ трехлѣтій въ уѣздномъ земствѣ.

Все земское управление должно быть, наконецъ, объединено въ земской думѣ, въ которую избираются лица, прослужившія не менѣ трехъ трехлѣтій въ губернскомъ земствѣ.

Такимъ образомъ, отъ низшихъ до высшаго земскаго учрежденія сохранится преемственная связь и въ земскую думу попадутъ люди не неопытные въ государственной жизни народа, а люди, уже послужившіе ему на мѣстахъ, и, несомнѣнно, сумѣвшіе показать, что они способны къ общественному служенію.

Разумѣется, это—только схема желательнаго „земскаго зданія“. Нѣтъ надобности говорить о томъ, что права земскаго самоуправленія должны быть расширены, и дѣло народнаго хозяйства, мѣстнаго суда, народнаго образованія и проч., и проч. должно находиться всецѣло въ рукахъ земства.

Земская дума вѣдаетъ всѣ дѣла мѣстнаго хозяйства и опредѣляетъ общегосударственныя нужды, словомъ, отправляетъ всѣ функціи законодательнаго учрежденія, т. е., дѣлаетъ то, чѣмъ теперь занимается государственная дума, но она будетъ составлена не изъ случайно избраннаго люда, а изъ лицъ опытныхъ и по своему возрасту, и по своему прошлому служенію.

Могутъ возразить на это, что такой порядокъ приведетъ снова къ тому-же бюрократическому строю, но это—совершенно излишнія опасенія. Никакой опасности С.-Амер. Соед. Шт. не видятъ у себя при избраніи разныхъ лицъ на административныя посты лишь послѣ того, когда они прослужили на соответствующихъ болѣе низкихъ ступеняхъ общественной службы. Въ вашингтонскій сенатъ не можетъ попасть лицо, никогда не несшее общественной службы въ провинціи, а, между тѣмъ, отъ этого американцамъ вовсе не худо.

Худо бываетъ всегда отъ того, что люди, не умѣющіе, какъ говорится, раздѣлить кормъ между двумя свиньями, попадаютъ въ законодатели. Худо бываетъ и отъ того, что государство переноситъ къ себѣ изъ другихъ странъ такія учрежденія, которыя не соответствуютъ ни духу страны, ни ея народу, ни условіямъ исторически сложившейся жизни. Такіе опыты, какъ мы знаемъ на собственной исторіи, не проходятъ даромъ и въ большинствѣ случаевъ приносятъ совсѣмъ не тѣ плоды, которыхъ отъ нихъ ожидали.

Св. синодъ и священники-депутаты.

13-го мая во всѣхъ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе:

«Святѣйшій правительствующій синодъ 12-го сего мая имѣлъ сужденіе по поводу того обстоятельства, что нѣкоторые священники, состоящіе членами государственной думы и принадлежащіе къ крайнимъ революціоннымъ партіямъ, дозволили себѣ показно отсутствовать въ засѣданіи 7-го текущаго мая при обсужденіи запроса по поводу заговора, угрожавшаго жизни Государя Императора, и этимъ дѣйствіемъ явно уклонились отъ порицанія замысловъ Цареубійства.

«Святѣйшій синодъ, исходя изъ положенія, что по существу пастырскаго служенія со священнымъ саномъ неразрывно связано уваженіе къ существующей государственной власти и государственному строю, а тѣмъ болѣе уваженіе и нелицембрная преданность Государю Императору, какъ Помазаннику Божію, на вѣрность которому священнослужители не только присягаютъ сами, но и обязаны приводить другихъ къ присягѣ, нацелъ недопустимою принадлежность священниковъ къ политическимъ партіямъ, забывшимъ долгъ присяги и стремящимся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя и даже Царской власти. А потому опредѣлилъ: поручить высокопреосвященному Антонію, митрополиту с.-петербургскому, по вызовѣ священниковъ, причисляющихъ себя къ названнымъ партіямъ думы, объявить имъ: 1) что они должны дать объясненіе своего отсутствія въ упомянутомъ засѣданіи думы и немедленно оставить тѣ партіи, къ которымъ они себя причисляютъ, причемъ, если они согласны на сіе, то должны сдѣлать объ этомъ заявленіе публично; 2) въ случаѣ нежеланія исполнить это требованіе, они должны добровольно сложить съ себя священный санъ, какъ рѣшительно несовмѣстный съ революціонными взглядами и разрушительною дѣятельностью тѣхъ партій, и 3) что въ случаѣ неисполненія ими сего предложенія, сужденіе объ ихъ поступкѣ будетъ передано на усмотрѣніе ихъ епархіальныхъ начальствъ, изъ подчиненія которымъ они, какъ продолжающіе быть священниками, не освобождены и въ ихъ положеніи членовъ государственной думы».

Въ этотъ-же день въ газетахъ появилось слѣдующее письмо о. Тихвинскаго, священника-депутата, принадлежащаго къ трудовикамъ: «М. Г., г. Редакторъ! Имѣю долгъ заявить (и надѣюсь, разъ навсегда), что я, какъ священникъ, по долгу и совѣсти своей, всякій террористическій актъ, всякое пролитіе крови, на какой-бы почвѣ, во имя какихъ-бы интересовъ они ни были совершены, съ абсолютной христіанской точки зрѣнія, осуждаю и почитаю грѣхомъ.

«Но, къ сожалѣнію, понятія о грѣхѣ и преступленіи въ

общественномъ сознаниі не всегда совпадаютъ. Нерѣдко тотъ актъ, который христіанство называетъ грѣхомъ, общество называетъ благодѣтелью. Такъ, войну христіанство называетъ зломъ, пролитіе крови на войнѣ грѣхомъ, общество же пролитіе крови на войнѣ почитаетъ доблестью и награждаетъ. Христіанство осуждаетъ самозащиту и защиту другого съ пролитіемъ чужой крови, а общество оправдываетъ, называя такой актъ только печальною необходимостью и не судить его даже формальнымъ судомъ. А я, какъ священникъ, могу только глубоко скорбѣть о такомъ разладѣ между христіанскими взглядами и общественной моралью. Но, какъ общественный дѣятель—членъ государственной думы, посланный защищать общественные интересы, я долженъ считаться съ реальными фактами, реальною жизнью, иначе всякій имѣетъ право назвать меня беспочвеннымъ моралистомъ, утопистомъ-мечтателемъ, работа моя въ государственной думѣ будетъ для страны безплодною.

«Я глубоко убѣжденъ, что, лишь только правительство искренне пойдетъ по пути дѣйствительнаго обновленія родины, прекратить репрессіи, терроръ падетъ самъ собою, само общество прекратитъ его. Нужна дружная, совмѣстная работа общества и правительства. Такъ думаетъ и разсуждаетъ парламентская фракція трудовой группы.

«Къ идеѣ царевубійства я не причастенъ; протестую всѣми силами души противъ того цинизма, съ какимъ мнѣ брошено гнусное обвиненіе, и возвращаю его тѣмъ, кто носитъ съ собою ножъ, помазанный медомъ.

«Высокое имя русскаго конституціоннаго Монарха я высоко чту, но считаю нужнымъ доказывать это не словами, а дѣломъ.

«Во имя желаній Государя Императора, выраженныхъ Имъ въ Высочайшемъ манифестѣ 17-го октября, и въ духѣ желаній трудового народа и своихъ довѣрителей я буду посильно работать, пока Господь терпитъ моимъ грѣхамъ, надъ обновленіемъ нашей несчастной родины, надъ осуществленіемъ конституціоннаго правового строя въ государствѣ на широкихъ началахъ, мирнымъ идейнымъ путемъ и тѣмъ выражать свое почтеніе Государю и родинѣ.

«Принимать Имя Монарха я никогда не позволю себѣ ни провокаціонными предложеніями въ государственной думѣ, ни выкриками на монархическомъ съѣздѣ монаха Илюдора, ни заявленіями графа Бобринскаго въ государственной думѣ, позволявшимъ себѣ обогатъ апостола.

«Борющіеся съ идеями Высочайшаго манифеста 17-го октября, отображающими высокіе общественные идеалы народнаго представительства, правового строя, ответственности властей, отображающими евангельскія начала братства, равенства, свободы, на языкѣ общества называются темными силами грѣха и реакціи, а на языкѣ Евангелія бѣсами, а посему имя «жреца сатаны» я оставлю за княземъ Ухтомскимъ, его газетнымъ органомъ, со всею его справа роднею, въ назиданіе потомству.

«Членъ государственной думы священникъ Федоръ Тихвинскій. 11-го мая 1907 г.»

14-го мая митрополитъ Антоній вызывалъ къ себѣ депутатовъ-священниковъ для объявленія имъ указа св. синода. Явились деп.: о. Архиповъ, о. Гриневицъ, о. Колокольниковъ и о. Тихвинскій. На приемъ присутствовали еп. Иннокентій и протопресвитеръ Янышевъ.

По прочтеніи указа, въ которомъ говорится о принадлежности священниковъ-депутатовъ къ политическимъ партіямъ, они заявили, что входятъ въ составъ думскихъ фракцій, а не партій. Это заявленіе на первыхъ порахъ вызвало нѣкоторое недоумѣніе, но вскорѣ выяснилось, что священникамъ-депутатамъ возбраняется также входить въ составъ фракцій.

Свящ. Колокольниковъ заявилъ, что онъ считаетъ себя безпартійнымъ, такъ какъ не входитъ ни въ одну изъ думскихъ фракцій. Митрополитъ Антоній замѣтилъ, что о. Колокольниковъ хотя и принадлежитъ къ безпартійнымъ, но не къ правымъ. На вопросъ священниковъ, думаетъ-ли митрополитъ, что они должны входить въ составъ только группы монархистовъ, митрополитъ Антоній замѣтилъ, что, кромѣ монархистовъ, имѣются еще и нѣсколько болѣе лѣвые—октябристы. Изъ дальнѣйшей бесѣды выяснилось, что митрополитъ не допускаетъ возможности, чтобы священники принадлежали и къ партіи народной свободы, какъ не легализованной; выяснилось также, что, по мнѣнію митрополита, въ Россіи нѣтъ конституціи.

Въ концѣ концовъ, митрополитъ Антоній предложилъ священникамъ, членамъ гос. думы, дать опредѣленный отвѣтъ къ 18-му мая о томъ, что они по совѣсти отказываются отъ своего образа мыслей и дѣйствій. При этомъ митр. Антоній указалъ, что формальный выходъ изъ фракцій при сохраненіи настоящаго образа мыслей будетъ лицемѣріемъ, которое усугубитъ ихъ вину.

15-го мая трудовая группа внесла въ гос. думу слѣдующій запросъ, вызванный этою бесѣдой митрополита Антонія со священниками-членами думы. Изложивъ всѣ обстоятельства, сопровождавшія вызовъ депутатовъ-священниковъ къ митрополиту Антонію и бесѣду его съ ними, группа заявила:

«Мы, нижеподписавшіеся, видимъ въ этомъ грубое нарушеніе свободы мнѣній членовъ думы, гарантированной ст. 14-й учрежденія гос. думы, въ силу которой члены думы пользуются полной свободой сужденій и мнѣній по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію думы, и ст. 8 закона 8-го марта 1906 г., карающей, за воспрепятствованіе угрозами или злоупотребленіями власти члену думы исполнять его обязанности, нѣсколькими годами арестантскихъ отдѣленій. Ввиду этого мы просимъ слѣдно запросить господина предсѣдателя совѣта министровъ и господина оберъ-прокурора св. синода:

«1) Извѣстно-ли имъ объ этомъ нарушеніи ст. 14 учрежденія гос. думы, и

«2) Если да, то что они намѣрены сдѣлать для огражденія свободы сужденій членовъ гос. думы?

«Мы предлагаемъ запросъ этотъ, не передавая въ комиссію, поставить на повѣстку засѣданія 17-го мая и рассмотреть въ этотъ день по существу внѣ очереди предъ другими дѣлами».

Этотъ запросъ принять думою, въ ея засѣданіи 17-го мая, какъ срочный и слѣдующій, безъ преній

«Товарищъ» рассказываетъ, что въ день запроса объ отношеніи синода къ священникамъ въ кулуарахъ думы темой разговоровъ служило синодское «дѣяніе».

— Такъ какъ-же, батюшка, нельзя, говорить, ни къ «кадетамъ», ни къ лѣвымъ, хотя-бы и безпартійнымъ?—спрашиваютъ одного изъ обреченныхъ.

— Да, сказалъ. Но всего интереснѣе, что тутъ-же и добавилъ: «а какіе это лѣвые? Которые...» — «Стоять за интересы народа»,—подсказали ему.—«Нѣтъ, этого, говорить, нельзя, невозможно».

«Депутаты смѣются.

«— Смѣйтесь, смѣйтесь,—замѣчаетъ одинъ изъ представителей Сибири,—а скоро всѣ одинъ по одному перейдете къ намъ—сибирякамъ,—самая сильная партія будетъ».

На разспросы журналистовъ о Бриллиантовѣ отвѣчалъ такъ:

— У митрополита не было и никакихъ объясненій представлять не намѣренъ. При запросѣ только выйду на трибуну и заявлю, что совѣсть моя не указываетъ мнѣ ничего противнаго сану въ той партіи, къ которой я имѣю честь принадлежать, и никакого противорѣчія между призваніемъ священника и служеніемъ народнымъ интересамъ въ думѣ я не усматриваю, поэтому не вижу надобности дѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ. Но если на меня воздвигнутъ гоненія, я готовъ и претерпѣть...

Интересна біографія о Бриллиантова.

«Я--сибирякъ,—сказалъ онъ,—окончилъ курсъ въ томской семинаріи, 16 лѣтъ священству, 13 лѣтъ въ сельскомъ приходѣ, а остальное время въ г. Минусинскѣ, Енисейской губерніи. Не такъ еще давно я былъ монархистомъ, и кругомъ всѣ правоярныя монархисты. Но вотъ началась японская война. Мы полагали вначалѣ, что ~~еще~~ правительство стоитъ на почвѣ права и правды. Но вскорѣ стали раскрываться аферы и другіе факты. Стали попадать въ наши края раненые, рассказывали о порядкахъ въ армии, хищеніяхъ. Тяжело это ложилось на душу,—ломка, знаете. Устой дрогнули, а бывшіе у насъ ссыльные и вовсе открыли глаза. Начались сомнѣнія и другого порядка: молимся за начальниковъ, градоначальниковъ и проч.,—кто они? А тутъ разыгралась трагедія 9-го января. Но все еще были колебанія. И послѣ этого я еще оставался на «кадетской» точкѣ; но не долго. Послѣ манифеста 17-го октября начались митинги и тутъ-же гоненія на нихъ. А меня избрали членомъ комитета по устройству митинговъ; отдался этому дѣлу всей душой. Товарищи-же изъ духовенства на меня доносили, но самъ я не чувствовалъ никакого разлада въ самомъ себѣ. Репрессіи убѣдили въ томъ, что мирнымъ путемъ ничего не получишь. Проповѣди мнѣ запретили. Пришлось подчиниться давленію. Но обошлось не дешево: мучился, не спалъ ночей, искалъ выхода, рылся въ программахъ, пока не встрѣтился съ однимъ изъ членовъ крестьянскаго союза, и этотъ союзъ далъ мнѣ полное удовлетвореніе. А теперь я—«эсъ-эръ». Нарядили надо мной слѣдствие, но опоздали н... я успѣлъ пройти въ думу».

* * *

Черезъ 4 дня послѣ вызова священниковъ-депутатовъ къ митрополиту Антонію были опубликованы слѣдующія ихъ писема.

Письмо свящ. Ф. Тихвинскаго къ митрополиту
Антонію.

Ваше высокопреосвященство, милостивый архипастырь. Согласно указу св. синода отъ 12-го мая за № 5577, я обязанъ дать объясненіе по двумъ пунктамъ указа. Но такъ какъ вами, высокопреосвященный владыко, при объявленіи указа даны новыя существенныя указанія и разъясненія, я позволяю себѣ, не утруждая святѣйшаго синода, представить свои объясненія непосредственно вашему высокопреосвященству.

1) Въ государственную думу 6-го мая вечеромъ со стороны правыхъ внесено было слѣдующее заявленіе за подписью 33-хъ членовъ государственной думы: «Мы предлагаемъ государственной думѣ принять нижеслѣдующее обращеніе за разъясненіемъ къ г. министру внутреннихъ дѣлъ: а) имѣютъ-ли фактическое основаніе слухи, которые проникли въ печать о томъ, что раскрыть заговоръ противъ жизни нашего Государя Императора? б) если да, то позволяютъ-ли обстоятельства дѣла нынѣ-же сообщить государственной думѣ подробности этого гнуснаго заговора? Членъ думы г. Бобринскій желаетъ мотивировать настоящій запросъ». (Стенографическій отчетъ государственной думы, засѣданіе 34-е, 7-го мая.)

Парламентская фракція трудовой группы и крестьянскаго союза, къ которой я принадлежу, постановила: «На засѣданіе 7-го мая, когда будетъ обсуждаться заявленіе правыхъ, не ходить, такъ какъ заявленіе правыхъ не обосновано никакими фактическими данными, а построено лишь только на слухахъ неясныхъ, неопредѣленныхъ и настолько разнорѣчивыхъ, что самый фактъ покушенія подвергался весьма большому сомнѣнію и даже отрицался».

Фракція была убѣждена, что заявленіе правыми внесено было съ провокаціонной цѣлью, чтобы устроить только скандалъ, вызвать страсти, дискредитировать государственную думу въ глазахъ населенія, чѣмъ правые обыкновенно и заявляютъ себя въ думѣ.

Не желая быть участникомъ скапдала и не находя въ рѣшеніи фракціи ничего, что было-бы противно моей совѣсти или свидѣтельствовало-бы о неуваженіи къ Монарху, а тѣмъ болѣе о сочувствіи террору, я согласился съ рѣшеніемъ фракціи и весь день 7-го мая на засѣданіи государственной думы не былъ.

2) Съ дѣтства я жилъ среди бѣднаго крестьянскаго населенія; на средства его я получилъ и образованіе. Чудная душа простого русскаго крестьянина была для меня раскрытая книга. Въ этой книгѣ я видѣлъ и читалъ всю безысходную печаль народную, все горе его, нужду и безправіе, читалъ—мучился и терзался душою и совѣстью. Все, что я могъ сдѣлать для народа, я дѣлалъ—молился съ нимъ, плакалъ и утѣшалъ его надеждою, что Богъ видитъ и слышитъ его скорби. Настало чудное 17 октября 1905 года, съ высоты Царскаго трона раздалось вѣщее слово—Царскій манифестъ. Братство, равенство, свобода, уваженіе личности челоуѣка, его совѣсти, его правъ переливались и сіяли свѣтлыми, радужными красками надежды. Народъ же я вмѣстѣ съ нимъ ликовалъ, какъ въ свѣтлый пас-

хальный день. Неслись горячія молитвы благодарности къ Богу. Имя Государя благоговялось,—моя совѣсть нашла выходъ. Я сталъ горячимъ проводникомъ въ народъ идей Высочайшаго манифеста. Горячимъ словомъ я убѣждалъ всѣхъ не принижать святыхъ идей. Я бесѣдовалъ съ прихожанами, проповѣдывалъ, разъяснялъ эти идеи, завязалъ съ народомъ и на этой почвѣ сердечную связь. Въ направленіи св. синода и всего духовнаго вѣдомства я находилъ себѣ одобреніе и оправданіе своей дѣятельности.

«Пастырское посланіе» св. синода и «разъясненіе Царскаго манифеста» укрѣпляли меня и придавали мнѣ мужество.

«Благо російскаго Государя,—читаемъ мы въ разъясненіи Царскаго манифеста («Церковныя Вѣдомости» 1906 г., № 7),—неразрывно съ благомъ народа и печаль народная—Его печаль.

«Народъ всегда вѣрилъ, что если-бы Царь зналъ его затрудненія и нужду, то Онъ одинъ и могъ-бы ихъ облегчить. И эта вѣра оказалась ненапрасной.

17-го октября Царь сказалъ своему народу великое слово. Такъ какъ государство російское очень разрослось и Царю все становилось труднѣе Самому слѣдить за всякимъ дѣломъ, то Ему пришлось управлять чрезъ поставленныхъ имъ людей. Эти сановники и слуги царскіе многочисленными рядами становились между трономъ и народомъ.

«Они не всегда вѣрно понимали нужды народа и не обо всемъ доводили до Царя. Видя, сколько отъ этого происходитъ неправды и какія тяжкія испытанія обрушились на нашу бѣдную родину въ послѣднее время; Царь убѣдился, что поборотъ все это можно не иначе, какъ если самъ Онъ станетъ лицомъ къ лицу къ народу».

Далѣе идетъ рѣчь о народномъ представительствѣ. Святая правда. Я сталъ на защиту народнаго представительства, я указывалъ нужды народа, разоблачалъ неправду слугъ царскихъ и нынѣ Господь привелъ мнѣ исповѣдать это и въ государственной думѣ.

Я не ораторъ, я знаю только языкъ народа и привыкъ говорить на этомъ языкѣ. Рѣчи мои нескладны, но сказаны отъ чистаго сердца. Я не буду здѣсь повторять того, что говорилъ намъ, четыремъ депутатамъ, въ вашемъ, владыко, присутствіи и въ присутствіи почтеннаго старца от. протоіерея Янышева преосвященнѣйшій Иннокентій, епископъ тамбовскій; о семъ когда-нибудь послѣ, при случаѣ.

Въ «Миссіонерскомъ Обзорѣніи», духовномъ органѣ, одобренномъ св. синодомъ и рекомендованномъ духовенству 3-мъ все-російскимъ съѣздомъ миссіонеровъ въ Казани (№ 14—15 1905 года), указано: «Пастырь-проповѣдникъ во имя безпристрастия и неподкупной правды пусть не замалчиваетъ и тѣхъ добрыхъ мотивовъ, и той дѣйствительной самоотверженности борцовъ освободительнаго движенія, какіе мы видимъ въ ихъ дѣятельности; въ то-же время пусть онъ не скрываетъ и тѣхъ темныхъ сторонъ одряхлѣвшаго бюрократическаго режима, который своей безпечностью и дряблостью довелъ Россію до политическаго и экономическаго разоренія и до ея нынѣшняго несчастнаго, позорнаго положенія и внѣ, и внутри (№ 805)». Я

понимаю, что режимъ съ такими признаками, какъ безчестный, дряблый, доведшій Россію до политическаго разоренія и до ея нынѣшняго несчастнаго и позорнаго положенія внѣ и внутри,— есть мертвая организація. Но мертвецъ прилично плакать, но необходимо хоронить его. Хоронить его и выработать новый, лучшій правовой строй въ духѣ идей Высочайшаго манифеста я считаю себя призваннымъ въ государственной думѣ.

Мой епархіальный владыка, преосвященный Филаретъ вятскій, въ проповѣди своей, напечатанной въ «Вятскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (или въ концѣ 1905 года, или въ началѣ 1906 г.), говорилъ, что раздѣленіе русскаго народа на партіи не представляетъ ничего ненормальнаго, такъ какъ черезъ обмѣнъ мнѣній выясняется истина (цитирую не слова владыки, а смыслъ его рѣчи и притомъ на память, могу ошибаться, но хорошо помню его слова: «различіе въ мнѣніяхъ не мѣшаетъ бытъ въ мирѣ со всѣми»).

Памятуя слова своего святителя, я не почиталъ грѣхомъ примкнуть къ парламентской фракціи (въ партіи я не состою ни въ какой), которая мирную работу въ государственной думѣ поставляетъ своимъ девизомъ, не питаетъ симпатій ни къ идеѣ пареубійства, ни къ террористическимъ выступленіямъ, а если-бы я встрѣтился съ такими требованіями во фракціи,— я немедленно оставилъ-бы ее.

И вотъ я, бывшій рѣакціонеръ и узкій консерваторъ, подъ впечатлѣніемъ народнаго горя и горькой его нужды, въ духѣ требованій, предъявленныхъ намъ самой-же духовной властью, цѣлымъ рядомъ лѣтъ перевоспиталъ себя, сталъ на сторону народныхъ интересовъ и правового строя въ государствѣ. Теперь же, какъ вы изволили, высокопреосвященнѣйшій владыко, разъяснить намъ указъ свят. синода отъ 12-го мая, я общалъ въ теченіе трехъ дней («до пятницы») перевоспитать себя въ обратную сторону и «по совѣсти» перемѣнить свои убѣжденія и встать на сторону, какъ вы изволили указать, или правыхъ монархистовъ, но не лѣвѣе октябристовъ, или-же примкнуть къ правымъ безпартійнымъ.

Мое первое перевоспитаніе стоило мнѣ тяжкихъ душевныхъ мукъ, сопровождалось душевными потрясеніями—я боролся съ собою; что-же долженъ пережить я, начавъ и закончивъ въ 3 дня свое обратное переубѣжденіе? Согласитесь, владыко, что это невозможно. Можно разбить себя, но не перевоспитать «по приказу».

Отъ насъ требуется не формальный только выходъ изъ фракціи (а по указу св. синода—изъ партіи), но, какъ вы изволили выразиться, перемѣна убѣждений «по совѣсти», а иначе намъ это будетъ зачтено въ большую вину, какъ лицемеріе, а посему я заявляю: перемѣнить свои убѣжденія не могу. Мои политическія убѣжденія, мои общіе экономическіе взгляды—христіанскія, православныя убѣжденія и вѣрованія (письмо свящ. Тихвинскаго опубликованное въ газетахъ 11-го мая), моя пастырская настроенность вамъ, владыко, извѣстны,—я весь передъ вами, тайно ничего я не училъ.

Эти мои убѣжденія, вѣрованія, моя жизнь и дѣятельность священническая были на виду и извѣстны народу, почтившему меня довѣріемъ и избраніемъ въ члены государственной думы

Какъ-же я могу переимѣнить убѣжденія, не измѣнивъ народу? Тотъ день былъ-бы позоромъ моей жизни.

И какъ я встану въ ряды той партіи, которая борется съ идеями Высочайшаго манифеста, которая на своемъ монархическомъ съездѣ въ Москвѣ гордилась іеромонахомъ Иліодоромъ, не протестовала на его выкрики о той возможности, при которой тронъ Государя будетъ разнесенъ «въ щепы». (Сообщенія газетъ никѣмъ не опровергнуты.)

Партія правыхъ во всемъ согласна со «слугами Царскими», какъ-же я буду покрывать ту неправду, о которой засвидѣтельствовалъ органъ св. синода, какъ я буду защищать «безчестный, дряблый, бюрократическій» режимъ?

Да не будетъ сего.

Правовой строй государства, съ высоко стоящимъ въ немъ конституціоннымъ Монархомъ во главѣ, я буду стремиться по-сильно осуществлять, интересы народа буду отстаивать, борьбу признаю и считаю нужною, иначе будетъ у насъ не жизнь, а болото, но путь борьбы мирной, идейной.

Не могу переимѣнить этихъ убѣжденій, не могу и сана священническаго сложить съ себя, для сего нужно перестать быть въ душѣ священникомъ. Предстоятъ Престолу Божію,—если я скажу, что оно доставляетъ мнѣ радость и утѣшеніе, этого будетъ мало: оно составляетъ мою жизнь. Отказаться отъ сана, значитъ, отказаться отъ жизни.

Вижу впереди много горя и страданій, но жизнь моя, вѣроятно, будетъ недолга. Я понимаю, что сейчасъ идетъ борьба стараго строя съ новымъ, борьба полная жестокости, не знающая пощады, и понимаю, что паду жертвой этой борьбы. Я желаю, я молюсь, чтобы Господь пронесъ мимо меня «сю чашу», но пусть будетъ воля не моя, а милосерднаго Бога! Ему и вароде я вручаю мою судьбу.

Вашего высокопреосвященства усердный слуга членъ государственной думы священникъ Ѳеодоръ Тихвинскій. 18-го мая 1907 года.

Письмо свящ. Архипова къ митрополиту Антонію.

Ваше высокопреосвященство.

7-го мая я пришелъ въ государственную думу. Въ кулуарахъ царило смятеніе. Говорили о запросѣ правыхъ, но никто не зналъ о сущности запроса. Всѣ, однако, были убѣждены, что это—провокаціонная выходка съ цѣлью побудить правительство къ роспуску думы.

Во избѣжаніе инцидента рѣшено было не идти въ залъ засѣданій государственной думы, и я не пошелъ.

Но отсутствіемъ своимъ на этомъ засѣданіи я не хотѣлъ выразить сочувствіе замысламъ царевѣиства, я не могъ этому сочувствовать, какъ священникъ и какъ человѣкъ, въ душѣ котораго глубоко лежитъ отвращеніе ко всякаго рода убійству.

Особу Его Величества я уважаю и къ ниспроверженію Царскаго трона я не стремился.

Будучи избранъ депутатомъ отъ Оренбургской губерніи, я поставилъ своей задачей отстаивать интересы обездоленныхъ массъ и примкнулъ въ думѣ къ фракціи трудовой группы.

стремящейся по возможности улучшить положеніе близкаго моему сердцу безземельнаго крестьянства.

По совѣсти долженъ сказать, что мнѣ съ болью въ сердцѣ приходилось видѣть и читать о произволѣ и насиліи, чинимомъ надъ бѣдными людьми; я видѣлъ и сознавалъ эту неправду и рѣшилъ, стоя на евангельской точкѣ зрѣнія, отстаивать правду.

Я рѣшился на борьбу съ произволомъ и насиліемъ, но на борьбу не разрушительную, но мирную путемъ слова.

Право на такую борьбу, я полагаю, мнѣ далъ Государь Императоръ въ манифестъ 17-го октября и въ послѣдующихъ узаконеніяхъ.

Итакъ, борьба не противна ни моему сану, ни моей совѣсти, ни Евангелію, которое лежитъ въ основѣ моихъ политическихъ воззрѣній.

Что касается предложенія св. синода выдти изъ партіи или, вѣрнѣе, отказаться отъ своихъ политическихъ убѣжденій, то я долженъ сказать, что настоящею моею убѣжденіемъ являются результатомъ громаднѣйшей душевной борьбы на протяжении послѣднихъ лѣтъ и переимѣнить ихъ такъ быстро я не въ состояннн, помимо того, что я оказался-бы предъ своими избирателями обманщикомъ.

Добровольно снять съ себя санъ ужасно тяжело и сдѣлать это я не могу, а потому поручаю рѣшеніе своей участи на благоусмотрѣніе св. синода.

Свящ. Архиповъ.

Письмо свящ. К. Колокольниковка къ митрополиту Антонію.

Ваше высокопреосвященство.

Во исполненіе прочитаннаго мнѣ 14-го мая вашимъ высокопреосвященствомъ указа св. синода за № 5577 имѣю долгъ объяснить, что я ни къ какимъ крайнимъ революціоннымъ партіямъ не принадлежу, состою въ государственной думѣ въ числѣ беспартійныхъ и почитаю лишь своей обязанностью отстаивать интересы трудящихся, обездоленныхъ и гонимыхъ. Совершеніе какого-либо террористическаго выступленія считаю для себя невозможнымъ.

Для дорогой мнѣ родины я считаю своевременнымъ введеніе конституціоннаго строя съ отвѣтственнымъ министерствомъ, т. е., проведенія въ жизнь Высочайшаго манифеста 17-го октября 1905 года, о чемъ въ свое время писалось св. синодомъ въ достопамятномъ обращеніи его къ «православнымъ чадамъ церкви греко-россійской»; тамъ, помнится, русскій народъ сравнивался съ младенцемъ и заявлялось, что теперь русскій народъ выросъ (т. е., созрѣлъ для конституціи).

Республиканскій образъ правленія, по моему глубокому убѣжденію, въ настоящее время совершенно не пригоденъ, ибо исторія не дѣлаетъ скачковъ; равнымъ образомъ, и возвращеніе къ абсолютизму будетъ также не меньшимъ бѣдствіемъ для Россіи.

Ни къ какой разрушительной дѣятельности я не питаю ни малѣйшей склонности, человекъ я—церковный, свои священническія обязанности исполнять,—да не будетъ это мнѣ поставлено въ самовосхваленіе,—всегда добросовѣтно.

Судить по поводу моего отсутствія въ началѣ засѣданія

государственной думы 7-го мая о моем неуваженіи къ Государю Императору и якобы даже сочувствіи цареубійству по меньшей мѣрѣ ошибочно, ибо поступокъ этотъ былъ совершенно ную по другимъ побужденіямъ, а именно: когда я пришелъ въ думу предъ этимъ засѣданіемъ, то въ кулуарахъ думы все говорили о томъ, что правые члены думы провоцируютъ заговоръ, что заговора никакого не было и нѣтъ, а они сочинили его для своихъ цѣлей.

Прислушался я къ этимъ рѣчамъ: обдумалъ и рѣшилъ не быть на этой выходкѣ. Конечно, правильно судить только Богъ, а чувствовалось всегда, что эти господа члены союза русскаго народа (за послѣднее время они рѣшительно себя называютъ монархистами) не искренни, что они любятъ только себя, изъ этого и вытекаетъ ихъ поведеніе.

Я почитаю Государя Императора выше этихъ показныхъ выходокъ и думаю, что Онъ по писанію долженъ быть отцомъ о чадѣхъ веселящимся. Ни отъ какого суда я никогда не отказывался, но считаю нужнымъ сообщить лишь о томъ, что на мѣстѣ моего служенія уже производилось слѣдствіе о моей якобы принадлежности къ социалистамъ-революціонерамъ. По этому слѣдствію я оправданъ, о чемъ у меня имѣется указъ пермской духовной консисторіи. По моему глубокому убѣжденію, моя вина лишь въ томъ, что я горячо любилъ простой трудящійся русскій народъ, особенно крестьянъ, этихъ великихъ носителей идей христіанства, и меня дарили за это и они не лживымъ расположеніемъ. Чтобы не быть голословнымъ, прилагаю при семъ нѣкоторыя изъ писемъ и телеграммъ, полученныхъ мною съ мѣста моего служенія. Любить простой народъ я научился въ родной деревнѣ и особенно въ Александровской больницѣ. Въ качествѣ духовнаго лица я слишкомъ много слышалъ и видѣлъ горя людскаго.

Конст. Колокольниковъ.

Отвѣтъ свящ. Бриллиантова.

Свящ. Бриллиантовъ рѣшительно отказался писать св. синоду какія-либо письма и объясненія, а также онъ отказался и выйти изъ думской фракціи социалистовъ-революціонеровъ, къ которой онъ принадлежитъ.

Отвѣтъ свящ. Гриневича.

Свящ. Гриневичъ, также одицъ изъ гонимыхъ, заявилъ, что писать святѣйшему синоду онъ не считаетъ для себя нужнымъ, такъ какъ давно уже вышелъ изъ лѣвыхъ партій и принадлежитъ въ думѣ къ безпартійнымъ.

19-го мая состоялось первое и 23-го мая второе засѣданіе членовъ святѣйшаго синода для рассмотрѣнія дѣла о депутатахъ государственной думы—священникахъ, принадлежащихъ къ лѣвымъ политическимъ партіямъ. Это засѣданіе началось въ 2 часа дня, окончилось въ четвертомъ часу, причѣмъ всѣми присутствовавшими во главѣ съ митрополитомъ Антоніемъ былъ подписанъ слѣдующій указъ:

«1907 года мая 19-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, святѣйшій правительствующій синодъ имѣли сужденіе «кладъ». 1907 г. кн. 11-я.

о членах государственной думы священникахъ Антоніи Гриневичѣ, подольской епархіи, Александрѣ Бриллиантовѣ, енисейской епархіи, Александрѣ Архиповѣ, оренбургской епархіи, Константинѣ Колокольниковѣ, пермской епархіи, и Федорѣ Тихвинскомѣ, вятской епархіи, по поводу объясненій, запрошенныхъ отъ означенныхъ священниковъ высокопреосвященнымъ митрополитомъ с.-петербургскимъ вслѣдствіе указа святѣйшаго синода, отъ 12 сего мая № 5577. Приказали: указомъ святѣйшаго синода, отъ 12-го сего мая, № 5577, было поручено высокопреосвященному митрополиту Антонію вызвать къ себѣ членовъ государственной думы, священниковъ: Антонія Гриневича, Александра Бриллиантова, Александра Архипова, Константина Колокольникова и Федора Тихвинскаго для объявленія имъ опредѣленія святѣйшаго синода, въ означенномъ указѣ изложеннаго, и потребовать отъ нихъ объясненій по поводу ихъ отсутствія въ засѣданіи 7-го мая. Во исполненіе настоящаго порученія митрополитомъ с.-петербургскимъ были представлены при рапортѣ, отъ 19-го сего мая за № 4682, объясненія нѣкоторыхъ изъ означенныхъ священниковъ, причемъ оказалось: 1) Священникъ Гриневичъ, какъ видно изъ рапорта митрополита, при авкѣ къ его высокопреосвященству 14-го сего мая далъ слѣдующую подписку: «Указъ сей слушалъ; заявляю, что изъ трудовой группы я вышелъ 16-го апрѣля и что на засѣданіи при обсужденіи запроса по поводу слуховъ о покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества я присутствовалъ», и потому, какъ отказавшійся публично отъ принадлежности къ трудовой группѣ и заявившій о своемъ присутствіи въ засѣданіи 7-го мая, взысканію не подлежитъ. 2) Священникъ Бриллиантовъ на вызовъ къ митрополиту не явился и никакихъ объясненій не представилъ и потому, какъ не объяснившій своего отсутствія 7-го мая и не отказавшійся отъ принадлежности къ социаль-революціонной партіи и, сверхъ сего, своею неявкою къ митрополиту показавшій полное пренебреженіе и неповиновеніе высшей церковной власти, подлежитъ суду мѣстнаго епархіальнаго начальства. 3) Священники Тихвинскій, Архиповъ и Колокольниковъ представили митрополиту свои письменныя объясненія. Изъ сопоставленія означенныхъ письменныхъ объясненій явствуетъ, что отсутствіе этихъ священниковъ на засѣданіи 7-го мая при обсужденіи запроса о покушеніи на жизнь Его Императорскаго Величества для нихъ не было случайнымъ, а совершенно преднамѣреннымъ, еще наканунѣ рѣшеннымъ на засѣданіи трудовой группы и крестьянскаго союза, къ которымъ принадлежатъ названные священники (см. объясненіе священника Тихвинскаго). Такимъ образомъ, предъявленное къ означеннымъ священникамъ святѣйшимъ синодомъ обвиненіе въ намѣренномъ отсутствіи ихъ на засѣданіи 7-го мая данными объясненіями еще болѣе подтверждается. Тѣмъ-же представленными объясненіями означенные священники, открыто подтверждая о своей принадлежности къ трудовой фракціи, въ то-же время рѣшительно отказываются измѣнить характеръ своей дѣятельности или добровольно сложить съ себя священный санъ. Совмѣстимость святости сана съ революціонною дѣятельностью обвиняемые священники стараются оправдать ссылкой на ихъ любовь къ народу, на ихъ

сочувствіе и состраданіе къ горю и нуждѣ народнымъ и ко вѣмъ сирымъ и обездоленнымъ. Но эта ихъ любовь къ народу—не христіанская любовь, такъ какъ святія чувства любви къ народу, свойственныя истинному пастырю христіанскому, отнюдь не вызываютъ на разрушительную дѣятельность, а, напротивъ, совершенно исключаютъ всякую возможность таковой дѣятельности. Пастырское служеніе, какъ служеніе примиренія (2 Кор. 5, 18), требуетъ отъ пастыря утвержденія въ народѣ духа мира и любви, а не возбужденія озлобленія и политическихъ страстей. А потому священники Тихвинскій, Колокольниковъ и Архиповъ, какъ не представившіе заслуживающихъ уваженія оправданій отъ обвиненій ихъ въ намѣренномъ отсутствіи ихъ на засѣданіи думы 7-го мая и неисполненіи требованій, предъявленныхъ имъ указомъ святѣйшаго синода, подлежатъ преданію суду своихъ епархіальныхъ начальствъ. Ввиду изложенныхъ данныхъ святѣйшій синодъ опредѣляетъ: предписать епархіальнымъ начальствамъ: енисейскому, оренбургскому, пермскому и вятскому войти въ сужденіе относительно допущенія священниками Бриллиантовымъ, Архиповымъ, Колокольниковымъ и Тихвинскимъ вышеозначенныхъ, несомвѣстимыхъ съ священнымъ саномъ и нетерпимыхъ для всякаго вѣрноподданнаго дѣяній и постановить засимъ рѣшеніе на основаніи Слова Божія и церковныхъ правилъ (святыхъ апостолъ правило 84) и въ дальнѣйшемъ поступить по закону. О чемъ и послать указы преосвященнымъ: енисейскому, оренбургскому, пермскому и вятскому, въ части, ихъ касающейся, для должныхъ къ исполненію распоряженій, предписавъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, преосвященнымъ енисейскому, оренбургскому и вятскому нынѣ же запретить священникамъ Бриллиантову, Архипову и Тихвинскому священнослуженіе».

Какъ теперь оказывается, не одинъ православный синодъ противъ участія священниковъ лѣвыхъ партій. Оренбургскій муфтіи прислалъ на имя депутатовъ муллы С. З. Максудова, Казанской губ., А. А. Немединова, Симбирской губ., и Хасанова, Уфимской губ., аналогичный съ св. синодомъ запросъ о томъ, къ какимъ партіямъ они принадлежатъ. Если они состоятъ въ партіяхъ лѣвѣ октябристовъ, то муфтіи требуетъ немедленнаго выхода. О принадлежности къ какой-либо партіи и о своемъ рѣшеніи муллы должны письменно увѣдомить муфтія. Если же депутаты-муллы не исполняютъ этого требованія, то къ нимъ будетъ примѣнена высшая мѣра духовнаго наказанія, включительно до лишенія званія. Въ виду того, что двое изъ нихъ, Максудовъ и Немединовъ, состоятъ только въ мусульманской фракціи, то осложненій не предвидится. Въ трудномъ положеніи находится Хасановъ, который принадлежитъ къ фракціи трудовиковъ. Хасановъ не намѣренъ выходить изъ фракціи, такъ какъ не считаетъ партію трудовиковъ противогосударственной.

О полахъ, толоконныхъ лбахъ.

Статья Н. Кононова.

Право, есть что-то „толоконное“ въ нашихъ духовныхъ отцахъ-Пушкинъ увѣряетъ, что у этихъ господъ „толоконный лобъ“. Великій русскій поэтъ такъ прямо и восклицаетъ: „жилъ былъ пошъ—толоконный лобъ“. Мы, однако, думаемъ, что дѣло здѣсь не въ толоконномъ лбѣ, а въ томъ, что скрывается за нимъ. Тамъ, пожалуй, даже не толокно, а труха какая-то.

Нашимъ читателямъ хорошо извѣстно наше отношеніе къ священнику Григорію Спиридоновичу Петрову. Мы видѣли въ немъ жертву „толоконныхъ лбовъ“, прикрытыхъ черными клобуками. По-нашему мнѣнію, все то, что было продѣлано съ священникомъ Петровымъ, свидѣтельствовало лишь о грубости правовъ въ вышеуказанной средѣ, о стремленіи подслужиться, выставить напоказъ свою „преданность“. Священника Петрова боялись и приняли всѣ мѣры, чтобы такъ или иначе отстранить его.

Боятся только слабѣйшіе сильнѣйшаго, и консисторскіе отцы показали, что свящ. Петровъ, на котораго они, какъ опереточные заговорщики, „на одного ударили всѣ разомъ“, и сильнѣе, и лучше, и умнѣе ихъ. И все это было „усердіемъ не по-разуму“. Своимъ гоненіемъ на этого человѣка консисторскіе отцы внесли новыя сѣмена смуты въ безъ того-то взбаломученную русскую жизнь. Слишкомъ замѣтны были бѣлыя нитки, которыми были сшиты обвиненія противъ этого неугоднаго „отцамъ“ пастыря! Копались цѣлый годъ, рылись во всѣхъ мусорныхъ кучахъ, и когда ничего подходящаго тамъ не нашли, то взяли да и придумали какую-то наивность, придумали и взяли придуманное въ основу всего... Явилось въ полномъ смыслѣ „зданіе, построенное на пескѣ“, и оно, конечно, разрушилось при первомъ-же дуновеніи „вѣтерка разума“.

Не нужно забывать, что какъ разъ въ то самое время, когда на свящ. Петрова было воздвигнуто гоненіе именно на такой искусственно созданной почвѣ, съ наглою развязностью дѣйствовали Иліодоры, Виталии, Василии, Арсеніи, Антоніи Храповицкіе и прочія мелкія и крупныя сошки изъ среды бѣлыхъ и черныхъ пушкинскихъ „толоконныхъ лбовъ“. Всѣ эти господа на всю Россію испускали нагло-дикіе вопли, призывая народъ къ смутѣ, кровопролитію, а пресловутый Иліодоръ обнагльѣлъ до того, что осмѣлился даже угро-

жать Верховной Власти. И этимъ господамъ все сходило, мало того, они поощрялись даже, и лишь въ послѣднее время, когда даже пресловутые „серны“ (союзъ русскаго народа), въ лицѣ своего предсѣдателя кн. Щербатова, оказались возмущенными неистово-дикими воплями Илюдора, „толоконнымъ лбамъ“ волей-неволей пришлось посократить своего зарвавшася собрата.

Повятно, что свящ. Петровъ являлся антиподомъ всѣхъ этихъ вопіющихъ молодцовъ и въ качествѣ жертвы „толоконныхъ лбовъ“ заслуживалъ самаго теплаго къ себѣ отношенія со стороны всякаго журналиста, честно относящагося къ печатному слову, честно служащаго своимъ перомъ несчастной родимой странѣ. Повторяемъ, что въ такую невзгуду, какую переживаетъ теперь наша бѣдная родина, священный долгъ каждаго русскаго журналиста быть искреннимъ, правдивымъ; только правдой, высказываемой искренне и смѣло, можно бороться съ океанами лжи, явившимися именно слѣдствіемъ проклятой смуты. Вотъ именно этотъ самый священный профессиональный долгъ и заставляетъ насъ, не мѣняя своихъ взглядовъ на предшествующую дѣятельность свящ. Гр. Петрова, сказать, что не успѣлъ онъ вырваться изъ Череменецкаго монастыря, какъ показалъ, что и онъ въ сущности не что иное, какъ тотъ-же „попъ-толоконный лобъ“...

Когда свящ. Петровъ въ первый разъ послѣ своего возвращенія въ Петербургъ появился въ государственной думѣ, къ нему подошелъ извѣстный журналистъ М. О. Меншиковъ и протянулъ ему руку. Тогда „череменецкій заточникъ“ высоко („величественно“, какъ увѣряютъ лгушія направо и налево такъ называемыя „прогрессивныя“ газеты, специализировавшіяся въ измышленіяхъ всякой лжи) поднялъ и наморщилъ свой „толоконный лобъ“ и произнесъ слѣдующую знаменательную фразу:

— Извините, никакъ не могу!

„Не могу“ значитъ „не могу пожать протянутую руку“!

— Умри, отче! Толоконѣ сего тебѣ врядъ-ли удастся сказать что-либо!..

Г. Меншиковъ — журналистъ. Профессиональный долгъ журналиста прямо и честно высказывать то, что онъ въ данномъ положеніи считаетъ правдой. Слово, убѣжденіе должны быть свободны. Цензурныя оковы, лежавшія на русскомъ словѣ и убѣжденіи, принесли Россіи болѣе вреда, чѣмъ всѣ ея неудачныя войны, чѣмъ недороды; неурожай, голодъ. Истина появляется изъ противорѣчій. Журналистъ, ради корысти подплясывающій подъ чужую дудку, презрѣнъ. Меншикова до сихъ поръ никто въ этомъ не уличилъ. Напротивъ того; его писанія очень часто идутъ въ разрѣзъ не только съ общественнымъ мнѣніемъ, но онъ смѣло бросаетъ обличенія въ такія высш,

на которыя только поглядываютъ, облизываясь, но не смѣя залаять, всевозможныя прогрессивно-газетныя шавки.

Въ одномъ изъ своихъ „Писемъ къ ближнимъ“ Меншиковъ высказалъ свое мнѣніе относительно свящ. Петрова. Отдавая должное его способностямъ, г. Меншиковъ высказалъ, что, по его мнѣнію, свящ. Петровъ идетъ по ложной дорогѣ. Читатели „Клада“ знаютъ это мнѣніе нововременскаго журналиста. Оно было приведено въ № 3 нашего журнала.

Въ сущности отзывъ г. Меншикова о свящ. Петровѣ былъ безпристрастенъ и вотъ г. Петровъ (именно въ данномъ случаѣ „г.“, а не „о“!) произнесъ свою толоконную фразу: „Извините, никакъ не могу!“. Картина получилась восхитительная. Журналистъ обидѣлся на другого журналиста за негодный критическій отзывъ! Журналистъ мститъ другому журналисту, мститъ, т. е., совершаетъ насилие надъ свободою того самаго слова, которому онъ служить.

Но выходка г. Петрова въ данномъ случаѣ можетъ имѣть и другой отбѣнокъ. Г. Меншиковъ не подпоясываетъ подъ дужку лже-прогрессистовъ, а эти господа взяли теперь въ нашей прессѣ большое засилье. Не испугался-ли г. Петровъ, что эти засильники, въ одинъ голосъ пѣвшіе ему дифирамбы, заклюютъ его, если онъ пожметъ протянутую ему руку журналиста изъ противнаго лагеря? Вѣдь, г. Меншиковъ „не изъ насихъ“, онъ смѣло говоритъ о томъ, что считаетъ правдой, и въ мнимо-освободительной свистопляскѣ не участвуетъ; стало быть, всякій, кто такъ или иначе съ нимъ, тѣмъ самымъ становится врагомъ всевозможныхъ мнимо-освободителей, и г. Петровъ, очутившись на свободѣ, поспѣшилъ показать всему міру, что онъ—съ „освободителями“ и врагъ всякому, кто не лжетъ умышленно, не подтасовываетъ правды „ради тактики“...

Очень, очень жаль, что приходится высказывать такія мысли! жаль, потому что сама собою разрушается иллюзія, и на мѣстѣ дѣятеля, который всегда казался головой выше толпы, оказывается индивидъ, готовый на всякое подслуживаніе все той-же толпѣ. Создается такое положеніе: „толоконные лбы“ только и способны на подслуживаніе: Илюдоры съ братіей—однимъ, Петровы съ компаніей—другимъ. Своего ничего нѣтъ; чей хлѣбъ соль ѣдятъ, того и пѣсенку поютъ...

И это—наши дѣятели, это—люди, которымъ народъ вручилъ свою судьбу!..

Толоконность г. Петрова не замедлила обнаружиться и въ дальнѣйшемъ. Сей мужъ воображалъ себя ни много, ни мало, какъ... Христомъ. Это явствуетъ изъ того, что, оправдывая свою выходку съ г. Меншиковымъ, онъ съ наивной легкостью заявилъ печатно: „Я—

не Христось!". Замѣьте, только въ случаѣ съ г. Меншиковымъ, а во всѣхъ остальныхъ? Да, очевидно, г. Петровъ не прочь порисоваться „въ роли“ Христа... Что-же, за чѣмъ дѣло? Торбаевъ вышелъ изъ іоаннитскихъ „Христовъ“, охтенскій „Христось“ изъ подручныхъ дворниковъ утонулъ въ Невѣ при катастрофѣ съ щитовскимъ пароходомъ „Архангельскъ“. Вакансіи, стало быть, есть: „череменецкій заточникъ“ можетъ кататься, какъ сыръ въ маслѣ: все къ его услугамъ—и почетъ, и уваженіе, и всевозможныя матери въ родѣ пресловутой „Богородицы Порфиріи“. Не жизнь пойдетъ, а масленица для прославленнаго отца.

Въ слѣдующемъ номерѣ „Клада“, въ интересахъ истины, возвратимся еще къ гг. Петрову и Меншикову и представимъ нашимъ читателямъ полностью ихъ ожесточенную газетную полемику, въ которой оба эти господина весьма похожи на крыловскихъ „Полкана“ и „Барбоса“: была между ними дружба неразрывная, бросили между ними кость—и грызутся недавніе друзья, такъ что съ обонхъ шерсть ключьями летить...

О, люди, люди!

„Толоконные лбы“ показали себя во всей своей красѣ и въ тотъ день, когда въ государственной думѣ слушалось сообщеніе г. Столыпина о раскрытіи злодѣйскаго покушенія противъ Государя Императора, они, извольте видѣть, демонстративно отсутствовали, когда дума слушала объясненія г. предсѣдателя совѣта министровъ и сдѣлала извѣстное постановленіе, выражающее радость думы по поводу предупрежденія злодѣйскаго покушенія. „Толоконные лбы“ поползли изъ разныхъ думскихъ щелей лишь тогда, когда вышеупомянутое постановленіе состоялось. По тактическимъ соображеніямъ, эти лже-служители Христа не только не осмѣлились высказать чувство понятной радости при извѣстїи о томъ, что удалось предупредить страшное кровопролитіе, но даже какъ-бы подчеркнули то, что они опечалены предупрежденіемъ его. И эти люди осмѣливаются совершать безкровную жертву, они осмѣливаются оставаться пастырями Христова стада! они осмѣливаются быть посредниками между человекомъ и Божествомъ!

Да, г. Тихвинскіе, Бриллиантовы, Колокольниковы и Петровы! Неужели въ ваши умы не закрадывалась мысль, что вы своими „тактиками“ продаете Христа, Которому обязались служить? Намъ скажутъ: „Миѣніе должно быть свободно“. Совершенно вѣрно, но есть дѣла, о которыхъ не можетъ быть двухъ миѣній. Спасеніе человѣческой жизни отъ насильника должно быть дорого каждому. Кто демонстративно уклоняется отъ выраженія радости по этому поводу, тѣмъ самымъ заявляетъ противное. Подумали-ли объ этомъ „толоконные лбы“ въ исторической день седьмого мая? Врядъ-ли!

Когда наступила „пятница“, указанная въ синодскомъ постановленіи (см. ниже: „Синодъ и лѣвые священники“), трое изъ этихъ господъ разразились своими объясненіями. Въ своей сущности эти объясненія были не что иное, какъ недостойное вялянье припертыхъ къ стѣнѣ рясоносцевъ, отъ однихъ отставшихъ и къ другимъ не приставшихъ. Ни серьезнаго убѣжденія, ни разумности не видно въ lamentаціяхъ г.г. Тихвинскаго, Архипова, Колокольниково, но они все-таки хотя что-нибудь сказали, хотя какъ-нибудь да повіяли, дабы оставить для себя лазейку къ отступленію въ будущемъ. Но кто оказался великолѣпень, такъ это г. Бриллиантовъ, священникъ (??!) изъ Сибири. Онъ прямо заявилъ, что никакихъ объясненій св. синоду не дастъ и изъ партіи „эсъ-эровъ“ не выйдетъ! Это священникъ-то „эсъ-эръ“! Замѣйте, русскій православный священникъ, русскій православный священникъ, обязанный молиться за главу своей церкви—русскаго Царя, и исповѣдующій символъ вѣры политической партіи, отвергающей монархической строй и выдающей осуществленіе своихъ стремленій въ социалистической республикѣ путемъ царубійства! Что за безобразная бессмыслица—такое сочетаніе двухъ крайностей подъ однимъ „толоконнымъ лбомъ“!

Одинъ изъ русскихъ юристовъ, разсуждая о „священникахъ“ „эсъ-эрахъ“, высказался такъ:

— Если они по долгу службы возносятъ свои молитвы за Государя, не признавая Его, они дѣйствуютъ нечестно и недостойны сана, ибо каждый обязанъ честно исполнять принятыя на себя обязанности; если они признаютъ Государя и молятся за Него искренне, то имъ не мѣсто въ партіяхъ, отвергающихъ государственный строй съ Монархомъ во главѣ; они не смѣютъ подчиняться тактикѣ этихъ партій; если они признаютъ государственный строй съ Монархомъ во главѣ и состоятъ въ партіяхъ, признающихъ лишь республику, они нечестны по отношенію къ своимъ партіямъ...

Вдумайтесь въ положеніе, создаваемое этими словами, и для васъ станетъ ясно, что на г.г. священниковъ-соціалъ-революціонеровъ иного взгляда быть не можетъ.

Рыцарство смутныхъ дней.

Статья Н. В. Сосницкаго.

„Война рождаетъ героевъ“, — гласитъ древнее изреченіе и всякій разъ, когда на политическомъ горизонтѣ сгущаются боевыя тучи, вставшія во враждебныя отношенія государства повторяютъ это изреченіе и ждутъ своихъ героевъ. Въ минувшую войну съ Японіей наша родина оказалась мало плодотворной героями. Крупныхъ или болѣе или менѣе замѣтныхъ героевъ не народилось на „кровавой нивѣ“ манчжурскихъ полей. Можетъ быть, нѣсколько „специфическія“ условія дальневосточной авантюры мѣшали прославленію русскаго оружія, можетъ быть, развитіе техники военнаго дѣла затруднило проявленіе героизма — сказать трудно, но извѣстно одно: въ послѣднюю войну крупныхъ героическихъ личностей не оказалось. Грустно, несчастливо тянулась война на Дальнемъ Востокѣ, трагично и убыточно для Россіи было ея окончаніе...

Вслѣдъ за внѣшней войной вспыхнули внутреннія междоусобицы, новая, еще болѣе страшная, война внутри государства — война за свободу, за право, за народное благосостояніе. Въ противоположность внѣшней, эта война выдвинула не однихъ только „героевъ“, но и рыцарей. Относительно первыхъ мы говорить не будемъ, такъ какъ, хотя героизмъ и безусловно былъ проявленъ съ обѣихъ враждующихъ сторонъ (правительства и борцовъ за народъ), но этотъ героизмъ, по своей природѣ, является настолько оригинальнымъ, что... его изслѣдованіе и оцѣнку мы охотно уступаемъ будущему историку Россіи... Намъ болѣе интересуетъ проявленіе или, точнѣе, возникновеніе рыцарства въ Россіи. Этотъ вопросъ чрезвычайно интересенъ и, если можно такъ выразиться, крайне пикантнаго свойства, а потому мы на немъ да еще на одномъ „частномъ случаѣ“ и остановимся въ настоящей бесѣдѣ съ читателями.

Всякому, хотя-бы и поверхностно знакомому съ отечественной исторіей, извѣстно, что рыцарства, того, что характеризовало западныхъ государствъ, у насъ, въ Россіи, никогда не было. Наши предки болѣе отличались благочестіемъ чѣмъ галантностью западныхъ „кавалеровъ“. На Западѣ были замки, феодализмъ, турниры — у насъ терема, вѣче, кулачные бои. Кто знакомъ съ исторіей — тому трудно

найти общія черты въ складѣ жизни древней, полудѣвственной, обособленной Россіи съ традиціями и складомъ государствъ Запада.

Какъ-бы ни была богата фантазія любого бульварнаго романиста, ему невозможно написать историческій романъ изъ жизни нашихъ предковъ на рыцарскій ладъ. Если онъ напишетъ, то любой гимназистъ третьяго класса (даже изъ современныхъ гимназистовъ) смѣло можетъ упрекнуть его въ полномъ незнаніи отечественной исторіи...

Нѣтъ, рыцарства (отъ этого насъ Богъ спасъ) не было у насъ, въ Россіи, ни въ отдаленнѣйшіе вѣка, ни въ послѣпетровскій періодъ. Не было его у насъ никогда — даже тогда, когда одинъ изъ русскихъ императоровъ принадлежалъ къ рыцарскому ордену *).

Съ теченіемъ вѣковъ исчезло рыцарство на Западѣ, оставивъ по себѣ памятники въ видѣ руинъ замковъ и рыцарскихъ доспѣховъ, хранящихся въ различныхъ музеяхъ. Взамѣнъ рыцарства и феодализма народилась культура; болѣе или менѣе гуманныя теоріи заняли господствующее положеніе на Западѣ.

Великій Петръ „прорубилъ окно въ Европу“ и оттуда (правда, не въ особенно чистомъ состояніи) пролился и на нашу родину свѣтъ культурнаго начала. Однако, долгое время почтенное правительство оберегало Россію отъ этого свѣта, ставя на его пути „темныя ширмочки“. Порывомъ вѣтра эти ширмочки, кстати сказать, почти совершенно истлѣвшія, были прорваны и лучъ культурной свободы освѣтилъ всѣ темные уголки нашей родины. Но вмѣстѣ со „свѣтомъ“ къ намъ попали и пыль, и грязь, въ теченіе долгихъ десятилѣтій (можно даже сказать вѣка) накопившаяся по „ту“ и „эту“ сторону „ширмочекъ“. Разумѣется, отъ этого нѣсколько ослабилась сила „свѣта“ и на нашихъ отечественныхъ „свалкахъ“ прибавилось достаточное количество чужого „мусора“. Но, что дѣлать, никакой ремонтъ не можетъ обойтись безъ пыли и строительнаго хлама, а, вѣдь, у насъ идетъ не ремонтъ, а капитальное переустройство государственнаго зданія.

Очевидно, вмѣстѣ съ „пылью вѣковъ“ попала къ намъ, наряду съ новѣйшими ошибками Запада (хотя-бы социаль-демократіей), и ветошь варварскаго рыцарства. Въ двадцатомъ вѣкѣ это рыцарство вдругъ возрождается у насъ на родинѣ; не правда-ли, какъ это поэтично и... наивно, читатели? Вы будете спорить, удивляться, наконецъ, даже нетерпѣливо заглянете въ послѣдующія строки, желая узнать, гдѣ, моль, авторъ нашелъ признаки рыцарства въ нашей далеко не поэтической жизни? Не трудитесь ломать голову, авторъ нашелъ это „рыцарство“ (ставимъ его въ кавычки) въ современныхъ газетныхъ извѣстіяхъ.

*) Императоръ Павелъ I, по показанію нѣкоторыхъ историковъ, числился въ мальтійскомъ орденѣ.

Развѣ гт. „союзники“—не „рыцари смутныхъ дней“? Развѣ не „рыцарь“ — хлѣбодарь-Гурко? Припомните то, что привелось вычитывать вамъ въ газетахъ въ послѣдніе два-три мѣсяца, и вы согласитесь, что всѣ элементы „рыцарства“ имѣются у насъ налицо.

Господа „союзники“, задавшись благородной цѣлью—спасеніемъ родины, вѣры и престола, кропятъ св. водою знамена, склоняютъ предъ ними колѣна и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, съ молитвеннымъ пѣснопѣніемъ выступаютъ на борьбу за „правое дѣло“. Не правда-ли, какъ это похоже—разумѣется, по ви́шнему виду—на древнерыцарскую обстановку, при которой крестоносцы выступали на защиту Гроба Господня? Правда, разница та, что у древнихъ крестоносцевъ были вожди, что называется, „кнѣзками покрѣпче“ современныхъ Пуришкевичей, Никольскихъ, Грингмуговъ. Правда, древніе крестоносцы все-таки бывали въ Палестинѣ и хотя безуспѣшно, но все-таки боролись съ „иновѣрными“, а наши „рыцари“ дальше Одессы и Сѣдлеца не двинулись. Но что дѣлать! тогда были одни времена и люди—теперь другіе. Важно возрожденіе стиля, возникновеніе его въ нашей непоэтической родинѣ.

Итакъ, рыцарство у насъ налицо. Но авторъ замѣчаетъ, что читатели недовольны жалкой пародіей, каковой являются современные „крестоносные союзники“ по отношенію къ средневѣковымъ крестоносцамъ. Вы, читатели, вѣроятно, находите это сравненіе и пошлымъ, и оскорбительнымъ для тѣхъ величественныхъ образовъ, которые встаютъ въ вашемъ воображеніи при воспоминаніи о борцахъ за освобожденіе Гроба Господня. Мы согласны—сравненіе не въ пользу современниковъ, но наше дѣло — указать на сходство, а вы ужъ оцѣнивайте рыцарей сообразно личнымъ взглядамъ и симпатіямъ... Однако, мы должны отмѣтить, что на Святой недѣлѣ въ первопрестольной (ссылаемся на свидѣтельство очевидцевъ) „рыцарство“ какъ-будто потерпѣло неудачу; по крайней мѣрѣ газеты сообщаютъ, что „парадъ союзниковъ“ болѣе напоминалъ погребальную процессію, чѣмъ выступленіе въ походъ крестоносцевъ.

Но, можетъ быть, это—только клевета пошленькихъ газетныхъ корреспондентовъ? гдѣ имъ понимать и чувствовать стиль и поэзію „великаго историческаго момента“!..

Однако, довольно о „рыцарствѣ“! Поговоримъ лучше о „рыцарѣ нашего смутнаго времени“, какимъ неожиданно явился знаменитый „дѣйствительный статскій совѣтникъ“ камергеръ В. І. Гурко.

Мы чувствуемъ, что вамъ опять не нравится наша фраза. Ну, какъ связать представленіе о какомъ-нибудь рыцарѣ „Ричардѣ Львиное Сердце“ съ ...„дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ“? Мы согласны — послѣднія три слова звучатъ далеко не поэтично, но

сти. Г. Гурко лично занялся журналистикой, его „бойкому перу“ принадлежит нѣсколько столбцовъ въ газетѣ „Новое Время“, гдѣ онъ перомъ отпарировалъ „хлесткіе удары“ газетныхъ обличителей. Однако, какъ „рыцарь“, В. І. упустилъ изъ вида, что его журналистика въ полуофициальномъ изданіи не совсѣмъ умѣстна, разъ онъ состоитъ еще товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ: но что дѣлать! и рыцарю свойственно совершать безтактности.

Какъ никакъ, а несмотря на цѣлую серію талантливыхъ фельетоновъ, г. Гурко былъ преданъ суду и отстраненъ отъ должности. Положеніе далеко не завидное, болѣе того—крайне тяжелое для всякаго.

Будучи отъ природы жалостливъ, мы понимаемъ, какъ человѣку съ „рыцарской душой“, какимъ является В. І. Гурко, тяжело жить подъ тягостью обвиненія въ соучастіи съ... „голодомъ“, который моритъ десятки тысячъ русскаго крестьянства. Да, ему тяжело, бѣдному, и мы отъ души желаемъ, чтобы судъ вынесъ В. І. полное оправданіе, а благодарное русское крестьянство низко ему поклонилось и съ раскаяніемъ хоромъ воскликнуло: „Прости, батюшка В. І., что мы повѣрили клеветѣ, которую пустили про тебя злые люди, и даже именемъ твоимъ ругались“... Но пока что, а г. Гурко подъ слѣдствіемъ и, какова будетъ резолюція суда, сказать трудно..

Въ этотъ-то тяжелый періодъ жизни В. І. Гурко изъ „д. с. в.“ превратился въ „рыцаря“.

Въ государственной думѣ 11-го мая разбирался законопроектъ объ ассигнованіи 17½ миллионъ рублей, необходимыхъ для окончанія продовольственной кампаніи текущаго года. „Лѣвые“ заявили— „не давать денегъ“, такъ какъ кампанія дѣйствительно вышла „неудачной“. Депутатъ Ф. И. Родичевъ, однако, доказалъ, что, несмотря на то, что авантюра оказалась никуда негодной, ассигновка необходима. „Пусть сто Гурокъ съ мошенниками,—сказалъ г. Родичевъ, когда „лѣвые“ закричали: „Гурко съѣлъ хлѣбъ“, — но, господа, хлѣбъ принадлежитъ тѣмъ, кто воздѣлывалъ его своими руками. Выдвигая изъ состава правительства одного Гурко, вы хотите убить вѣру въ честность всего государства, въ честность всей Россіи“. Такъ сказалъ всѣми уважаемый, всегда корректный Ф. И. Родичевъ. Онъ не назвалъ г. Гурко мошенникомъ, пѣтъ — онъ только „поднялъ мотивъ“, брошенный ему „лѣвыми“, по которому они стояли противъ ассигновки.

Но издерганные нервы г. Гурко не выдержали новаго позора— обвиненія его въ парламентѣ, и онъ совершилъ новую и неоправдываемую безтактность—вызвалъ на дуэль г. Родичева. Сама форма

забудьте ихъ на время или считайтесь съ эпохой. Это тѣмъ болѣе умѣстно, что наряду съ „д. с. с.“ уважаемый В. Гурко еще и „кавалеръ“ многихъ орденовъ Россійской имперіи...

Откинувъ прочь или забывъ „д. с. с.“ *), послѣдимъ вкратцѣ, какъ изъ крѣпостника-бюрократа „уважаемый В. Гурко превратился въ рыцаря“. Онъ—еще сравнительно молодой человѣкъ, но его карьера создавалась быстро (простите, но хочется сказать—создалась карьеромъ): изъ земскаго „дѣятеля“ (онъ много понумѣлъ въ тверскомъ земствѣ, будучи всегда истинно-русскимъ человѣкомъ) В. Г. запялъ постъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ, тогда, когда были объявлены „октябрьскія свободы“.

Впервые его имя прогремѣло на всю Россію годъ тому назадъ (до этого онъ былъ мало извѣстнымъ „труженикомъ“), когда въ первомъ парламентѣ началась ругань, то есть, виновать, пренія по „аграрному вопросу“.

О, какимъ горчимъ, убѣжденнымъ защитникомъ „права собственности“ выступилъ тогда В. Г. Онъ не жалѣлъ ни силъ, ни здоровья, не щадилъ даже собственной благовоспитанности (такъ какъ ругался далеко не изящно), чтобы доказать, что „собственность священна“... Какъ третировали его народные избранники, какъ оскорбляли его „представительство“, чего только не выслушалъ онъ тогда... Бѣдный!.. Но, очевидно, рыцарскія свойства отъ природы таились въ натурѣ В. Г. и онъ стойко, чисто „по-рыцарски“ выносилъ всѣ нападки „грубыхъ депутатовъ“ и съ высоты своего авторитета и величія кинулъ имъ только однажды (да и то было опровергнуто официальной печатью) „хулиганы!“.

Вслѣдъ за разгономъ думы популярность г. Гурко временно ослабла и общее вниманіе было завоевано другими событіями и лицами. А жаль!—въ этотъ „тихій“ періодъ В. Г. особенно усердно“ работала“ для общаго блага по продовольственному дѣлу.

Но ни одно великое событіе, ни одинъ великій подвигъ не можетъ совершиться безъ осужденія. Такова была судьба и „хлѣбодарной“ дѣятельности В. Г. Въмѣсто благодарности онъ услышалъ упреки. Его имя, имя „борца за святость права собственности“, было смѣшано съ именами уличенныхъ въ казнокрадствѣ и лихоимствѣ „достоинныхъ личностей“...

Честь дворянскаго имени была затронута и г. Гурко совершилъ „истинно-рыцарскій“ поступокъ: онъ прибѣгнулъ къ печати для реабилитаціи или нѣтъ—для доказательства своей неподкупной честности.

*) Такъ въ адресъ-календаряхъ сокращенно обозначается чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

вызова посредствомъ письма, опубликованнаго въ „Новомъ Времени“ одновременно съ доставкой къ г. Родичеву, крайне характерна для современнаго „рыцаря“. Письмо крайне рѣзко по формѣ и удивительно по содержанію. Г. Гурко указываетъ г. Родичеву на „клевету“ въ его рѣчи, а затѣмъ пишетъ: „Если-бы Вы не принадлежали по рожденію къ русскому дворянству, то я ограничился-бы привлеченіемъ Васъ за этотъ гнусный поступокъ къ суду. Но, видя въ Васъ русскаго дворянина *), я ранѣе, чѣмъ прибѣгнуть къ этому средству, предлагаю Вамъ отвѣтить за Ваши слова тѣмъ единственнымъ способомъ, которымъ отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ порядочные люди, а именно принявъ мой вызовъ“...

Не правда-ли, сколько благородства въ этомъ письмѣ „современнаго рыцаря“? И какъ выдержанъ стиль... стиль гоголевской свахи (помните, въ „Женитьбѣ“ она заявляетъ Кочкареву: „да вы—подлецъ, если вы—порядочный человѣкъ“)! Да, г. Гурко—несомнѣнный „рыцарь смутныхъ дней“...

Но прослѣдимъ дальше инцидентъ. Г. Родичевъ не пожелалъ воспользоваться своимъ привилегированнымъ происхожденіемъ и отказался отъ чести „сражаться“ съ „д. с. с.“, то бишь, „рыцаремъ“ Гурко; г. Родичевъ отвѣтилъ своему противнику открытымъ письмомъ (№ 112 газеты „Рѣчь“), гдѣ весьма корректно указываетъ г. Гурко, что „пока надъ Вами тяготѣетъ обвиненіе въ томъ, что Вы завѣдомо сообщали неправду о тѣхъ дѣйствіяхъ своихъ, за осужденіе коихъ Вы призываете меня къ отвѣту, до тѣхъ поръ за Вами не можетъ быть признано право требовать за такія сужденія удовлетворенія путемъ поединка“.

Отвѣтъ г. Родичева былъ единственнымъ возможнымъ отвѣтомъ на вызовъ г. Гурко. Ежедневныя изданія освѣтили вопросъ о подобномъ вызовѣ и отвѣтѣ со всевозможныхъ точекъ зрѣнія и выразили полнѣйшее одобреніе депутату Родичеву, отклонившему „починъ“ въ дѣлѣ разрѣшенія парламентскихъ столкновеній представителей народа съ представителями бюрократіи путемъ поединка.

Но иначе взглянулъ на отказъ г. Родичева отъ дуэли г. Гурко. 16-го мая въ „Новомъ Времени“ появилось второе письмо „рыцаря“, которое начинается весьма недвусмысленной фразой: „Не желая оскорблять Васъ предположеніемъ, что выставленная Вами причина для отклоненія моего вызова—лишь жалкій способъ сокрытія Вашей трусости, я вынужденъ думать, что Вы не прочли тѣхъ статей закона, по которымъ я привлекаюсь къ судебной отвѣтственности“. Далѣе авторъ письма доказываетъ своему противнику-юристу

*) Гг. Родичевъ и Гурко—дворяне Тверской губерніи и старые партійные враги.

(Ф. И. Родичевъ—присяжный повѣренный), что возводимыя на него обвиненія не „трогаютъ“ его чести. Всего галантѣе окончаніе письма. „Вторичный отказъ разоблачить истинную его причину и развяжетъ мнѣ руки для преслѣдованія Васъ судебнымъ порядкомъ“.

Удивительно „стильное“ письмо, удивительно „рыцарскій“ поступокъ! Ф. И. Родичевъ, разумѣется, не принялъ вызова и послѣ столь „рыцарскаго“ приглашенія къ „барьеру“. Бѣдный Федоръ Измайловичъ! теперь вся Россія, пожалуй, назоветъ его трусомъ, если не вспомнитъ всей его біографіи до ссылки на сѣверъ включительно (не за „хлѣбодарство“, а за борьбу освободительную).

Нѣтъ, двухъ мнѣній на этотъ скорбный инцидентъ быть не можетъ. Поступокъ Родичева понятенъ всѣмъ культурнымъ людямъ—онъ поступилъ такъ, какъ долженъ былъ поступить истинный патриотъ, посвятившій всѣ свои силы на служеніе родинѣ и высоко держащій знамя народнаго избранника.

Ну, а другой „обиженный“—тотъ, можетъ быть, и великолѣпнень въ своемъ „рыцарскомъ“ поступкѣ, но онъ намъ чуждъ и непонятенъ, какъ чужды и непонятны тѣ пыльные доспѣхи порочнаго феодализма, которые украшаютъ стѣны историческихъ музеевъ.

Впрочемъ, къ чему шутки? для чего бить лежачаго? Положеніе г. Гурко, дѣйствительно, не изъ отрадныхъ...

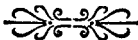
Во всякомъ случаѣ современное „рыцарство“, какъ и „рыцари смутныхъ дней“, не должны вызывать ни смѣха, ни возмущенія—они жалки, такъ какъ являются выраженіемъ послѣдней агоніи порочнаго прошлаго нашей родины...

Помраченіе.

Міръ измѣнился, день ночью сталъ,
Всюду разлился злой буревальъ.
Мозгъ заливаешь дикая кровь,
Мукъ прибавляетъ, скрывшись, любовь.
Все потемнѣло, солнышка нѣтъ,
Зло овладѣло, мраченъ разсвѣтъ.
Злобой объята Русь здѣсь и тутъ:
Братья на брата кровью идутъ.
Мишенье готово ради всего!
Сказано слово—смерть за него!
Полонъ отравы жизни вѣнецъ,
Боже всеправый! скоро-ль конецъ?

Осипъ Кудинъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Бѣлыя ночи. (Иллюстрація момента.)	3
Около думы. Статья <i>А. И. Лаврова</i>	5
Представленіе Государю Императору предсѣдателя государственной думы съ докладомъ о ея дѣлахъ	15
Въ государственной думѣ.	16
Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ <i>П. А. Столыпина</i> по аграрному вопросу.	43
Какъ смотритъ правительство на аграрный вопросъ. Статья <i>Н. В. Алексѣева</i>	52
Жизнь и дѣятельность партій.	57
Земская дума. Статья <i>В. А. Пинчука</i>	67
Святѣйшій синодъ и священники-депутаты.	72
Опопахъ «толоконныхъ лбахъ». Статья <i>Н. Кононова</i>	84
Рыцарство смутныхъ дней. Статья <i>Н. В. Сосницкаго</i>	89
Помраченіе. Стих. <i>Осипа Кудина</i>	95
Оглавленіе	98

